В·К·ГРИБАНОВ ◆ БАГРАТИОН В ПЕТЕРБУРГЕ

В. К. ГРИБАНОВ

ЛЕНИЗДАТ · 1979

19.5.4.1
Г82

Книга посвящена памятным местам нашего города, связанным с жизнью и деятельностью замечательного русского полководца, героя суворовских походов и Отечественной войны 1812 года, отдавшего свою жизнь за независимость России, Петра Ивановича Багратиона.

Автор книги — директор Музея А. В. Суворова полковник запаса В. К. Грибанов — выступает с популярным изданием, адресованным широким кругам читателей.

Г $\frac{20904 \quad 1905040100-235}{М171(03)-79}$ 108—79

В начале прошлого столетия Петр Иванович Багратион был одним из самых популярных русских генералов. О его храбрости рассказывали легенды. Белинский называл его «львом русской армии».

Особой любовью и популярностью пользовался он среди солдат. Военная молодежь стремилась служить под его командованием. О нем много говорили в петербургских гостиных: часто восторгались его подвигами, но еще чаще судачили о его недостатках. Редко он оставлял людей равнодушными. Придворные генералы, которые выигрывали свои баталии не на полях сражений, а в залах царских дворцов, не дарили его своими симпатиями.

Имя Багратиона часто встречается в мемуарах современников и исторических исследованиях.

В 1835 году в «Энциклопедическом лексиконе» была опубликована одна из первых биографий генерала Багратиона. Ее автор — известный военный историк А. В. Висковатов дал подробное описание всех сражений, подвигов и наград полководца. Однако оценку его деятельности Висковатов свел к краткому утверждению, что Багратион — «один из известнейших и отличнейших генералов». С тех пор в дореволюционной историографии Петр Иванович Багратион всегда оставался только «известнейшим и отличнейшим генералом». Более того, полководческое дарование его многими военными историками ставилось под сомнение.

Специальных работ, посвященных жизни и деятельности П. И. Багратиона, в историографии XIX века почти не было. О Багратионе часто писали в связи с историей многочисленных войн и сражений, в которых он участвовал, и единогласно признавали за ним славу героя. Но при этом считали его лишь образцовым исполнителем «гениальных» предначертаний Александра I и его придворных стратегов.

Стремление дореволюционной историографии возвеличить Александра I и его ближайшее окружение привело к тому, что Багратион, Кутузов и другие герои Отечественной войны 1812 года оказались отодвинутыми на задний план. Утверждение современника полководца графа Ф. В. Растопчина о том, что Багратион, «одаренный многими качествами, присущими хорошему генера-

лу, был слишком необразован», отражало официальную точку зрения.

Каков же был Багратион в действительности? Что определяет его место в русской военной истории? Список сражений, в которых участвовал полководец, и побед, одержанных им, говорит о многом, но далеко не обо всем.

В. И. Ленин в замечаниях на книгу Карла Клаузевица «О войне» подчеркивал, что для понимания значения деятельности полководца необходимо учитывать особенности эпохи, в условиях которой он жил и действовал.

Генерал Багратион был современником Великой французской буржуазной революции, возвестившей о победе эпохи капитализма. Он активно участвовал в Отечественной войне 1812 года, которая, по словам Белинского, «пробудила дремавшие силы России».

В конце XVIII и в начале XIX столетия быстрое развитие капиталистической промышленности в России вступило в острое противоречие с ее феодально-крепостнической системой. И тем не менее неуклонный рост производительных сил оказывал воздействие на все стороны жизни, в том числе и на военное дело.

Сравнительно быстрое развитие металлургической промышленности позволило уже во второй половине XVIII века полностью обеспечить нужды армии и флота в вооружении и боеприпасах. Были созданы новые системы артиллерийских орудий, усовершенствовано ручное огнестрельное оружие, появились нарезные егерские ружья и штуцера. Новое вооружение требовало изме-

нений в организации армии, пересмотра тактики и стратегии.

Наиболее прозорливыми и талантливыми полководцами выдвигались новые взгляды на военное дело, хотя они встречали резкое сопротивление реакционной военщины, воспитанной на прусских образцах.

Суворов и Кутузов показали блестящие примеры организации вооруженной борьбы в новых условиях и с новым противником, который владел всеми достижениями европейского военного искусства того времени. Значение деятельности этих полководцев переоценить трудно.

Суворов и Кутузов имели талантливых соратников, учеников и продолжателей. Одним из самых одаренных среди них, несомненно, был П. И. Багратион. Деятельность его как полководца была дальнейшим развитием суворовского направления. Это и определило место П. И. Багратиона в русской истории.

Из сорока семи лет, прожитых Багратионом, тридцать он посвятил военной службе, двадцать три провел в походах и сражениях. Но были не только походы и победы, хотя на спокойную мирную жизнь судьба отвела Багратиону не много времени.

Почти вся эта жизнь, если не считать детских и юношеских лет, была связана с Петербургом. С 1800 года по 1812 год он жил в столице, уезжая отсюда на театр военных действий и снова возвращаясь в Петербург. Во время походов он направлял сюда свои реляции и письма, отсюда получал распоряжения. Здесь его ждали друзья и

близкие ему люди, здесь находился гвардейский егерский полк, шефом которого он был двенадцать лет.

Жизнь в столице не принесла Багратиону счастья. Служба в Петербургском гарнизоне, бесчисленные вахтпарады и охрана царских резиденций не удовлетворяли боевого генерала суворовской школы. Своего дома он в Петербурге не имел, часто менял квартиры, иногда по два раза в году. Женитьба его была неудачной. Среди знати Петр Иванович оказался чужим человеком.

Но счастье у Багратиона было. Солдатское счастье, которое пришло к нему в результате блестящих побед. Фундамент этих побед закладывался в боях, где Багратион приобретал опыт, и в Петербурге, где он готовил себя и своих егерей к предстоящим сражениям.

Жизнь в столице наложила свой отпечаток на формирование личности Багратиона — полководца и человека. В борьбе с придворным генералитетом, в большинстве своем слепо преданным прусской военной системе, он отстаивал здесь суворовские принципы обучения и воспитания войск. В сложных условиях будней столичного гарнизона он использовал эти принципы в боевой подготовке. Борьба с реакционной военщиной, чаще всего скрытая, укрепляла прогрессивные взгляды полководца на военное искусство. Недоброжелательство аристократии, считавшей Багратиона выскочкой, лишь углубляло в нем отвращение к придворным интригам и утверждало такие качества, как честность, великодушие и благородство.

Он был истинным патриотом, ярким олицетворением дружбы русского и грузинского народов. Незадолго до

своей гибели Багратион писал: «Я на все решусь, чтобы еще иметь счастье видеть славу России, и последнюю каплю крови пожертвую ее благосостоянию».

* * *

Источниками в работе над книгой о П. И. Багратионе послужили письма и донесения полководца, воспоминания его современников, сообщения в периодической печати и материалы, имеющиеся в ленинградских архивах.

Предназначая свою книгу массовому читателю, автор надеется расширить круг его знаний о личности и судьбе Петра Ивановича Багратиона, замечательного русского полководца, боевого соратника и ученика Александра Васильевича Суворова и Михаила Илларионовича Кутузова.

НАВСТРЕЧУ „ВОИНСТВЕННЫМ ПОДВИГАМ“

В архиве Пушкинского дома в Ленинграде хранится письмо Николая Борисовича Голицына — родственника и друга Багратиона, помеченное 1853 годом, адресованное военному историку А. В. Висковатову. Оно содержит некоторые сведения о жизни и деятельности Петра Ивановича. Н. Б. Голицын сообщал, что полководец происходил из царствовавшего некогда в Грузии старинного рода Багратионов и был племянником его матери княгини Анны Александровны Голицыной, светлейшей княжны Грузинской.

А. А. Голицына была правнучкой знаменитого политического деятеля и законодателя, грузинского царя Вахтанга VI из династии Багратионов.

В первой четверти XVIII века Вахтанг VI с сыновьями вынужден был покинуть Грузию и искать спасения от турецкого нашествия в России. Он относился к тем дальновидным политическим деятелям, которые с помощью России хотели освободить Грузию от иноземного ига. Вместе с Вахтангом VI в Россию перешло тысяча триста грузин. Часть из них обосновалась в Москве, создав там грузинскую колонию, другие поселились вблизи Астрахани.

Потомки Вахтанга VI князья Грузинские жили в Москве. Они быстро завоевали в придворных кругах Российской империи видное положение. Дед Анны Александровны Голицыной Бакар Вахтангович поступил на военную службу и дослужился до генерал-лейтенанта. Его сын Александр Бакарович женился на княжне Дарье Александровне Меншиковой. Их дети Георгий и Анна, по материнской линии Грузинские, были уже кровно связаны с русской аристократией.

В судьбе Петра Ивановича Багратиона светлейшая княжна Грузинская сыграла решающую роль. Желая помочь ему определиться на военную службу, она вызвала будущего полководца в Петербург из далекого Кизляра, где прошли его детские и юношеские годы.

В начале XVIII века Кизляр был небольшим селением, в котором располагалась колония армян и грузин. Расположенный в дельте Терека, недалеко от Каспийского моря, Кизляр занимал выгодное географическое положение и превратился в опорный пункт Кавказской укрепленной линии, созданной царским правительством в ходе борьбы с горцами. В 1735 году в Кизляре построили крепость. Тридцать лет спустя в этой крепости в июле 1765 года родился Петр Багратион.

Отец полководца князь Иван Александрович Багратион был внуком картлийского царя Иессея, брата Вахтанга VI. Он поступил на русскую военную службу, до-

служился до чина полковника и, выйдя в отставку, поселился в Кизляре. В отличие от князей Грузинских Иван Александрович не имел ни состояния, ни связей и не мог дать своему сыну большого образования. Но он часто рассказывал ему о пережитом, о многочисленных боях и походах, участником которых ему пришлось быть. Рассказы бывалого воина воспламеняли воображение мальчика. Он грезил походами и сражениями, мечтал о подвигах и о славе. Он видел себя то непобедимым воином, сокрушающим в кровопролитной схватке десятки врагов, то прославленным полководцем, возглавляющим непобедимое войско. Через много лет, когда мечты его сбылись и Багратион стал полководцем, в одном из своих писем он вспоминал о том, что еще в детские годы стремился к «воинственным подвигам». Такое стремление привело юного Багратиона, которому еще не исполнилось и семнадцати лет, в Петербург, к влиятельной и богатой родственнице Анне Александровне Грузинской. Это было зимой 1782 года.

Собственный дом князей Грузинских на Царицыном лугу (ныне Марсово поле) к этому времени был уже продан за долги, и семья снимала квартиру. По сохранившимся письмам А. А. Грузинской, можно предположить, что квартира эта находилась в районе Царицына луга и Миллионной улицы (ныне улица Халтурина). Установить это первое место жительства Багратиона в Петербурге пока не удалось.

Петр Багратион появился в столице в грубошерстной поношенной черкеске. Стояли сильные морозы под тридцать градусов — холод перехватывал дыхание, лицо и руки немели даже при небольшом дуновении ветра. По вечерам рано темнело, и в центре города фонарщики зажигали фонари, установленные на небольших столбах, выкрашенных белыми и голубыми полосами. На улицах ярко горели костры, у которых грелись будочники,

охранявшие тишину и покой в городе, и извозчики, поджидавшие своих господ. Рассказывали, что нескольких избозчиков, стоявших в эти дни у здания театра, нашли замерзшими насмерть.

Но столичная погода не отличалась устойчивостью. После холодных и морозных дней наступила оттепель. Снег посерел и начал таять. Сырость и туман, окутавшие столицу, вызвали болезни, которые считали чем-то вроде «эпидемического насморка», но уже называли гриппом. Полиция предписывала всем частным лицам по нескольку раз в день окуривать дома уксусом.

Один из столичных чиновников по имени Пикар, регулярно сообщавший А. Б. Куракину в Москву о петербургских новостях, в письме, помеченном февралем 1782 года, отмечал: «...была такая нездоровая и сырая зима, что умерло множество людей всех сословий».

После провинциального, по-южному пыльного и солнечного Кизляра сумрачный Петербург с его снегом, сыростью и туманом поразил Багратиона. Но особенно его удивили размеры, многолюдность и величие северной столицы.

В 80-е годы XVIII столетия население Петербурга достигло почти ста девяноста тысяч человек. По количеству жителей столица значительно опережала другие города Российской империи, за исключением Москвы. В эти годы в Петербурге насчитывалось более тысячи каменных зданий, расположенных главным образом в центре города. Улицы были мощеными. Центр города пересекали три широкие и прямые улицы — Адмиралтейский, Невский и Воскресенский проспекты. Здесь располагалось множество торговых заведений. Особой известностью пользовался двухъярусный Большой Гостиный двор на Невском проспекте. Недалеко от него находилось каменное здание Городской думы, в нижнем этаже которого размещались лавки. В столице было много ресторации, кофеен, кухми-

стерских, а также питейных заведений и маркитантских (маркитант — мелкий торговец) изб, в которых торговали спиртным и всякой снедью.

На левом берегу Невы, облицованном гранитом, в дворцах и особняках высшее петербургское общество предавалось шумной и роскошной жизни.

Князья Потемкин, Голицын, графы Скавронский, Разумовский, Шувалов, Строганов и другие вельможи, словно стараясь перещеголять друг друга в роскоши и расточительстве, устраивали балы, маскарады и приемы. К подъездам их особняков и дворцов съезжались многочисленные экипажи, из ярко освещенных окон неслась музыка, приезжавших встречали слуги в богатых ливреях. За обеденные столы садились одновременно сотни гостей. Яства доставлялись со всех концов света. Волжские осетры соседствовали здесь с маслинами из Прованса, сыры из Голландии со средиземноморскими устрицами. Хрустальные вазы были заполнены экзотическими фруктами, а в серебряных и золотых кувшинах, в хрустальных графинах искрились редкие заморские вина.

Это были 1780-е годы — годы расцвета дворянского государства, добившегося крупных успехов во внешней политике, укрепившего свою экономику и военный потенциал.

Роскошью и блеском придворной жизни Петербург затмевал европейские столицы. Поэты называли его Северной Пальмирой, подчеркивая сказочное великолепие города. Тон в петербургском обществе задавали придворная знать, гвардейское офицерство и крупные чиновники. От них зависели многие милости императрицы, чины, награды и доходные места. Трон окружали крупные государственные деятели и богатые бездельники, способные администраторы и бездарные чиновники. Все они в меру своих особенностей и возможностей верно служили

делу укрепления русской феодально-абсолютистской монархии.

Но жизнь столицы была многогранна: здесь жили и работали выдающиеся русские поэты и писатели, скульпторы и художники, видные ученые и просветители. В 1782 году, когда Багратион впервые появился в столице, в петербургских гостиных Д. И. Фонвизин читал свою бессмертную комедию «Недоросль». В этом же году в доме на Грязно́й улице (ныне улица Марата) создавал знаменитое «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» русский писатель-революционер А. И. Радищев. Радищев писал о необходимости дать «вольность частную» — личную свободу русским крепостным людям, составлявшим основную массу населения страны и ее столицы.

Окраины Петербурга были застроены деревянными домами, лачугами и бараками. Кривые улицы между ними утопали в грязи. В хаотически разбросанных жилищах в ужасающей нищете ютились «работные люди», трудом которых украшалась и жила великолепная столица Российской империи.

Обширные места в городе занимали пустыри, сады и огороды. Большие территории были отведены под воинские слободы. Они представляли собой правильные квадраты, пересеченные прямыми улицами, большей частью не мощенными, вдоль которых располагались деревянные дома и «лагерные места» для парадов и учений. В Московской части размещались слободы Измайловского и Семеновского гвардейских полков, а в Литейной — слободы конной гвардии.

Петербург конца XVIII века был крупнейшим военным гарнизоном Российской империи. Примерно четвертую часть населения столицы составляли военные и их семьи. В городе и его окрестностях были расквартированы гвардия, Софийский и Белозерский армейские полки и пять гарнизонных батальонов. На Петербургской стороне

размещался артиллерийско-инженерный корпус. Кроме того, в столичный гарнизон входили морской корабельный флот и гребная флотилия.

На Васильевском острове, в знаменитом двухэтажном каменном здании Двенадцати коллегий, находилась и Военная коллегия — высшая военная исполнительная власть Российской империи. Делами ее полновластно распоряжался Г. А. Потемкин — вице-президент. Через два года он стал генерал-фельдмаршалом и президентом Военной коллегии. А. С. Пушкин в своих «Заметках по истории XVIII века», через тридцать лет после смерти Потемкина, писал: «...имя странного Потемкина будет отмечено рукой истории».

Потемкин известен как крупный государственный деятель. Не обладая полководческими данными (это наглядно показала война с турками, в которой Потемкин выступал в качестве главнокомандующего), он сыграл положительную роль в организации русской армии. Возглавляя Военную коллегию, Потемкин поддерживал новаторскую деятельность П. А. Румянцева и А. В. Суворова, правильно оценивая передовые тенденции в развитии русского военного искусства.

К этому всемогущему вельможе и обратилась молодая Анна Александровна Грузинская с просьбой определить юношу-родственника на военную службу. Сохранилось предание о первой встрече молодого Багратиона с князем Потемкиным. Во время приема на даче вельможи, которая находилась на одиннадцатой версте Петергофской дороги, Анна Александровна вновь напомнила Потемкину о племяннике. Потемкин сразу же послал за ним курьера и экипаж.

Срочный вызов застал юношу врасплох. Костюм, который ему шили для такого визита, не был готов. Пришлось будущему полководцу одолжить у Дмитрия Карелина — дворецкого Анны Александровны — кафтан, кото-

рый был худощавому Багратиону не по плечу. В этом кафтане Багратион и отправился к «светлейшему».

К 80-м годам XVIII столетия Петергофская перспектива, или дорога, была одним из самых оживленных трактов, соединявших столицу с ее пригородами. В 1770-х годах ее стали обсаживать березками, а в 1780-х годах начали менять простые деревянные верстовые столбы на мраморные пирамиды. Одну из этих пирамид, мимо которых проезжал Багратион почти двести лет назад, мы и сегодня можем видеть на углу проспекта Стачек и улицы Трефолева.

Вдоль дороги тянулись усадьбы придворной знати — дачи. Болотистый лес на берегу залива трудом крепостных был превращен в сады, луга и рощи, среди которых строились дома и павильоны. Большинство дач занимало обширные территории. На усадьбах виднелись большие оранжереи и скотные дворы. У самой дороги стояли трактиры, харчевни и другие торговые заведения.

Дача-усадьба Потемкина располагалась слева от дороги. Главное строение ее стояло на краю склона, образующего террасу, ниже которой и проходила Петергофская перспектива. Она делила этот участок, так же как и большинство остальных, на две части. Справа до самого моря тянулась низменная равнина, слева высились усадебные постройки. Дом был сооружен архитектором Ф. Б. Растрелли по заказу новгородского губернатора графа Сиверса. Когда усадьбу приобрел Потемкин, он значительно расширил ее. И. Е. Старов при жизни князя перестроил дом в классическом стиле. Позднее дача переходила из рук в руки, и в XIX веке облик и планировка ее значительно изменились.

Когда молодой Багратион в 1782 году подъехал к усадьбе Потемкина, он увидел двухэтажный каменный дворец с четырехугольными башнями по сторонам, с бель-

ведерами и часами. С обеих сторон дворца тянулись колоннады, соединявшие его с флигелями. Позади здания виднелся роскошный сад с теплицами, оранжереями, каналами и павильонами.

У подъезда Багратиона встретили слуги и провели его в зал, где веселились гости. Молодой человек оказался среди важных господ в богато расшитых золотом кафтанах и военных мундирах, среди декольтированных дам, сверкающих драгоценностями. Пудреные парики мужчин и высокие дамские прически, мелодичное позвякивание шпор, французская речь, лакеи, снующие с подносами в руках, — все это необычное для Багратиона великолепие заставило его в первую минуту растеряться. Затем растерянность сменилась настороженностью, и под ироническими взглядами гостей, бесцеремонно рассматривавших незнакомца в платье явно с чужого плеча, князь Петр Багратион направился к вышедшей ему навстречу Анне Александровне.

Судя по всему, разговор с Потемкиным оказался удачным. Современники отмечали большое обаяние личности Багратиона: его манера говорить отличалась большой искренностью, непосредственностью, и это очень красило его. Молодой Багратион понравился Потемкину. Вельможа благосклонно отнесся к желанию юноши определиться на военную службу. Багратион вернулся в дом Анны Александровны сержантом Кавказского мушкетерского полка.

Такое начало военной службы для родовитого дворянина было тогда необычным. Времена Петра I, когда от офицера требовали строгого выполнения служебных обязанностей, отошли в область преданий. В «золотой век» Екатерины II дворянские вольности распространились и на военных: многие офицеры вели себя в воинском подразделении, как в собственной вотчине, а некоторые из них позволяли себе выходить на дежурство в домашнем

халате. С тем чтобы обеспечить быстрое продвижение по службе, дворянских отпрысков обычно записывали в гвардию в младенческом возрасте. Едва пробудившись от детских снов, они оказывались уже в офицерских чинах и с военной выслугой. Известны случаи, когда гвардейцев-недорослей, имевших самое смутное представление о военной службе, в двенадцать — шестнадцать лет выпускали в армию в чине капитана.

Князь Петр Багратион был назначен сержантом на семнадцатом году жизни и начал свою многолетнюю и трудную службу в армии в унтер-офицерском чине. Покровительство Анны Александровны помогло ему лишь определиться, но не дало никаких преимуществ. Будущее показало, что привилегий и мест Багратион никогда в своей жизни не искал, а чины и награды завоевывал в жестоких боях, постоянно рискуя жизнью.

Первый шаг на любимом поприще всегда запоминается. Багратион сделал этот шаг в Петербурге. Воспоминания Петра Ивановича об этом были своеобразны. В 1811 году, генерал от инфантерии, «полный» генерал и прославленный полководец, он гостил в имении Симы Владимирской губернии у Голицыной. Анна Александровна собрала большое общество в честь героя. Когда за обедом был провозглашен тост за Багратиона, он встал и, обратясь к дворецкому Дмитрию Карелину, стоявшему за креслом, расцеловал его и сказал: «Ему первому я обязан, что пользуюсь всем, что теперь имею. Он первый меня одел и за него с благодарностью пью мой первый бокал!» За этой доброй шуткой крылся демократизм Багратиона, его благородная натура и уважение к людям.

Пребывание сержанта Багратиона в Петербурге было непродолжительным: вскоре он выехал из столицы к месту службы.

Кавказский мушкетерский полк, куда был назначен Багратион, нес сторожевую службу на Кавказе, вдоль юго-западных границ Российской империи, в тех местах, которые были хорошо знакомы Петру Ивановичу с детских лет. Там, за сотни километров от Петербурга, князь Петр начал восхождение по ступенькам своей нелегкой военной карьеры.

Первые страницы биографии полководца известны лишь из его послужного списка. Судя по нему, до 1794 года Багратион вряд ли мог бывать в Петербурге. Его служба в Кавказском мушкетерском полку продолжалась десять лет. Он прошел здесь путь от сержанта до капитана, участвовал в многочисленных стычках с горцами и в боях с турками во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

Для Багратиона эти годы были школой военного ремесла. Однажды он был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Узнав, что перед ним сын князя Ивана Багратиона, которому они были чем-то обязаны, горцы оказали Петру Ивановичу необходимую помощь и отпустили его.

В боях закалялся характер Багратиона, вырабатывалась его беспримерная храбрость и хладнокровная расчетливость, так восхищавшая впоследствии соратников. Возглавляя небольшие отряды, Петр Иванович приобретал первоначальные командирские навыки.

В декабре 1788 года в составе Кавказского мушкетерского полка Багратион участвовал в штурме Очакова. Во время кровопролитного и ожесточенного штурма он отличился, ворвавшись в крепость одним из первых. Князь Потемкин — главнокомандующий русской армии, осаждавшей Очаков, произвел Багратиона за боевые отличия сразу из подпоручиков (минуя чин поручика) в капитаны.

В штурме Очакова участвовал родственник Багратиона полковник Ярославского пехотного полка Александр Александрович Де-Лицин — муж Анны Александровны Грузинской, сын крупного екатерининского вельможи князя А. М. Голицына. Он был смертельно ранен и вскоре скончался.

Сановный и богатый старик А. М. Голицын принял живое участие в судьбе своей невестки Анны Александровны. Он продолжал покровительствовать ей и впоследствии, когда молодая вдова вышла замуж за князя Бориса Андреевича Голицына, родного его племянника, и еще прочнее вошла в многочисленную и очень влиятельную княжескую семью.

Борис Андреевич и Анна Александровна Голицыны не имели в Петербурге дома и нанимали квартиры, часто меняя их. Известно, что в 1796 году они жили в доме С. С. Апраксина на Царицыном лугу, затем снимали квартиру на Большой Миллионной улице (ныне улица Халтурина, 34), недалеко от сохранившегося до наших дней здания главной аптеки. Со временем они переехали на Большую Морскую (ныне улица Герцена). Приезжая в Петербург, Багратион посещал Голицыных, а иногда и останавливался у них.

Голицыны всегда нуждались в деньгах, доходы семьи были ограничены, к тому же Борис Андреевич играл в карты. Но жизнь их по обычаям того времени была полна развлечений и удовольствий. Анна Александровна писала в Москву своему бывшему свекру, что у них «нет скучного однообразия, два дня сряду не делают одно и то же, вчера был бал, третьего дня лотерея, в пятницу катание в открытых экипажах».

Второе замужество Анны Александровны Грузинской оказало определенное влияние на судьбу П. И. Багратиона. В мае 1794 года премьер-майор Киевского конно-егерского полка Багратион был назначен в Софийский ка-

рабинерный полк, которым командовал князь Борис Андреевич Голицын.

Полк был создан в 1784 году и входил в состав Малороссийской конницы. Он не имел постоянных квартир, часто находился в Петербурге и в Софийском уезде Петербургской губернии (ныне часть территории города Пушкина). В 1790 году князь Потемкин присоединил Софийский полк к лейб-гвардии кирасирскому полку, но вскоре полк снова получил самостоятельность и прежнее название. В 1800 году его расформировали.

ВОПРЕКИ ГАТЧИНСКИМ „ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯМ“

Петр Иванович прослужил в Софийском карабинерном полку до февраля 1798 года. В составе его он участвовал в польской кампании. Эта кампания принесла Багратиону боевую славу. Он был отмечен Суворовым. Между ними возникла своеобразная дружба — дружба учителя и ученика, хотя познакомились они ранее, в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

Багратион на практике усвоил суворовские методы воспитания и обучения солдат, которым «архирусский генерал» уделял огромное внимание даже в боевых условиях. Своим примером великий полководец научил Багратиона глубоко ценить и уважать русского солдата. Вера

в солдата позволяла Багратиону действовать в бою решительно и смело, в соответствии с суворовскими заповедями: глазомер, быстрота и натиск.

О Багратионе теперь заговорили в столице, как об одном из самых храбрых и решительных офицеров. В феврале 1798 года его назначили командиром 6-го егерского полка, стоявшего в Волоковыске.

Во второй половине 1790-х годов Петр Иванович часто бывал в Петербурге. Полк подчинялся непосредственно царю. Наезжая в столицу, Багратион останавливался в домах своих знакомых и друзей, но чаще всего у родственников.

В это время Петр Иванович близко сошелся с Борисом Андреевичем Голицыным, в котором подкупали его добродушие и веселость. Состоялись знакомства с многочисленной и влиятельной родней Голицыных — Шуваловыми, Куракиными и другой знатью.

Эти связи открыли перед Багратионом двери многих домов. Он стал посещать званые вечера и ужины, делать визиты и принимать гостей у себя. Петр Иванович выполнял весь предписанный великосветским этикетом ритуал. Особых симпатий среди старой знати он не приобрел. Зато пользовался популярностью среди молодежи, восхищавшейся его открытой натурой и репутацией исключительно храброго офицера. Среди них были и военные, участвовавшие вместе с Багратионом в боях и походах. В числе их находился Павел Андреевич Шувалов, представитель старинного дворянского рода. Мать его, Екатерина Петровна Шувалова, дочь фельдмаршала П. С. Салтыкова, пользовалась в придворных кругах большим влиянием, ее острого и злого языка побаивались. Петр Иванович во время приезда в столицу часто бывал в доме графов Шуваловых на Фонтанке, вблизи Невского проспекта.

Сохранилось письмо Багратиона к матери Павла Андреевича Шувалова, написанное им в январе 1799 года,

где он между прочим высказывает беспокойство по поводу долгов, отмечая, что «долги успокоить и препоручить кому-нибудь теперь времени нет... у нас пора работать, пора воевать».

Все доходы Петра Ивановича заключались в армейском жалованье, а светская жизнь в Петербурге требовала иных средств. Чтобы вести подобающий его положению образ жизни, Багратион делал долги, от которых так и не смог избавиться до конца своей жизни. Впрочем, судя по всему, Багратион не придавал этому особого значения. По натуре своей он был щедрым человеком, деньги не ценил и расставался с ними без сожаления.

П. И. Багратион с увлечением отдавался военной службе и много времени уделял своим командирским обязанностям. И в то же время жажда развлечений, свойственная молодости, тянула его в общество.

Эта жажда приводила его из Волоковыска в Петербург. Близких друзей в свете он так и не обрел. Зато вошел в тесную связь с золотой молодежью столицы. Пожалуй, главным следствием этого были возросшие долги и беспечное отношение к материальной стороне жизни, укрепившееся в характере Багратиона.

А. П. Ермолов, хорошо знавший молодого генерала, писал в своих записках: «Багратион был случайно брошен в общество молодых людей. Живые свойства его по причине пылких наклонностей и страстей помогли найти приятелей, и он сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожило неравенство состояний, расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужду, и он сделал привычку пользоваться расчетами неумеренности. Связи сии облегчили ему пути по службе, но настоящая война, отделяя его от приятелей, предоставив собственным средствам, препроводила его в Италию под знамена Суворова».

Надвигавшаяся в 1798—1799 годах война с Францией заставила молодого Багратиона уделить все свое внимание служебным делам.

Тем временем в Зимнем дворце закипела новая жизнь: «Повсюду звенели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоеванию города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Дворец как будто обратился в казарму: внутренние пикеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями и приказами, особливо по утру».

Началось царствование императора Павла I.

В первую же ночь на Дворцовую площадь были привезены караульные будки, выкрашенные по примеру прусских черно-белыми полосами. К ним поставили часовых, многие улицы перегородили полосатыми шлагбаумами. Столица на глазах ее жителей меняла свой привычный вид. Вслед за Гатчиной она приобретала черты прусского военного гарнизона.

Россия к тому времени имела первоклассные армию и флот. На их содержание тратилась почти половина государственного бюджета. Во второй половине XVIII века страна вынуждена была провести восемь войн, которые в общей сложности продолжались двадцать лет. Русская армия приобрела богатый боевой опыт и одержала ряд блестящих побед. Храбрость русских солдат и военное искусство таких полководцев, как Румянцев и Суворов, создавали славу русскому оружию.

В военном искусстве европейских стран тогда господствовали кордонная стратегия и линейная тактика. Кордонная стратегия (от французского слова *cordon* — пограничная охрана) предусматривала развертывание армии большими отрядами для охраны крепостей, магазинов (складов) и коммуникаций. Наступающая армия считала главной своей целью овладение этими объектами. Это приводило к длительным и сложным маневрам войск, к распылению сил и средств воюющих сторон. При подоб-

ной стратегии полководцы избегали больших сражений и пытались выиграть войну с помощью искусных маневров. Среди военных теоретиков того времени большой известностью пользовался англичанин Генрих Ллойд. Он учил, что «можно рассчитывать все операции с геометрической точностью и вести постоянную войну, не будучи вынужденным вступать в бой».

В тактических построениях пехоты использовались линейные порядки. Наступающая пехота вытягивалась в две ровные линии, каждая из которых состояла из трех-четырех шеренг. Вторая линия следовала за первой на расстоянии ста пятидесяти — пятисот шагов. Артиллерия, как правило, располагалась на флангах, а конница — за флангами. Наступление пехоты выглядело внушительно и даже красиво — солдаты маршировали словно на плацу. В руках они держали наперевес кремневые ружья с грозно сверкающими штыками. Но штыки эти в бою почти не использовались. Зато огонь залпами, который вели солдаты (дальность стрельбы ружей была триста — четыреста шагов), наносил неприятелю значительный физический и моральный урон. Эти залпы были, пожалуй, единственным преимуществом линейной тактики. Недостатков у нее было больше: построенные подобным образом войска могли действовать лишь на ровной и открытой местности, способность к маневрированию у них была слабой, изменение строя в боевых условиях — невозможным. Линейная тактика приводила войска к шаблонным действиям.

Кордонная стратегия и линейная тактика были обусловлены особенностями европейских армий XVIII века. Не последнее место среди этих особенностей занимали низкие моральные качества солдат и офицеров. Европейские армии того времени были наемными. Образцом почиталась прусская армия Фридриха II. Половина этой армии комплектовалась с помощью вербовки. В армию старались привлечь наиболее здоровых и рослых кре-

стьян, зачисляли в солдаты и преступников в наказание за преступления. Вторая половина армии состояла из наемников-иностранцев, среди которых было немало беглых преступников и авантюристов. Подобным же образом комплектовались и другие европейские армии.

Вербовщики, бродившие по городам и селам, использовали все средства, в том числе наглый обман. Одураченный крестьянин, подписавший во хмелю бумагу, которую он и прочесть не умел, не успевал протрезвиться, как становился солдатом.

Иногда солдат покупали оптом — германские князья продавали за деньги целые армии. Энгельс писал, что наемные армии состояли из «совершенно ненадежных и самых испорченных элементов общества, лишь палкой сдерживаемых в порядке».

Порядки в прусской армии были наиболее жестокими. Зверская муштра превращала солдат в безотказно действующий механизм. Палка капрала выбивала из него способность рассуждать. Но веры этим солдатам не было. Во избежание дезертирства в прусской армии, например, запрещались ночные походы и размещение лагеря вблизи леса; когда пехота проходила через лес, ее окружали конными отрядами. По этой же причине военачальники предпочитали не вступать лишний раз в крупные сражения. Линейная тактика кроме эффективного применения огневой атаки имела еще одно «преимущество» с точки зрения прусского офицера: все солдаты были как на ладони и вслед за ними могли идти унтер-офицеры с палками. Страх перед этой палкой у солдата часто оказывался сильнее страха перед пулей врага.

В конце XVIII века кордонная стратегия и линейная тактика, характерные для феодального периода, столкнулись с новой стратегией и тактикой, рожденными в условиях развивающегося капитализма. Изменения в экономике европейских стран, развитие новой техники и появ-

ление крупных армий настоятельно требовали иных способов ведения войны и подготовки солдат. Новая стратегия характеризовалась концентрацией крупных сил на решающих направлениях и более гибким тактическим применением колонн в сочетании с рассыпным строем.

Фридрих Энгельс в своей работе «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г.» подчеркнул приоритет русского военного искусства в разработке новой стратегии. Он писал: «Русские по самой природе их армий вынуждаются к следованию стратегии, близкой к современной. В решающих сражениях, в крупных боях русские никогда не действовали иначе, как крупными массами. Суворов понимал необходимость этого уже при штурме Измаила и Очакова».

Отличные образцы новой стратегии и тактики затем продемонстрировал Наполеон, возглавивший в конце XVIII века армию революционной Франции. Основой новой стратегии стало стремление к генеральному сражению, победа в котором решала судьбу войны. На смену линейной тактике пришла ударная тактика, в которой использовался не только рассыпной строй, но огонь сочетался со штыковым ударом. Наполеон правильно оценил и использовал для ведения военных действий возможности, которые появились во Франции в конце XVIII столетия.

Великий русский полководец Суворов, наблюдая за началом головокружительной военной карьеры молодого Наполеона, однажды сказал: «Широко шагает мальчик, пора бы его унять». У Суворова были все основания для подобного высказывания — за много десятилетий до Наполеона в условиях отсталой России он разработал и применил на практике еще не виданные формы ведения войны, приоритет в которых стараниями европейских военных историков (Жомини, Клаузевиц и другие) приписывался потом французскому полководцу.

Россия, прочно связанная путами феодализма, не имела таких благоприятных условий для развития прогрессивного военного искусства, какие сложились во Франции в конце XVIII века. Но русская армия имела превосходные боевые традиции, национальную военную школу и первоклассное по тому времени вооружение. В жестоких битвах с врагами-захватчиками русские солдаты и офицеры выковали в себе высокие боевые качества.

У истоков русской военной школы стоял Петр I, по словам Суворова, — «первый полководец своего века». Он создал регулярную армию, которая комплектовалась на основе рекрутских наборов. Эта система комплектования войск была тогда самой передовой. Петровский воинский устав 1716 года явился теоретической основой национальной военной школы. На нем воспитывались русские военачальники и замечательные полководцы, в первую очередь П. А. Румянцев и А. В. Суворов. В соответствии с этим уставом, где было записано, что «имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войсках суть», они проявляли большую заботу о воспитании, обучении и жизни солдат. Ничего подобного в европейских армиях не было. Устав требовал от офицеров «о солдатах иметь не малое попечение» и подчеркивал, что «офицеры суть солдатам яко отцы детям». Обучение армий строилось по принципу «как в бою поступать».

Наивысшего своего расцвета русское военное искусство XVIII столетия достигло в деятельности гениального русского полководца Александра Васильевича Суворова, считавшего себя учеником Петра I и Румянцева.

Он был одним из образованнейших людей своего времени. Любил и хорошо знал военную историю. Свои взгляды и свод выработанных практикой правил он изложил в «Науке побеждать», которая была распространена в войсках Суворова в 1795—1796 годах, но широко опубликована лишь после смерти полководца, в 1806 году.

Как никто другой, Суворов понимал особенности русской армии и ее сильные стороны. Энгельс не случайно назвал Суворова «архирусским генералом».

Русская армия была армией феодально-крепостнического государства, но в отличие от наемных армий феодальных государств Европы она была национально однородной. Русский солдат не только самоотверженно воевал «за веру, царя и отечество», но и всей своей тяжелой жизнью крестьянина был кровно связан с родной ему русской землей, где жили и трудились в поте лица близкие ему люди. Наемный европейский солдат воевал за жалованье. Он был далек от таких понятий, как «отечество, Родина, долг», все его помыслы были подчинены двум целям — обогатиться и сохранить свою жизнь.

Суворов глубоко верил в русских солдат, в каждом из них он видел личность, из вчерашнего крепостного стремился воспитать солдата, сознающего патриотический долг и знающего «свой маневр».

Вера в русского солдата позволяла Суворову всегда ставить перед собой ответственные задачи и вести активные наступательные боевые действия.

Главной целью военных действий Суворов считал не захват территорий и крепостей, что являлось основой устаревшей кордонной стратегии, а уничтожение живой силы противника, позволявшее добиваться решительной победы. Суворов требовал обучать войска не для парадов, а лишь тому, что нужно на войне. В обучении войск он широко использовал марши, сквозные атаки, учил солдат меткой стрельбе и штыковому удару. Он часто поднимал войска по тревоге, заставлял их совершать длительные передвижения, с ходу вступать в бой, делая это при любой погоде, в любое время суток и в любое время года.

Суворов воспитал для России целую плеяду выдающихся военачальников и полководцев. В суворовской

школе вырос и сформировался Багратион — полководец и человек.

Но требования Суворова и других передовых русских военачальников знать и уважать солдата вступали в вопиющее противоречие с деятельностью большинства генералов и офицеров, неспособных в своих рассуждениях и действиях выйти за рамки привычных взглядов. Большинство из них смотрело на солдат, как на крепостных, не считало их за людей.

В армии, особенно в частях, не принимавших участия в боевых действиях, обычным делом были служебные злоупотребления генералов и офицеров. Особенно распространились злоупотребления в 1790-е годы.

Г. Реймерс, иностранец, находившийся на русской службе, писал впоследствии об армии первой половины 1780-х годов: «В то время каждый мушкетерский полк состоял из 1726 человек, а каждый гренадерский полк из четырех тысяч человек фронтовых, а между тем, редко случалось выставить на плац-параде восемьсот человек мушкетерского полка, потому что командир полка, в то время безграничный его хозяин, отбирал по двадцать — двадцать пять человек с каждой роты для своих личных надобностей или же отдавал их в услужение частным лицам, а заработки их, точно по праву, удерживал за собою... При штабе полка имелось большое здание, назначенное для помещения полковых повозок, лошадей и возчиков, тут же находились квартиры для двадцати четырех мастеров, обязанных исправлять ружья и амуницию и записанных в полковой штат. Командир полка делал из этой мастерской фабрику, где постоянно работали около ста человек на него. То же делали и ротные командиры». Автор этих записок стремился показать недостатки прошлого царствования в угоду новому императору. Но картина, представленная им, верно отражает действительность.

По подсчетам видного государственного деятеля и дипломата графа А. А. Безбородко, в 1795 году из четырехсоттысячной армии не менее пятидесяти тысяч были «растащены» на всевозможные нужды, не имеющие отношения к военному ведомству.

Злоупотребления в армии послужили основанием для жесточайшей централизации военной власти при Павле I. Царь потребовал, чтобы командиры полков и инспекторы все свои донесения представляли непосредственно ему. Дважды в год шефы полков должны были доносить ему о поведении офицеров. До недавнего времени многие офицеры только числились в армии, пребывая продолжительное время в отпусках и не являясь на службу. Теперь отпуска были строго ограничены и регламентированы. С 1 апреля по 1 сентября офицеров не отпускали и на сутки, даже генералы не имели права отлучаться от своих частей без особого на то соизволения императора. Опоздание считалось тяжелейшим преступлением — об опоздавших доносили непосредственно императору, имена их громогласно объявлялись под барабанный бой, виновных сажали на два года в крепость или «выкидывали из службы».

На офицерский состав обрушился град запретов. Целью их было повышение дисциплины. Но Павел придал многим запретам мелочный характер: офицерам запрещалось носить гражданское платье, ездить в закрытом экипаже, танцевать вальс и многое другое, столь же далекое от сущности воинской службы.

Чрезмерная централизация власти отбивала у командиров желание проявлять инициативу и самостоятельность.

Генерал-адъютанты императора превратились в обыкновенных чиновников для поручений, через которых царь передавал свои распоряжения в форме указов Военной коллегии. Военная коллегия, которую возглавлял наследник

великий князь Александр Павлович, при Павле I занималась только хозяйственными делами. Все остальные вопросы в армии и на флоте решал сам император. Он занимался даже переводами и назначениями командиров рот, предоставлением отпусков на срок более двадцати восьми суток, и разрешал офицерам вступление в брак.

Император резко поднял ответственность командиров всех степеней, но лишил их всяких прав. Главнокомандующие армий лишились права перевода офицеров из одной части в другую, предоставления отпусков, увольнения в отставку, производства офицеров в следующий чин.

Но дело было не только в централизации военной власти, доведенной до абсурда. Павел I, вступивший на престол в возрасте сорока двух лет, не получивший ни военного образования, ни опыта государственной или широкой военной деятельности, начал проводить коренные преобразования в русской армии.

Военные познания Павла ограничивались впечатлениями от красочных маневров прусских войск, однажды увиденных им за границей. Он никогда не бывал на войне. Лишь однажды, во время войны со Швецией, ему разрешили выехать в действующую армию. Но он «воевал» не со шведами, а с русским главнокомандующим графом Мусиным-Пушкиным. Но все же Павел решил посвятить себя военным занятиям. Под предлогом очистки окрестностей Гатчины и Павловска от бродяг и разбойников он сформировал отряд в шестьдесят человек. К 1796 году отряд уже насчитывал в своем составе шесть пехотных батальонов, одну егерскую роту, кавалерию и артиллерию.

Гатчинские войска были одеты в полюбившуюся Павлу прусскую форму: треугольные шляпы, узкие мундиры, короткие панталоны, чулки со штиблетами и подвязками и лакированные башмаки. Трудно было придумать более неудобную одежду для солдата. Она стесняла движения, требовалось много труда и времени, чтобы содержать ее

в порядке. Она совершенно не годилась для боя. Но именно ее царь принял для всей армии. Следует отметить, что ранее солдаты были одеты в удобные короткие кафтаны с широкими поясами и просторные шаровары, заправленные в сапоги. Волосы их коротко стригли «под горшок», и они не требовали особого ухода.

Унтер-офицеров вместо ружей Павел «вооружил» алебардами. Алебарды украшали строй и были удобны для расправы с солдатами. Когда гатчинские порядки распространились на всю армию, в каждом полку сто человек практически оказались безоружными.

Офицерами и унтер-офицерами в гатчинских войсках сначала были иностранцы, главным образом бывшие прусские солдаты. Они имели смутное представление о фронтовых условиях. Зато в свое время они хорошо познакомились с палкой капрала. Других методов воспитания и обучения солдат они не знали. Из русских в гатчинские войска шли, как правило, люди, не сумевшие положительно зарекомендовать себя в армии. Для гатчинского офицерства были характерны жестокость и безграмотность.

Гатчинцы оставили печальный след в истории русской армии. Но тщетно было бы искать их имена в летописи русской славы. Когда в 1852 году в Гатчинской придворной церкви решили установить мраморную доску с именами гатчинцев, погибших на полях сражений, выяснилось, что из ста двадцати трех гатчинцев в боях погибло только двое.

В Гатчине сформировались некоторые деятели государства и армии, имена которых стали олицетворением реакции и мракобесия. Наиболее зловещей фигурой, характерной для павловских и затем александровских времен, был граф Андрей Алексеевич Аракчеев.

Небогатый дворянин Аракчеев появился в Гатчине в сентябре 1792 года в возрасте двадцати четырех лет

в чине капитана. Служба в Кадетском корпусе учителем арифметики, геометрии и артиллерии доставила ему возможность проявить настойчивость, терпение, исполнительность и строгость, граничившую с жестокостью. Эти качества в конце концов и привели его в Гатчину. Он был определен инструктором артиллерии с правом постоянно обедать у великого князя Павла Петровича.

Аракчеев выделялся среди гатчинцев неутомимостью. Он проводил учения по десять — двенадцать часов, не слезая с коня. Его жестокость импонировала Павлу. Аракчеев беспощадно бил провинившихся палкой, кулаками, вырывал у солдат усы. Павел произвел его в полковники, назначил инспектором пехоты, начальником артиллерии, гатчинским губернатором и управляющим военным департаментом, учрежденным в Гатчине в 1794 году.

Смысл воинского обучения в Гатчине заключался в зверской муштровке солдат, которые в соответствии с требованиями прусского устава должны были стать механическими исполнителями приказов и распоряжений.

Главными занятиями в Гатчине были разводы караулов — вахт-парады и маневры. Маневры проводились, как правило, по средам, а вахт-парады — ежедневно. Павел стал императором 6 ноября около 10 часов вечера, а уже на следующее утро, в 11 часов, он назначил первый вахт-парад на Дворцовой площади. С тех пор вахт-парады стали любимым времяпрепровождением русских императоров и своеобразным символом солдафонства.

10 ноября 1796 года состоялось торжественное вступление гатчинских войск в Петербург. Император встретил их за Обуховским мостом и во главе их проехал на Дворцовую площадь, где заранее были выстроены гвардейские полки. Гвардейцы с изумлением смотрели на гатчинцев, которые в полинялых, поношенных узких темно-зеленых мундирах под барабанную дробь «гусиным» шагом маршировали по Дворцовой площади.

Гатчинские батальоны были распределены по гвардейским полкам, а гатчинские порядки распространялись на всю русскую армию.

Через двадцать три дня после воцарения Павел ввел в действие новый воинский устав, требования которого были мелочны, запутанны и ориентировали армию на шаблонные действия.

Устав догматически представлял противника стоящим на месте. Солдатам предписывалось двигаться ровными линиями, делая не более семидесяти пяти шагов в минуту. Статья 10-я первой главы устава требовала: «Под ружьем и во время учения солдатам не шевелить голову, а еще меньше оглядываться назад или налево, но всегда держать голову вправо».

Русскую армию стали «переучивать». В Зимнем дворце был открыт «тактический класс» для обер- и штаб-офицеров Петербургского гарнизона. Лекции в этом «классе» на плохом русском языке вел безграмотный берейтор (учитель верховой езды) Павла И. Я. Каннабих, ставший к этому времени генерал-майором и командиром одного из артиллерийских полков. Он излагал «тактические правила», представлявшие перевод немецкой инструкции. В них содержались те же требования, что и в уставе, и в сущности никакой тактики не было.

«Теоретические» занятия в Зимнем дворце «подкреплялись» муштрой солдат на Дворцовой площади и на плац-парадных местах воинских слобод, а также учениями в окрестностях столицы. Чаще всего учения проводились в Красном Селе и в Гатчине.

Гатчинская военная наука внедрялась на прусский манер: несогласных с нею или недостаточно быстро воспринимавших ее жестоко наказывали. Смотры и парады были суровым испытанием для солдат и офицеров. Всякое нарушение устава, небольшой шум в строю приводили императора в ярость и нередко оканчивались рас-

правой с виновными. С ноября 1796 года по март 1801 года Павел I «выкинул из армии» семь фельдмаршалов, 333 генерала и 2156 офицеров. За некоторые замечания по поводу устава фельдмаршал П. А. Румянцев впал в немилость, и только смерть в декабре 1796 года спасла его от сурового наказания. Суворов, смело выступавший против опруссачивания русской армии, был отставлен от службы и сослан.

В марте 1798 года императором была создана Военно-походная канцелярия, через которую он осуществлял жесткую регламентацию жизни и деятельности армии.

Багратион к началу этих преобразований командовал эскадроном в Софийском карабинерном полку, а в самый разгар их стал командиром этого полка. Как же он относился к «преобразованиям» царя?

Прусские порядки всегда вызывали у Багратиона резко отрицательное отношение. Он отдавал себе отчет в «достоинствах» хваленой прусской армии и хорошо помнил слова Суворова о том, что «русские прусских всегда бивали». Много лет позже, во время войны 1812 года, Багратион сказал в одном из писем в Петербург: «Русские не должны бежать, это хуже пруссаков мы стали...».

Багратион был исключительно исполнительным и добросовестным командиром. Даже Аракчеев, в сентябре 1798 года инспектировавший полк, нашел его «в превосходном состоянии». В октябре 1798 года последовал императорский рескрипт с повелением «изъявить признательность» полковнику Багратиону. В феврале 1799 года ему было присвоено звание генерал-майора.

Но Петр Иванович не был слепым исполнителем требований начальства. Не вступая в открытую дискуссию, он настойчиво проводил суворовскую линию обучения и воспитания солдат и офицеров. Это можно проследить на ходе подготовки 6-го егерского полка к боям.

Полк сформировали в мае 1797 года из 7-го батальона Лифляндского егерского корпуса. К моменту принятия командования Багратионом в полку насчитывалось по штату свыше пятисот человек, в том числе двадцать один офицер. В соответствии с требованиями императора полк был, как отмечают историки, «переорганизован, переучен, перевоспитан и даже одет по прусскому образцу, причем все тонкости прусского устава вбивали в солдат шомполами, тростями и палками. Запрещалось бить по лицу, чтобы не было синяков, портящих вид строя». Полк не имел боевого опыта и традиций. Вся боевая подготовка в соответствии с требованиями павловских уставов была подчинена муштре, в результате которой полк был выдрессирован для участия в парадах и для несения караульной службы.

Багратион оказался перед трудной задачей — нужно было в кратчайший срок превратить полк в боевую единицу, способную к успешным действиям. И сделать это нужно было так, чтобы не вызвать гнева императора, то есть сохранить видимость соблюдения правил и порядков, установленных павловскими уставами. Но положение несколько облегчалось тем, что полк квартировал в Волоковыске, в нескольких сотнях километров от Петербурга, и это обеспечивало Петру Ивановичу известную самостоятельность.

К концу XVIII века обстановка в Европе стала очень напряженной: буржуазная Франция угрожала интересам феодальных монархий Европы. В 1798 году против Франции объединились Англия, Австрия, Россия, Турция и Неаполитанское королевство. Основной силой этой коалиции была Англия, Россия и Австрия. В последние дни 1798 года в Петербурге был подписан договор, по которому Россия направляла в Европу против Франции экспедиционный корпус, а Англия оплачивала военные расходы. Значительную армию выставляла Австрия.

За несколько месяцев Багратион сумел подготовить 6-й егерский полк к боям. Особое внимание он уделил обучению и воспитанию офицеров. Действия полка в ходе войны дают все основания утверждать, что обучение и воспитание генерал Багратион организовал на основе суворовских принципов, вопреки взглядам и требованиям гатчинских «преобразователей». Офицеры и солдаты полка в кратчайший срок постигли искусство самостоятельных и решительных действий в бою, научились сочетать огонь со штыковым ударом, умело маневрировать на поле боя. Именно эти качества полк показал во время суворовских походов 1799 года. Особо отмечал Суворов заслуги офицеров Багратиона, подчеркивая, что они «неоднократно ознаменовывали себя храбростью и были мне соучастниками в поражении неприятеля».

Союзники обратились к русскому императору с просьбой поставить во главе союзных войск знаменитого своими победами фельдмаршала Суворова. Павел I вынужден был вызвать Суворова из ссылки в Петербург.

Во время походов Багратион был свободен от необходимости заботиться о соблюдении внешних требований павловских уставов. Он действовал под непосредственным руководством Суворова и не только являлся его талантливым учеником, но и вносил свой вклад в суворовскую «науку побеждать».

„В СИЯНИИ СЛАВЫ И БЛЕСКЕ ПОЧЕСТЕЙ“

Суворов потребовал, чтобы ему была предоставлена свобода действий. Царь вынужден был согласиться на это.

В апреле 1799 года Суворов издал для войск инструкцию, в которой главной целью военных действий провозгласил уничтожение живой силы противника, что, как помнит читатель, полностью противоречило принципам кордонной стратегии.

Суворов уделял большое внимание боевой подготовке войск, организуя ее в полном соответствии со своими взглядами.

Кроме русского корпуса ему была подчинена 86-тысячная австрийская армия. В мае 1799 года он поручил Баг-

ратиону обучать австрийцев штыковому бою, а в июне издал наставление для боя, в котором были изложены требования суворовской «Науки побеждать». Багратиона он увидел в Вероне среди представляемых ему командиров, узнал его и с радостью приветствовал. Фельдмаршал поручил ему самое трудное и ответственное задание — командовать авангардом. Так началась для Багратиона «военная академия», которая превратила его в одного из выдающихся русских полководцев. Классами в этой академии стали поля сражений в долинах Италии и в Альпийских горах, а учителем — один из величайших в мировой истории полководцев.

За итальянскую кампанию войска, предводимые Суворовым, за четыре месяца прошли с боями четыреста километров и, отвоевав у французов Северную Италию, вышли к французским границам.

10 апреля 1799 года авангард под командованием генерала Багратиона после ожесточенного боя под стенами крепости Брешиа в яростной штыковой атаке овладел крепостью, захватив свыше тысячи пленных и сорок шесть орудий. Это была первая победа, одержанная союзниками в Италии. 11 апреля 1799 года в первой же реляции, отправленной в Петербург, Суворов писал императору: «...генерал-майора Багратиона, подполковника Ломоносова и майора Поздеева (командиры частей, входивших в авангард Багратиона. — *Авт.*) похваляю расторопность, рвение и усердие, при овладении крепости оказанные». В Петербурге на этой реляции Суворова рукой управляющего делами Военно-походной канцелярии генерал-адъютанта Ливена было написано: «Вследствие чего и награжден генерал-майор Багратион орденом Святой Анны первого класса».

6 июня в Петербург было доставлено донесение Суворова, опубликованное 10 июня на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей». В донесении, написанном 16 мая

в Турине, Суворов подробно описывал ход итальянской кампании и вновь подчеркивал роль «мужественно отличившегося» Багратиона. В частности, фельдмаршал писал, что на левом крыле наступавшей армии «генерал-майор Багратион с шестью батальонами и двумя казачьими полками занял генуезскую крепость Нови, там он получил в добычу множество ядер, бомб и иных артиллерийских припасов, также лафетов и патронных ящиков... что он препроводил к нам на семидесяти подводах».

А в далекой Италии в те же дни — с 6 по 8 июня 1799 года — Багратион вновь отличился в сражении у реки Требии, показав блестящий образец суворовского маневрирования войсками в ходе решительного наступления в наиболее уязвимых местах построения противника.

Русские войска вышли на поле брани после изнурительного марша, пройдя в духоту и зной, под палящими лучами южного солнца восемьдесят километров. Привычной передышки между маршем и сражением не было,— Суворов с ходу ввел войска в бой. Войска Суворова наступали тремя колоннами, которые двигались по заданным направлениям на большую глубину. Такого маневра не применяли тогда ни в одной армии!

Первым в бой вступил авангард правофланговой колонны под командованием Багратиона. Сражение закончилось сокрушительным разгромом и преследованием французов, потери которых достигли восемнадцати тысяч человек.

Во всех реляциях, присланных Суворовым в Петербург во время итальянской кампании, содержалась высокая оценка действий Багратиона, который «во всех успехах... отлично подавал руководство». Но, пожалуй, наиболее ярко оценка Суворова выражена в донесении от 16 мая, в котором великий полководец счел необходимым особо подчеркнуть: «Князя Багратиона, яко во многих случаях наиотличнейшего генерала и достойного высших степе-

ней, наиболее долг имею повергнуть в Высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение». За итальянскую кампанию Суворов подарил Багратиону шпагу, с которой Петр Иванович не расставался до конца своих дней. Этот подарок великого полководца был своеобразным аттестатом Багратиона, на практике отлично усвоившего суворовскую «науку побеждать».

...Успехи Суворова и его военачальников в Италии вызвали тревогу правящих кругов Англии и Австрии. Союзники боялись усиления России в Европе и из успехов Суворова пытались извлечь максимальные для себя выгоды. Они выдвинули новый план: в Италии остаются только австрийские войска; Суворов идет в Швейцарию на соединение с корпусом генерала А. М. Римского-Корсакова, вышедшего из России, с тем чтобы после объединения предпринять наступление на Францию. Этот план, рассчитанный прежде всего на то, чтобы удалить Суворова из Италии, приводил к распылению сил. Все возражения Суворова против плана были отклонены, и в конце августа 1799 года он получил из Вены приказ начать переход через Альпы из Италии в Швейцарию.

Суворов разработал оригинальный стратегический план швейцарской кампании. Но выполнение его было сорвано — и не контрманеврами французских войск, а действиями австрийских союзников.

Все данные о местности, противнике и обещания помощи оказались ложными. Русские войска были оставлены без проводников, без мулов, без продовольствия и фуража. Так в первых числах сентября 1799 года начался легендарный поход Суворова через Альпы.

Суворов дал действиям австрийцев точную оценку, назвав их «изменами и двуличием». В результате предательства австрийцев в середине сентября армия Суворова оказалась в Муттенской долине запертой со всех сторон французскими войсками. Положение ее казалось безна-

дежным. Но великий полководец принял смелое и рискованное решение — уходить из окружения через горы, занятые противником.

Швейцарский поход продолжался шестнадцать дней. Русская армия потеряла почти третью часть своего состава. Но Массена, один из крупных полководцев, командовавший французскими войсками в Швейцарии, говорил, что он «отдал бы все свои победы за один швейцарский поход Суворова». Энгельс называл этот поход «самым выдающимся из всех современных альпийских походов».

До ноября 1799 года в Петербурге достоверных сведений о судьбе армии Суворова не было. 1 ноября газета «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовала донесение Суворова от 3 октября. В нем великий полководец вновь упоминал о Багратионе, который «был во всех сражениях, как при овладении горой Сен-Готард, так и в последствии оных к Гларису; дознанная его храбрость была во многих всех делах похвальным примером».

В швейцарском походе русские чудо-богатыри совершили, казалось бы, невероятное: они сумели преодолеть и вынести все: труднейшие горные перевалы и суровую непогоду, яростные атаки французских войск и предательство австрийских союзников. Это был настоящий подвиг. Заслуги Багратиона при этом были велики. Он возглавлял авангард, когда надо было огнем и штыком пробивать дорогу наступавшей армии, и командовал арьергардом при отступлении.

В этих походах Багратион был не только примерным учеником, но и талантливым, инициативным исполнителем замыслов великого полководца. Своими решительными действиями он часто обеспечивал успех сражения. Это дало основание русскому военному историку Л. Н. Бельковичу в 1912 году утверждать: «Уже один швейцарский поход мог бы составить славу Багратиона — без него померкла бы слава Суворова и его чудо-богатырей».

Багратион был обязан великому полководцу не только военными познаниями и боевым опытом, но и своим будущим. Один из близких соратников и друзей Багратиона А. П. Ермолов верно подметил это, написав о Багратионе, что «война в Италии дала ему быстрый ход — гений Суворова покровительствовал ему, собирал ему почести, обратил на него внимание, и Багратион поверил в себя».

Донесения Суворова в Петербург, которые широко публиковались и в которых великий полководец отмечал военное дарование и исключительное мужество молодого Багратиона, сделали его героем дня.

Итальянские и швейцарские походы Суворова явились существенным вкладом в сокровищницу мирового военного искусства. Победы, одержанные на далеких полях Италии и в горах Швейцарии, находили самый горячий отклик в Петербурге. Реляциями Суворова зачитывались даже в Гатчине — летней царской резиденции, победы русских отмечались торжественными молебнами и пушечными салютами в сто один выстрел.

Царь, ненавидевший все суворовское, в конце августа 1799 года все же подписал указ Сенату о пожаловании полководцу «достоинства князя Российской империи с титулом Италийского, распространяя оное на всех потомков мужского и женского пола, повелевая ему быть и писаться князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским». В конце октября 1799 года за швейцарский поход Суворову было пожаловано звание генералиссимуса.

В ноябре 1799 года по повелению императора русская армия походным порядком выступила в Россию. В дороге Суворов серьезно заболел.

Багратион во главе 6-го егерского полка дошел до Пильзена, затем, оставив полк, сопровождал Суворова. В феврале Суворову стало хуже, все чаще он делал остановки на пути к Петербургу. 14 февраля он отправил

Багратиона вперед, чтобы Петр Иванович доложил в Петербурге о его состоянии. В конце февраля Багратион приехал в столицу и был милостиво принят императором. Донесения Суворова сыграли свою роль: Багратион вернулся героем. За время походов он был награжден тремя орденами, ему были пожалованы деревни в Подольской губернии.

Торжественная встреча готовилась в Петербурге и самому Суворову. Но, узнав, что в нарушение устава Суворов в походе осмелился держать при себе дежурного генерала, Павел подверг полководца новой опале, забыв о недавно выраженной «признательности перед целым светом».

20 апреля 1799 года, поздно вечером, больной и уже опальный Суворов без всяких почестей въехал в Петербург. Он остановился в доме на Крюковом канале. Одну из квартир дома снимал Д. И. Хвостов — родственник великого полководца. Здесь Суворов провел свои последние дни и часы.

Багратион посетил Суворова. Он лежал в постели, был слаб, часто терял сознание. Ему терли спиртом виски, давали нюхать нашатырь, и он приходил в себя. В одну из таких минут Суворов узнал Багратиона и, назвав по имени, поздоровался с ним. Затем снова потерял сознание. Это была последняя встреча учителя со своим учеником. Через несколько дней великого полководца не стало.

Похороны Суворова показали его всенародную славу. Царь, в гневе своем лишивший великого полководца последних почестей, оказался бессильным перед выражением любви народа к Суворову.

Для Багратиона завершился целый жизненный этап. Он начался определением на военную службу и закончился прощанием с Суворовым. Эти события, столь знаменательные для Багратиона, произошли в Петербурге. Их отделяли друг от друга многочисленные походы и кро-

вопролитные сражения, которые превратили Багратиона в закаленного и опытного воина.

В трудных боях, часто рискуя жизнью, постигал он искусство воевать. И овладел этим искусством, чему свидетельство — его подвиги в легендарных суворовских походах, из которых он, по словам А. П. Ермолова, «вернулся в сиянии славы и блеске почестей».

„ПЕТЕРБУРГ... ПОГРУЖЕН В ГЛУБОКОЕ ОЦЕПЕНЕНИЕ“

С 1800-х годов в жизни Багратиона начался новый период, который можно назвать петербургским. После первой встречи со столицей прошло восемнадцать лет. За эти годы из провинциала, приехавшего к влиятельной родственнице искать протекции, он превратился в прославленного генерала.

За восемнадцать лет произошли изменения и в Петербурге. Багратион заново знакомился с городом, в котором ему предстояло жить и продолжать службу.

В центре города, вдоль гранитных берегов Невы, увидел он прекрасные архитектурные ансамбли, которым могли бы позавидовать красивейшие города Европы. На Ан-

глийской набережной (ныне набережная Красного Флота) «единою фасадою» протянулись красивые двух- и трехэтажные каменные здания. Набережная примыкала к Петровской площади, на которой в год первого приезда молодого Багратиона в Петербург был торжественно открыт памятник Петру I, знаменитый Медный всадник, воспетый впоследствии великим поэтом. За Медным всадником виднелось приземистое здание Исаакиевского собора, о котором современники шутили:

Двух царствований памятник приличный,
Низ мраморный, а верх кирпичный.

У Петровской площади протянулся через Неву плавучий Исаакиевский мост на плашкоутах. Его удерживали два якоря и натянутый между ними канат.

Гранитная набережная вдоль левого берега Невы прерывалась у Адмиралтейства, которое еще отгораживалось земляным валом от Исаакиевской и Дворцовой площадей.

Позолоченный кораблик на шпиле башни, сооруженной еще в тридцатых годах XVIII столетия архитектором И. К. Коробовым, все еще парил над стапелями и различными строениями судостроительной верфи: Адмиралтейство по-прежнему представляло собой открытый четырехугольный двор, соединенный каналом с Невой. На берегу канала внутри двора, в доках, мастерских и амбарах кипела работа.

За Адмиралтейством вдоль набережной Невы до Мраморного дворца, как и ранее, тянулась сплошная линия великолепных дворцов и особняков. В сочетании с гранитными берегами и неспокойным зеркалом реки, отражавшей то зелено-бледное, то покрытое серыми, свинцовыми тучами небо, набережная производила неотразимое впечатление. За Мраморным дворцом расстилался Царицын луг, далее шумели деревья Летнего сада, серебрилась Фонтанка.

В начале XIX столетия Царицын луг все чаще стали называть Марсовым полем. С конца XVIII века Царицын луг стал местом традиционных весенних смотров гвардейских частей.

При Павле I значение Царицына луга как военного плаца было подчеркнуто размещением там обелиска «Румянцева победам». Обелиск был создан в 1799 году по проекту архитектора В. Ф. Бренна в честь побед русской армии под командованием выдающегося русского полководца генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева в кампании 1770 года, во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В течение месяца Румянцев трижды громил турецкую армию, которая была в несколько раз больше русской. Эти победы, одержанные в крупных сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, стали гордостью русской военной истории. Высокий обелиск из серого гранита, увенчанный бронзовым орлом с распростертыми крыльями, был установлен в северной части луга, выходящей к Неве.

После своего приезда в Петербург Багратион, несомненно, бывал здесь и у другого, особенно близкого его сердцу памятника, приютившегося в глубине Царицына луга, у Мойки. Это была скульптура М. И. Козловского — стремительный и победоносный бог войны Марс с мечом в руке. Своим щитом с изображением герба России Марс прикрывал лежавшие на жертвеннике короны неаполитанского и сардинского королей и папскую тиару. На круглом пьедестале была сделана надпись: «Князь Италийский, граф Суворов-Рымникский. 1801 год». Это был аллегорический образ великого полководца и его побед.

Багратион не мог не разделить восхищения современников быстротой строительства и грандиозностью нового здания столицы — Михайловского замка. Его заложили по повелению Павла I на месте разобранного Летнего двор-

ца Елизаветы Петровны, у слияния Фонтанки и Мойки. Строил его архитектор Бренна. В основу строительства был положен проект выдающегося русского зодчего В. И. Баженова, скончавшегося в 1799 году. В феврале 1800 года, когда Багратион приехал в Петербург, строительство еще не было завершено. Здесь ежедневно работали от двух тысяч пятисот до шести тысяч человек. Вокруг стройки расположилось множество хибарок и шалашей, где ютились крепостные рабочие. Они трудились круглосуточно. По ночам Багратион, как и все жители города, мог наблюдать над замком кровавое зарево: работа шла при свете факелов. К концу 1800 года строительство было закончено. Красноватый замок после окраски был окружен рвами, облицованными гранитом. На всех фасадах красовалась мраморная скульптура, но сооружение скорее напоминало крепость: его оградили каменной стеной, окружили рвами и земляными валами, рвы заполнили водой. Вдоль стен здания поставили двадцать бронзовых пушек. Через рвы были переброшены подъемные мосты. На ночь они поднимались, отрезая территорию дворца от города.

К началу XIX века завершился процесс придания Петербургу облика военного гарнизона прусского образца. Полосатые будки и шлагбаумы, которые начали устанавливать еще в первые дни царствования Павла I, теперь уже никого не удивляли, как не удивляла и бесконечная муштровка солдат, которые с утра и до вечера «гусиным» шагом маршировали под звуки флейт и барабанов на площадях столицы.

Многие здания в Петербурге жители стали окрашивать красноватой краской, напоминающей о цвете здания Михайловского замка. Даже ограждения березок, посаженных в 1800 году вдоль Невского проспекта от Фонтанки до Мойки, были покрашены красно-черно-белыми полосами.

Изменилась и жизнь петербургского общества. Дворянству новый император предписал жесткие правила жизни и поведения. Он мелочно регламентировал весь порядок придворной, государственной и военной службы. Один из современников — Ф. П. Лублянский — в своих воспоминаниях о новом регламенте жизни Петербурга тех лет писал: «В канцеляриях, департаментах, в коллегиях, везде в столице свечи горели с пяти часов утра, с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры и все камины пылали. Сенаторы с восьми часов утра сидели за красным столом... Сам император вставал в шестом часу утра и сразу же заслушивал доклад военного губернатора графа Палена о всех событиях, произошедших в Петербурге, о лицах, которых Павел считал подозрительными, о всех приехавших и уехавших из столицы».

Регламентация жизни и службы дополнялась серией различных запретов, которые были многочисленными и носили подчас нелепый характер. Запрещалось, например, носить бакенбарды, одевать жилеты и круглые шляпы — признак вольнодумства, фрак считался признаком «развратного» поведения. Устанавливался унизительный порядок приветствия императора: при встрече с ним на улице все должны были выходить из своих экипажей и низко кланяться. В театре в присутствии императора запрещалось рукоплескать без его знака. На всех театральных представлениях и публичных балах должен был «для смотрения» присутствовать частный пристав.

Резко возросла роль полиции, которой было «вверено наблюдение в городе благочиния, добронравия и порядка». Нарушавших запреты полиция немедленно наказывала. Баварский дипломат де Брие, живший в те годы в российской столице, писал в своем донесении: «Петербург, такой блестящий и оживленный раньше, теперь угрюм и погружен в глубокое оцепенение. Ежеминутно узнают,

что такой-то и такой сослан и разжалован, выслан, посажен в тюрьму, и все это по большей части по неизвестным причинам».

О павловских временах современники вспоминали как о «царстве страха», хотя Павел I продолжал дело своей матери, которую так ненавидел. Так же последовательно, как и она, он защищал интересы дворянства, щедро раздавал приближенным земли и крепостных, жестоко подавлял крестьянские восстания.

Все запреты и ограничения, вводимые императором, исходили из искреннего его убеждения в том, что спасение самодержавия и дворянства — в установлении твердой и абсолютной власти, в жесткой регламентации всякой деятельности. Доведенная до абсурда, эта идея приводила к крайностям.

Психическая ненормальность императора чаще всего проявлялась повышенной подозрительностью и приступами необузданного гнева. Павел держал окружающих в страхе, но страдал от страха и сам. В детстве он боялся своей бабушки, царицы Елизаветы Петровны, и воспитателя Никиты Панина. Панический страх, смешанный с ненавистью, испытывал он перед своей матерью Екатериной II. Став императором, Павел опасался заговоров и страшился крестьянских восстаний.

В чем же была причина благоприятного отношения Павла I к Багратиону? Генерал ни разу не вызвал даже простого неудовольствия императора.

Личное мужество и безупречная исполнительность Багратиона импонировали трусливому Павлу, дождавшемуся наконец своей «фортуны» и получившему престол. Возможно, что Багратиона ограждала от царской немилости и его непричастность к интригам, безразличие к проискам придворных группировок. Как боевой генерал, он был далек от всего этого.

Павел считал его образцовым командиром и после возвращения Багратиона в Петербург оставил его служить в столичном гарнизоне. В июле 1800 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось сообщение о том, что «генерал-майор Багратион определен шефом лейб-гвардии егерского батальона».

Своеобразная должность шефа полка (или отдельного батальона) в русской армии была введена павловским уставом 1796 года. По этому уставу шеф, являясь главой полка, должен был, по выражению Павла, «смотреть все» — и обучение, и управление, и хозяйство. Указ Военной коллегии от 3 декабря 1796 года гласил: «Всякое неустройство и неточное или медленное сего исполнение, как равно и всякая неисправность и упущения не только в отправлении службы, но и во внутреннем хозяйстве и управлении полков, на его, как попечителе полка, ответе и взыскании остаются».

Фактически шефы подменяли командиров полков, а командиры превращались в их помощников. Обязанности шефов и командиров полков четко не разграничивались, и это усложняло управление. Шеф полка часто, особенно в военное время, получал назначения по армии, сохраняя при этом должность шефа. На время отсутствия шефа во главе полка находился командир, но главную ответственность за положение дел в полку по-прежнему нес шеф. И в то же время шеф, обязанный «смотреть все», практически никаких прав не имел.

Среди шефов полков встречалось немало людей, далеких от интересов военной службы и рассматривавших свои должности как доходные места, которые позволяли им поправить свое материальное положение. Как писал один из командиров полков, «есть много шефов военным качеством не одаренных и служат они только для интересу». «С тех пор как служу в армии, — писал умудренный опытом командир полка, — приметил я, что большая

часть генералов очень недовольны... ежели где начинается разговор о военном ремесле, а по большей части говорят они о фураже и о неудовольствии на провиантскую комиссию».

Генерал Багратион не принадлежал к этой категории шефов: он был человеком, для которого военная служба являлась делом его жизни. До марта 1805 года Петр Иванович совмещал обязанности шефа с обязанностями командира лейб-гвардии егерского батальона. Егерями (охотниками) называли легкую пехоту, обученную одиночной прицельной стрельбе и действиям как в сомкнутом, так и в рассыпном строю.

Первым в русской армии егерские команды ввел знаменитый русский полководец генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев в 1761 году, во время Семилетней войны.

Егерские команды состояли из стрелков, умеющих метко стрелять и искусно действовать на закрытой и пересеченной местности. Команды егерей отличались быстротой и решительностью, большой подвижностью и маневренностью. Они несли разведывательную и сторожевую службы, совершали внезапные нападения на вражеские посты и транспорты. В состав этих команд подбирали наиболее развитых физически и сметливых солдат.

По представлению генерал-аншефа П. И. Панина в 1766 году егерские команды были введены во всех армейских полках. В 1770 году генерал-фельдмаршал Румянцев свел егерские команды в целые батальоны, которые успешно действовали в битвах под Ларгою и Кагулом. Блестящие образцы использования егерей в рассыпном строю показал в 1773 году Суворов в «поиске» (в нападении с целью разведки. — *Авт.*) под Туртукаем.

В 80-е годы XVIII столетия были созданы отдельные егерские батальоны, а затем и егерские корпуса. При Павле I егерские корпуса вновь переформировали в егер-

ские батальоны, состоявшие из пяти рот, а в мае 1797 года — в егерские полки из десяти рот.

В ноябре 1796 года из егерских команд гвардейских Семеновского и Измайловского полков и егерской роты полковника А. М. Рачинского (из гатчинских войск) был сформирован лейб-гвардии егерский батальон. Командиром батальона назначили А. М. Рачинского. Батальон приравняли к привилегированным гвардейским полкам. Его причислили к Петербургской инспекции и разместили на территории лейб-гвардии Семеновского полка, где в конце XVIII столетия уже были выстроены каменный полковой двор, помещения для церкви и лазарета, три флигеля для офицеров и казармы для солдат. Лейб-гвардии егерский батальон был размещен в освободившихся «светлицах» семеновцев. Эти бревенчатые избы-связи находились в районе нынешней Звенигородской улицы.

Назначение Багратиона шефом лейб-гвардии егерского батальона, любимого детища Павла I, было царской милостью, но, как и всякая царская милость, она грозила многими опасностями. За внешним блеском положения шефа гвардейского батальона, приближенного к высшим придворным кругам, скрывалась перспектива службы, особенно трудной для генерала, не привыкшего к придворным интригам и мелочной опеке. Современники вспоминали, что служба под непосредственным руководством Павла I была опаснее, чем участие в боях.

В июне 1800 года в связи со своим назначением генерал Багратион устроил смотр. На Семеновском плацу перед ним выстроились три роты, в каждой из которых было по сто егерей. Всего в батальоне по штату в 1800 году числилось около четырех с половиной сот человек. Нестроевых чинов — фурлейтеров (повозочных), барабанщиков, писарей, валторнистов, плотников, кузнецов, денщиков — было больше, чем солдат в строевой роте.

Одеты егеря были в светло-зеленые двубортные кафтаны, из-под которых выглядывали камзолы такого же цвета. Пуговицы на кафтанах и камзолах носили желтые. На головах у солдат были треугольные шляпы без обшивки, но с кистями на боковых углах. На правых плечах егерей красовались желтые гарусные аксельбанты.

Впереди роты стояли офицеры. Помимо обычных знаков своего офицерского достоинства — шпаги, эспантона и трости — они имели золотые аксельбанты и широкий золотой позумент на шляпах.

Форма была неудобной — кафтаны и камзолы узки, шляпы у солдат во время движения слетали с головы, приходилось посылать людей, чтобы собирать их. Много хлопот доставляли букли и косы, обильно посыпанные пудрой.

Но общий вид гвардейских егерей был молодцеватый и подтянутый. Петр Иванович понимал, что это является решающим в глазах царя при оценке положения дел в батальоне. 30 июня в Петергофе по требованию императора Багратион представил для осмотра нескольких рядовых егерей. Осмотр состоялся в парке ранним утром, и Павел выразил свое удовлетворение молодцеватостью и подтянутостью гвардейцев.

Служба батальона разделялась на гарнизонную и лагерную. Гарнизонную службу батальон нес в Петербурге зимой. Важнейшим событием в гарнизонной службе был развод караулов — вахт-парад. На вахт-параде должны были присутствовать все генералы и офицеры Петербургского гарнизона, свободные в это время от других служебных обязанностей. Император требовал присутствия на разводах и гражданских чинов. Однажды он приказал присутствовать на разводе артистам балета.

Почти ежедневно в девять часов утра Багратион должен был находиться на вахт-параде, который проводился в присутствии императора, появлявшегося на Дворцовой

площади еще до прихода батальона, заступавшего в наряд. Царь лично назначал крайнюю точку правого фланга, от которой расставлялись офицеры для обозначения линии построения караула. Затем от Миллионной улицы, с Невского проспекта и от Исаакиевской площади повзводно маршировали на Дворцовую площадь войска.

После построения под барабанный бой и музыку из Зимнего дворца выносили знамя. Император обходил строй батальона, придирчиво осматривая каждого солдата, обращая особо строгое внимание на его внешний вид и выправку. Затем Павел проводил учения с несколькими эволюциями, которые заключались в различных построениях и перестроениях войск, лично подавал команду офицеру, дежурному по караулу. После различных построений пехотных подразделений, заступавших в караул, на площади появлялись кавалерийские подразделения. И вновь по командам императора шли различные передвижения участников вахт-парада. Развод, начинавшийся точно в девять часов утра, продолжался иногда до двенадцати часов дня. Здесь же на разводе Павел принимал рапорты и отдавал приказы, которые имели силу указов Военной коллегии. В конце развода барабанщики били «поход», и войска проходили перед императором церемониальным маршем.

Павел I придал вахт-параду значение важнейшего государственного мероприятия.

После развода до обеда в лейб-гвардии егерском батальоне проводились занятия. Часто назначались ротные и батальонные учения. Но и они были мало похожи на учения в войсках Суворова. Деятельность Петра Ивановича была ограничена мелочной опекой царя. Павел часто появлялся на учениях батальона без всякого предупреждения. Еще чаще появлялись его доверенные лица.

Лагерная служба начиналась 1 апреля. В этот день батальон походным порядком выступал в Павловск. С батальоном следовал большой обоз. Генералу Багратиону по штату полагались карета в четыре лошади, фура, повозка, шесть вьючных лошадей и шесть верховых.

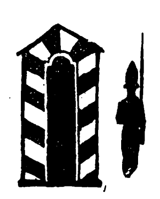
В окрестностях Павловска, недалеко от дворца, разбивались палатки, егеря занимали в Павловске караулы и организовывали пикеты по окрестным деревням. Пикеты записывали всех проезжавших мимо царской резиденции, у людей простого звания требовали паспорт или вид на жительство, а в случае отсутствия документов задерживали и отправляли к коменданту в Павловск. Часто приходилось отряжать команды для розыска и поимки разбойничьих шаек в столице и ее окрестностях. Лагерная служба завершалась обычно маневрами, на которых разыгрывались продуманно красочные баталии. Примером их могут служить большие осенние маневры, проведенные в Гатчине в первых числах сентября 1800 года.

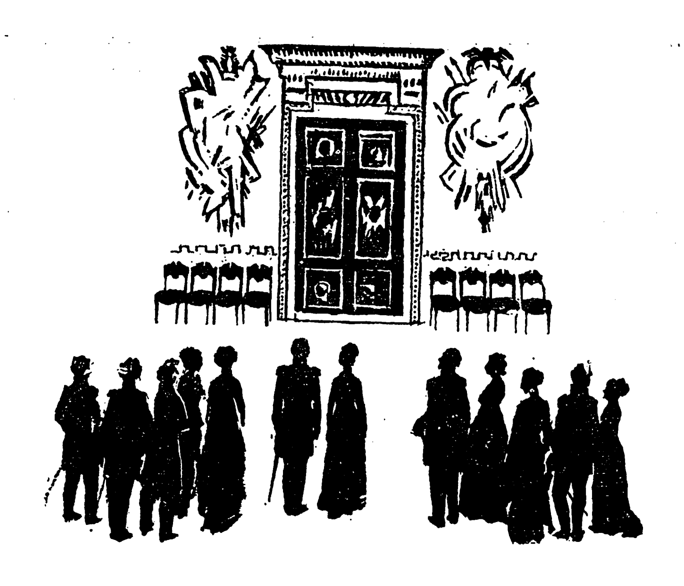
К Гатчине было стянуто большое количество различных войск — пехоты, кавалерии и артиллерии. Войска разделили на два корпуса, командиром одного из них назначили генерала от кавалерии графа П. А. Палена, а другого — генерала от инфантерии М. И. Кутузова. Лейб-гвардии егерский батальон генерала Багратиона вошел в состав корпуса Кутузова.

Корпус Палена по плану учений должен был обороняться, а корпус Кутузова атаковать. На этих маневрах, как, впрочем, и на других, сказалась любовь Павла к прусским образцам: они были сведены к эффектным перестроениям и передвижениям. В числе организаторов их был барон Дибич, служивший в прошлом адъютантом Фридриха II. Это обстоятельство делало его в глазах Павла высшим военным авторитетом. Во время маневров Дибич неотлучно находился при императоре. Он ловко и искусно льстил Павлу, показывая наиболее красочные

перестроения войск и батальные сцены. С ученым видом он говорил императору о высоком мастерстве атакующих и о храбрости обороняющихся, подчеркивая поразительную четкость и слаженность перестроения войск. Иногда, словно забывшись, но так, чтобы слышал император, барон Дибич восторженно восклицал по-немецки: «О, великий Фридрих! Если бы ты мог видеть армию Павла! Она выше твоей!»

Павел был доволен маневрами. Среди награжденных был и Багратион.

„УБРАЛИ БРИЛЛИАНТОВЫМИ К ВЕНЦУ НАКОЛКАМИ“

Багратион был приближен ко двору. Это открывало перед ним двери дворцов и особняков влиятельных людей.

В апреле 1800 года император приказал принять в казну пожалованные Багратиону за боевые отличия деревни в Подольской губернии, в которых проживало 329 крепостных, и подарил Багратиону более богатую деревню в Литовской губернии.

Багратион никогда не стремился к помещичьей жизни и всегда продавал имения, которыми награждали его,

даже не вступая во владение. Так было и на этот раз. Но перед продажей выяснилось, что крестьян в деревне осталось лишь 370 человек, остальные сто бежали или были отданы в рекруты.

Багратион, живя в столице, присутствовал на гуляниях, маскарадах и торжествах. В мае 1800 года Багратион был в Адмиралтействе на церемонии спуска на Неву трех фрегатов и корабля. В первых числах июня 1800 года в Петергофе, у Красной горки, состоялись маневры военных кораблей, а затем в императорском дворце был дан торжественный обед. Петр Иванович в числе лиц, сопровождавших императора, наблюдал за маневрами. Его пригласили и к обеду. Багратион, шеф лейб-гвардии егерского батальона, казалось бы, с головой ушел в дела службы, но... служба его была еще более связанной с укладом жизни императорского дома. Одной из главных задач батальона была охрана императорской семьи. Багратион оказался втянутым в четко регламентированный круговорот придворной жизни. Она же определялась характером и привычками императора. Каждый прожитый день напоминал прошедший. Царь вставал рано и до обеда занимался разводами, учениями и прогулками. Обедал в кругу семьи с участием шести-семи приближенных. Затем совершал прогулку верхом или в карете, а вечером присутствовал на спектаклях или концертах. К «вечернему императорскому столу», как именовались ужины во дворце, приглашались от двенадцати до двадцати человек.

Генерал Багратион обязан был присутствовать на всех разводах и учениях, проводимых Павлом, часто сопровождал его и во время прогулок верхом. К обеду Багратиона приглашали редко, но по вечерам он должен был зачастую отправляться во дворец.

Первую половину июля 1800 года Багратион провел в Петербурге, а 19 июля переехал в Царское Село. Царское Село было когда-то любимой летней резиденцией

Екатерины II. Желая оживить его малолюдные окрестности, императрица распорядилась построить рядом с Царским Селом по правую сторону Новгородской дороги город Софию. В новом городе быстро возводились каменные дома, архитектор И. Е. Старов построил церковь в духе киевского Софийского собора. В 80-е годы XVIII столетия в Софии селилась знать и размещался военный гарнизон. Город стал центром Софийского уезда Петербургской губернии. В царствование Павла значение этой летней резиденции резко упало, пришел в запустение и город София. В редкие приезды Павла I в Царское Село в Софии размещались воинские части, в том числе и гвардейский егерский батальон.

Багратион приезжал в Царское Село, как правило, на непродолжительное время. Здания, в которых он жил там, или участки, на которых они стояли, установить пока не удалось.

Летом 1800 года Петр Иванович изредка появлялся в Петербурге, но чаще вместе со своим батальоном находился в пригородных резиденциях императорской фамилии. Август, сентябрь и октябрь 1800 года Багратион провел в Гатчине.

Гатчина была любимой резиденцией царя. Специальным указом он переименовал ее в город. Из Царского Села в Гатчину перевезли и выпустили в парковые рощи и пруды редких птиц и рыб. Из петербургского Эрмитажа в Гатчинский дворец доставили 158 картин, в том числе картины Рембрандта и Тициана. Царь любил говорить, что только в Гатчине он «чувствует себя действительно дома».

Сохранилось описание Гатчины тех лет, принадлежащее генералу Н. А. Саблукову — современнику и другу Багратиона. Он писал: «Для северной деревенской резиденции она великолепна. Дворец, или точнее замок, просторен и прочно построен из тесаного камня в прекрас-

ном стиле, парк очень обширен, и в нем много превосходных дубов. Прозрачный поток вьется по парку и по садам, во многих местах расширяется в обширные пруды, которые почти можно было бы назвать озерами, вода в них до того чиста и прозрачна, что можно считать на глубине двенадцати или тринадцати футов камешки, и в ней плавают большие форели и стерляди».

В те годы в Гатчине была создана придворная дачная колония Инстербург. Для придворной знати дома строили такие замечательные архитекторы, как Баженов, Захаров, Старов, Бренна.

Облик Гатчины при Павле портили полосатые будки, шлагбаумы и солдатские казармы, в которых размещался одиннадцатитысячный гарнизон. Зеленый луг перед трехэтажным дворцом, построенным из желтых плит известняка в виде продолговатого четырехугольника с маленькими башнями в каждом конце, был превращен в песчаный плац, на котором проводились парады и смотры гатчинских войск. В Гатчине царь обычно проводил большие осенние маневры и другие военные учения. А вечерами устраивались спектакли, балы, маскарады, разнообразные приемы.

С Гатчиной связано важное событие в жизни Багратиона. Здесь в начале сентября 1800 года он женился.

Во время балов и маскарадов, в вихре светских развлечений Багратион был замечен молодой петербургской красавицей графиней Екатериной Павловной Скавронской.

Она была дочерью богатых и знатных родителей. Ее отец граф Павел Мартынович Скавронский приходился родственником царской семье. Он был сказочно богат. Его прекрасная дача стояла на Петергофской дороге, а в Петербурге на Большой Миллионной ему принадлежал особняк, находившийся между Мраморным дворцом и домом княгини Гагариной.

П. И. Багратион.
Портрет работы Д. Доу

А. А. Голицына.

Портрет работы Виже-Лебрен. 1796.

Г. А. Потемкин.

Рисунок неизвестного художника конца XVIII — начала XIX века.

Б. А. Голицын.

Портрет работы И. Б. Лампи-старшего. Конец XVIII века.

Дача Г. А. Потемкина на Петергофской дороге.
Рисунок неизвестного художника середины XIX века.

Дача Г. А. Потемкина, перестроенная в XIX веке.
Фотография. 1979.

Форма егеря лейб-гвардии Преображенского полка.

Рисунок неизвестного художника. 1793.

Форма карабинера русской армии.

Рисунок неизвестного художника. 1793.

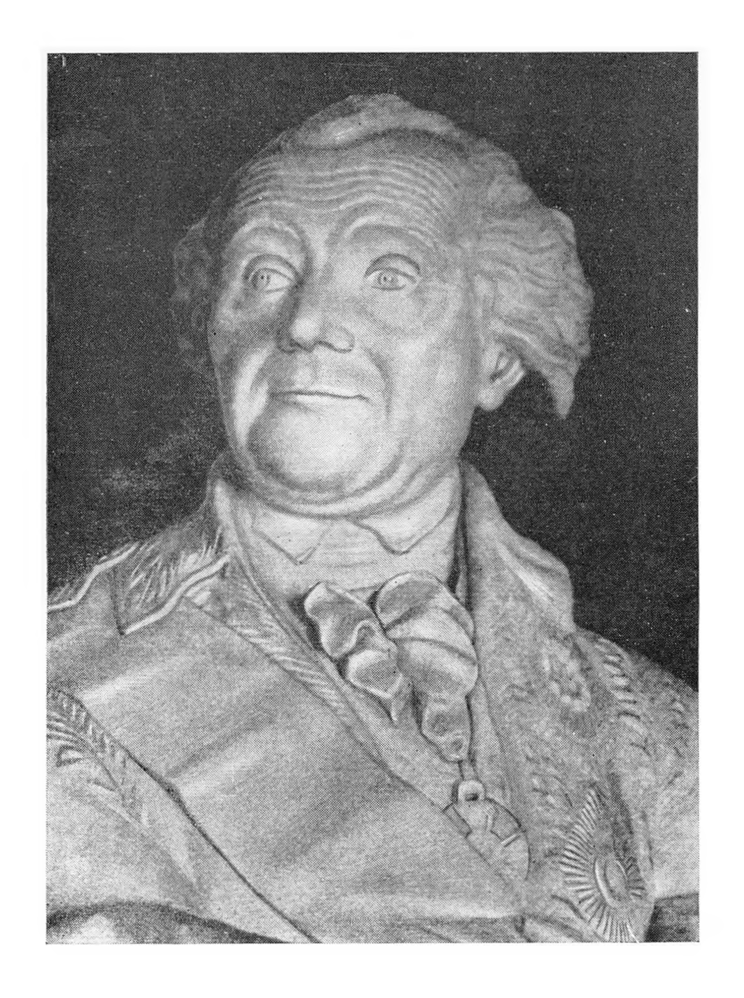
Вид Дворцовой набережной от Петропавловской крепости.

Картина Ф. Я. Алексеева. 1794.

Невский проспект.

Рисунок М. Н. Воробьева. Конец XVIII века.

А. В. Суворов.
Бюст работы Д. Мональди. 1795.

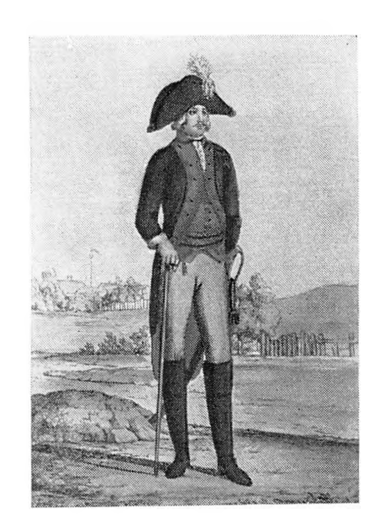
Дом в Петербурге, где умер Суворов.
Современная фотография.

П. И. Багратион.
Гравюра И. Саундерса. Начало XIX века.

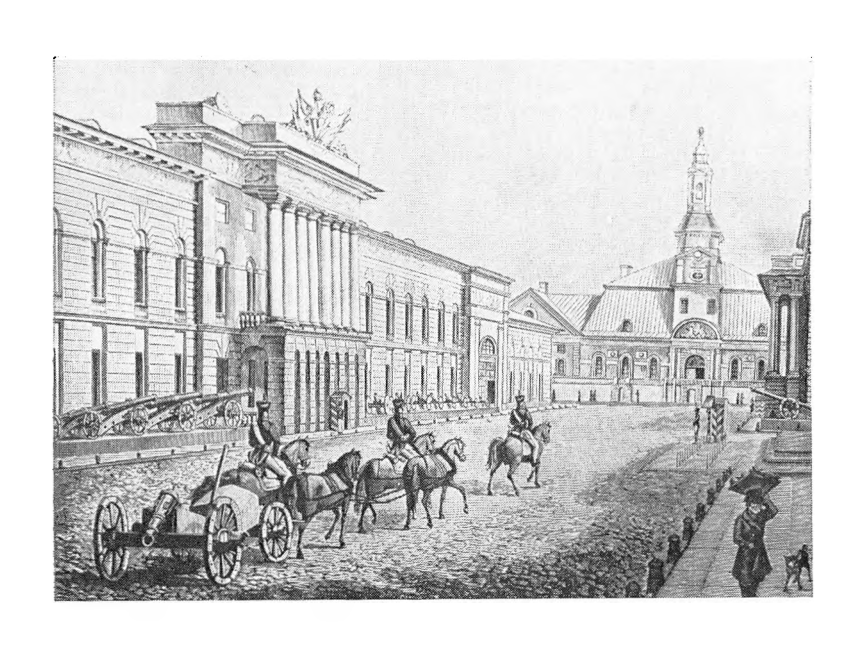
Мраморный дворец и Миллионная улица.

Гравюра Мальтона. Конец XVIII века.

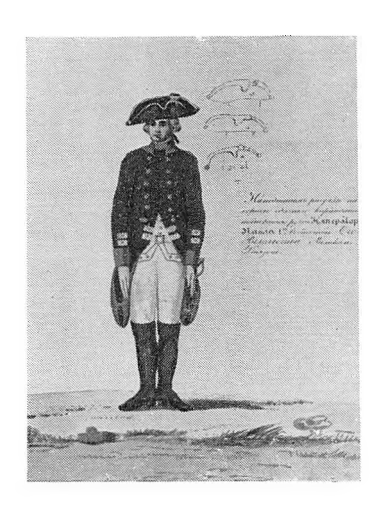

Форма офицера драгунского полка.

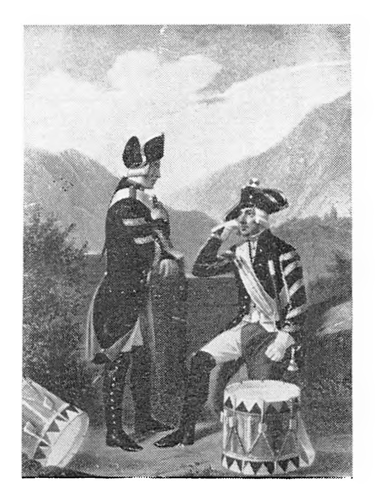
Рисунок неизвестного художника 1793.

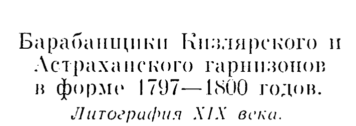

Вид Литейного проспекта и Арсенала в начале XIX века.
Рисунок С. Ф. Галактионова.

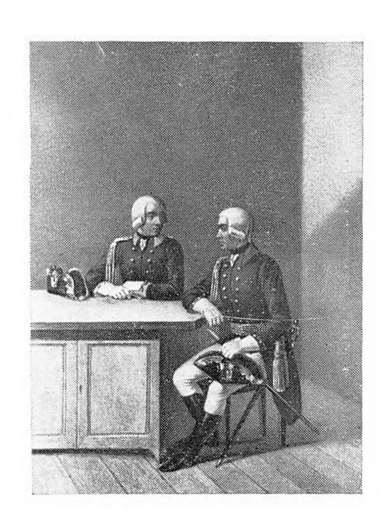
Форма солдата.
Рисунок великого князя Павла Петровича.

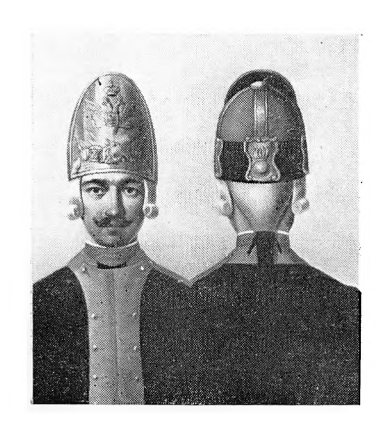

Барабанщики Кизлярского и Астраханского гарнизонов в форме 1797—1800 годов.
Литография XIX века.

Офицеры егерского полка.
Литография XIX века.

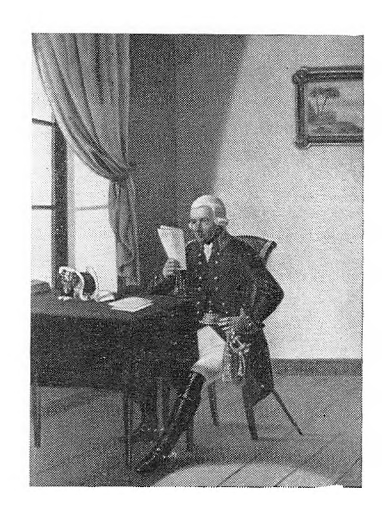

Фузелярная шапка рядового гренадерского полка 1797—1800 годов.
Литография XIX века.

Штаб-валторнист егерского полка.
Литография XIX века.

Генерал егерского полка.
Литография XIX века.

П. И. Багратион.

Гравюра Гольби. 1800.

Письмо П. И. Багратиона графине Шуваловой.

1799. Фрагмент.

Скавронского всегда окружали крепостные музыканты и певцы. Его гостиные напоминали оперные подмостки — отдавая приказания слугам, он пел их под аккомпанемент оркестра. Слуги должны были отвечать речитативом. Во время обедов, обслуживая хозяина и его многочисленных гостей, они составляли дуэты, трио, квартеты и другие вокальные ансамбли.

Мать Екатерины Павловны Катерина Васильевна (по второму мужу графиня Литта) пользовалась большим влиянием при императорском дворе. Она была «кавалерственной дамой», награжденной орденом Иоанна Иерусалимского, а позднее — орденом Святой Екатерины. Она пользовалась большим доверием жены Павла — Марии Федоровны, которая покровительствовала ей.

Богатство родителей и красота, унаследованная от матери, сделали Екатерину Павловну одной из самых завидных петербургских невест. Но она унаследовала и сумасбродство отца. По отзывам современников, молодая графиня была «ума посредственного», отличалась циничностью в суждениях и расточительностью.

В свои восемнадцать лет она блистала красотой на балах и была окружена толпами поклонников. Внимание красавицы к знаменитому генералу Багратиону, проявленное летом 1800 года, не было вызвано серьезными чувствами.

Багратиону было в ту пору тридцать пять лет, по отзывам современников и дошедшим до нас портретам, он не был красив, но мог привлекать внимание. Боевая слава, завоеванная им в жестоких боях, создавала ему романтический ореол. Петр Иванович выгодно отличался от придворных: он был прямодушен, честен, прост в обращении и застенчив в женском обществе.

Первые попытки Скавронской познакомиться с Багратионом не имели успеха. Красавица, самолюбие которой было задето, решила проявить настойчивость. На одном

из балов Екатерина Павловна сама подошла к Багратиону и сказала смущенному Петру Ивановичу, что не к лицу храброму генералу избегать слабую женщину. «Слабая женщина» пустила в ход свои чары, и вскоре темпераментный, легко увлекающийся Багратион был безнадежно влюблен. Безнадежно потому, что, достигнув своего, графиня Скавронская сразу же дала понять Петру Ивановичу, что рассчитывать на взаимность он не может. Искренний в своих чувствах, Багратион получил серьезный удар.

Но еще большим его несчастьем стало то, что о происшедшем узнал Павел I. К числу многочисленных странностей императора относилась и страсть женить придворных, не спрашивая подчас их желания. Камер-фурьерские журналы, в которых фиксировалось для потомства царское времяпрепровождение, часто сообщали о свадьбах, состоявшихся в придворной церкви в присутствии императорской четы.

Узнав о безнадежной любви Багратиона, Павел I приказал статс-даме К. В. Скавронской прибыть в императорский дворец вместе с дочерью, причем дочери ее быть в подвенечном платье. Багратиону было приказано после развода остаться при императоре. Павел I объявил пришедшим в ужас Скавронским и пораженному Багратиону о своем желании присутствовать на свадьбе Петра Ивановича и Екатерины Павловны. Известны были случаи, когда дамы, не выполнившие подобных «пожеланий» императора, вместе со своими родственниками отправлялись в ссылку. Скавронские не рискнули ослушаться, и 2 сентября 1800 года в придворной церкви Гатчинского дворца состоялась свадьба.

Подробное описание этого события сохранилось в камер-фурьерском журнале от 2 сентября 1800 года. В этот день, к половине пятого, в Кавалерской комнате (так называли в записях и Белый зал и Аванзал) Гатчинского

дворца собрались придворные, родственники невесты и приглашенные «знатные особы». У жениха родственников в Петербурге не было: его ближайшая родственница княгиня А. А. Голицына, как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», выехала из столицы еще в январе 1800 года. Посажеными отцом и матерью на свадьбе у Багратиона были лица из ближайшего окружения императора — генерал-прокурор П. Х. Обольянинов и А. П. Кутайсова.

П. Х. Обольянинов, выходец из гатчинцев, принадлежал к числу наиболее ревностных и недалеких помощников Павла I в его «преобразовательской» деятельности. Он отличался жестокостью и решительностью в исполнении императорских указаний. А. П. Кутайсова была женой любимца императора, его камердинера и брадобрея, сделавшего головокружительную карьеру. У Багратиона не было ничего общего с этими людьми.

Свадьбы во дворце были заурядным событием для придворных. Кавалеры, как отмечал камер-фурьерский журнал, были в «обыкновенных цветных кафтанах, а дамы... в круглых платьях».

Екатерина Павловна, одетая в парадное «русское» платье, была проведена в покои императрицы, где ее «убрали бриллиантовыми к венцу наколками».

В пять часов невеста в сопровождении посаженого отца графа А. С. Строганова, посаженой матери княгини А. П. Гагариной и своих ближайших родственников прошла из внутренних покоев императрицы через Чесменскую галерею (она называлась и Золотой) в церковь, где уже находились Багратион и сопровождавшие его лица. В церковь прибыла императорская чета, и дежурный пресвитер Николай Стефанов совершил обряд бракосочетания.

Этот брак был драматичен. Он лишил Петра Ивановича Багратиона и Е. П. Скавронскую семейной жизни. Но

Багратион вряд ли думал об этом, когда стоял в церкви рядом с той, которую полюбил. Торжественный обряд, сияние восковых свечей, отражавшееся в золоте венцов, которые держали над женихом и невестой генерал-адъютант князь Долгорукий и кавалергард Давыдов, — все настраивало на торжественный лад, и Багратион, конечно, не мог в полной мере представить себе будущее.

После обряда царская чета удалилась. Новобрачные вместе со своими гостями прошли через двор в Картинную комнату, где был подан «кофей с десертом». Затем, как свидетельствует камер-фурьерский журнал, новобрачные и их гости прошли к «вечернему столу», для обслуживания которого «были откомандированы по одному каждой должности официанту с помощником и камер-лакеем с двумя лакеями и двумя скороходами».

Багратион сидел с молодой женой за своим свадебным ужином в царском дворце, его гостями были люди, приближенные к царской особе. Великолепие стола с его белоснежной, накрахмаленной скатертью, саксонским сервизом, хрусталем, золотом и серебром, многочисленная челядь, обслуживавшая их, — все это составляло парадную сторону события, чреватого грустным исходом.

В первые месяцы после свадьбы прямой и открытый Багратион пытался наладить семейную жизнь и найти общий язык с многочисленной и влиятельной родней своей жены. Характерно сохранившееся до наших дней письмо Петра Ивановича к ее дяде — знатному сановнику графу А. Н. Самойлову. Оно послано из Гатчины 20 сентября 1800 года: «Милостивый государь, граф Александр Николаевич! Донося о женитьбе моей на племяннице вашей графине Е. П. Скавронской, я исполняю долг мне весьма приятный и пользуюсь сим случаем поручить себя милостивому Вашего Сиятельства расположению. Князь Багратион».

Но Багратион не встретил понимания со стороны Екатерины Павловны и был холодно принят ее родственниками, в том числе тещей Катериной Васильевной и тестем. Свой медовый месяц Багратион провел в Гатчине, где маневры и вахт-парады чередовались с развлечениями.

1 ноября 1800 года Павел I и его двор навсегда покинули Гатчину. Царь торопился переехать в Михайловский замок, в стенах которого надеялся обезопасить свою жизнь. По прихоти судьбы, он закончил вскоре свой жизненный путь там, где родился: Михайловский замок построен на месте старого Летнего дворца, в котором Павел появился на свет.

Вернулся в Петербург и князь Багратион с женой. В Петербурге жизнь Екатерины Павловны в соответствии с правилами света была наполнена развлечениями и визитами. Она держалась обособленно от мужа: у нее были свои интересы, свои друзья и свои враги. Среди врагов ее были сестры Нарышкины, одна из которых стала впоследствии фавориткой Александра I. Среди друзей — Ф. Г. Штутергейм, один из ее многочисленных поклонников. Он представлял в Петербурге интересы австрийского двора и, по донесению баварского посланника Ольри, «при помощи хвастовства, клевет и карикатур... по преимуществу в будуаре княгини Багратион разрубал французов пополам».

Княгиня держала при себе доверенных людей, которые обслуживали и сопровождали ее во всех путешествиях. Среди них были отставной поручик, приживалка, служители и арапчонок. Петр Иванович довольствовался своими ординарцами и денщиками, которые были положены ему по штату, как шефу гвардейского батальона. В 1802 году он взял из пожалованной ему в Литовской губернии деревни шесть крепостных в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет. При продаже деревни

в казну он оставил этих крепостных у себя, уплатив за каждого по сто пятьдесят рублей. Перед смертью Багратион дал им вольную. По сравнению с богатыми петербургскими вельможами, которых обслуживали десятки и сотни слуг, Багратионы жили скромно. Но княгиня пользовалась любым поводом, чтобы покинуть мужа и съездить за границу.

Багратионы снимали в те годы квартиру на Адмиралтейском проспекте. Этот большой каменный дом, в котором было семьдесят девять комнат, находился напротив Зимнего дворца и принадлежал графине Мусиной-Пушкиной-Брюс. Она сдавала его по частям внаем, а с 1804 года начала подыскивать покупателя.

В 1806 году чиновник министерства иностранных дел В. Ф. Боголюбов писал своему начальнику: «Каждый этаж особо Брюсовского дома отдается в наем по 500 рублей в месяц. Вчерась ходил я по всем комнатам оного и нашел все в таком дурном и не чистом положении, что нет никакой возможности жить в оном Вашему Сиятельству, не употребляя прежде довольно знатной суммы для приведения его в некоторую благообразность. Сверх всего князь Гагарин и все жившие в сем доме уверяют, что оба этажа наполнены крысами, от коих в зимнее время нет способов для всякого жильца, не только Вашего Сиятельства в оном жить».

Неизвестно, какую именно квартиру незадолго до этого занимал здесь Багратион. Но такое описание дает право предположить о неустроенности его жизни в Петербурге. В 1805 году Багратионы выехали из дома: генерал на войну, а жена его за границу, чтобы затем расстаться с мужем окончательно.

Дом Мусиной-Пушкиной-Брюс до наших дней не сохранился (сейчас на этом месте находится великолепное творение Росси — здание Главного штаба, построенное в 1819—1829 годах).

Ранее Петр Иванович предполагал совершить вместе с женой путешествие и, в частности, посетить Неаполь. Подтверждает это письмо А. Я. Булгакова его отцу, отправленное из Петербурга: «Был я у князя Багратиона (воина), который меня обласкал. Он дал мне письмо к князю Павлу Гавриловичу Гагарину, нашему министру при Сардинском королевстве, который живет в Неаполе, а жена его дала мне письмо к бабушке своей (М. Н. Скавронской. — *Авт.*), которая по письму сему меня обласкает. Впрочем, Багратион с женой отпущен в Италию, едет туда по первому хорошему пути и поселится в Неаполе, где просил меня быть у него всякий день». Никаких иных данных о поездке Багратиона в 1802 году в Италию обнаружить не удалось. В письмах Булгакова, который подробно писал отцу о жизни русских в эти годы, о Багратионе не упоминается. Но зато имеются письма Петра Ивановича, отправленные им летом 1802 года из Петербурга. Сохранилась записка графа Н. П. Шереметева от 31 октября 1802 года, в которой граф, будучи нездоров, отклоняет сделанное ему приглашение побывать на вечере у Багратиона.

Не был Багратион в Италии и в 1803 году. Известно, что во второй половине 1803 года он ездил в Москву. 19 декабря 1803 года А. Я. Булгаков писал отцу из Неаполя: «Вчерась был у Скавронских большой обед. Звали нас на славное блюдо. Что бы вы думали? Гречневая каша! Багратион прислал ей круп из Петербурга. Мы ели за его здоровье, желая ему еще тысячу побед над неприятелем».

Судя по всему, жена Багратиона поехала в Неаполь одна. Очевидно, одной из причин, заставившей Багратиона отказаться от поездки, были его запутанные денежные дела.

Петр Иванович, скромный, неприхотливый в быту человек, становился щедрым до расточительства, когда дело

касалось окружающих. Денис Давыдов в своих воспоминаниях писал о Багратионе: «Он любил жить роскошно, всего у него было вдоволь, но для других, а не для него. Сам он довольствовался весьма малым и был чрезвычайно трезв. Я не видел, чтобы он когда-либо пил водку или вино, кроме двух рюмок мадеры за обедом». И хотя эти строки относятся к более позднему периоду и характеризуют походную жизнь Багратиона, они дают представление о жизни его вообще.

Приданого жены едва хватало на удовлетворение ее собственных потребностей. Княгиня Багратион не знала счета деньгам. Положение шефа гвардейского батальона, приближенного к царскому двору и вынужденного вести придворный образ жизни, требовало больших средств, а их Петр Иванович не имел. Жалованье он получал скромное: оклад шефа лейб-гвардии егерского батальона составлял 1800 рублей в год, к которому добавлялось 480 рублей, предназначенных на «рацион». Получая, таким образом, всего 2280 рублей в год, Багратион только по счету от одного купца Ф. Устинова в июле — августе 1802 года должен был уплатить 1182 рубля.

Чтобы свести концы с концами, Багратион ходатайствовал в 1801 году о покупке у него казной деревень, пожалованных ему за боевые отличия. О его положении в 1801—1802 годах можно составить представление на основе следующего доклада государственного казначея барона Л. И. Васильева Александру I: «Ваше Императорское Величество изволили повелеть мне условиться с генерал-майором князем Багратионом о цене за продаваемую в казну деревню. Он сам собою никакой цены не определяет, а только говорит, что на нем состоит долгу казенного 28 000 рублей да партикулярного 52 000 рублей, всего 80 000 рублей».

Александр I в феврале 1802 года приказал Васильеву купить деревни у Багратиона и заплатить ему 70 650 руб-

лей, из них удержать казенный долг, а остальные выдать генералу на руки. Но получить деньги было не так просто. Собираясь в заграничную поездку с женой, Багратион писал 27 февраля 1802 года Д. И. Трощинскому, крупному чиновнику, ближайшему сотруднику государственного казначея: «Милостивый государь, Дмитрий Иванович! Всеподданнейше прошу напомнить Его Сиятельству (Васильеву. — *Авт.*), что сегодня или завтра выдать мне хотя 30 тысяч рублей. Мне прекрайняя в них нужда...»

Но шли месяцы, а денег не было: в царских министерствах и канцеляриях дела вершились не быстро. 19 июня 1802 года Багратион вынужден был обратиться с письмом к самому Васильеву: «Милостивый государь, граф Алексей Иванович! Поелику деревня моя не принята еще в казну, то и прошу всепокорнейше Ваше Сиятельство сделать мне совершенное одолжение: пожаловать с Вашей стороны письмо такого роду, что как скоро будет принято мое имение в казенное ведомство, тогда и остальную сумму от Вашего Сиятельства я получу. Я, имея теперь нужду, могу у других взять по письму Вашему, по кончании же дел могут деньги получить те люди, у кого письмо будет от Вашего Сиятельства».

Финансовое положение Багратиона не улучшилось и после получения денег, уплаченных ему за проданные деревни. Восточная щедрость Багратиона, переходившая в расточительность, заставляла его делать все новые долги. Эти деньги, как правило, шли для расчетов с кредиторами. Чтобы рассчитаться с наиболее нетерпеливыми из них, Петр Иванович в марте 1804 года вынужден был взять у богатого петербургского купца Бартоломея Дефаржа под большие проценты 3381 рубль ассигнациями, пообещав вернуть деньги через два месяца. Но вернуть он смог лишь 500 рублей, и Дефарж подал в Санкт-Петер-

бургское губернское правление иск с требованием взыскать с генерала оставшийся долг. Пока тянулось «дело о взыскании», Багратион в 1805 году выехал из столицы на войну. Участие в походах и войнах предоставляло офицерам и генералам отсрочку от уплаты долгов. Тем не менее, находясь уже в действующей армии, Багратион все же полностью рассчитался с Дефаржем в 1806 году.

Финансовые неурядицы Багратиона были связаны и с семейными трудностями, которые не были тайной для петербургского общества. Положение Петра Ивановича было сложно: в придворных кругах сплетничали о его жене, любили подчеркнуть отсутствие у него военного образования, считали его выскочкой.

Для придворной камарильи Багратион был чужим человеком: он был боевым генералом, а не придворным шаркуном. Эту особенность его подчеркнул Лев Толстой в «Войне и мире». Вспомним момент появления Багратиона в Английском клубе, где в его честь давали обед: «Он шел, не зная, куда девать руки, застенчиво и неловко, по паркету приемной; ему привычнее и легче было ходить под пулями по вспаханному полю, как он шел перед Курским полком в Шенграбене». Багратион у Толстого ведет себя на этом обеде скованно, говорит «нескладные, неловкие слова».

В этом образе боевого генерала, которому было не по себе в свете, схвачена лишь одна из сторон характера Багратиона. Но современники вспоминают, что он достаточно уверенно и с большим достоинством держался в гостиных, умел в нужных случаях постоять за себя. Более того, генерал А. П. Ермолов в своих записках отмечал: «Князь Багратион имел завистников, но ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обаятельный и приветливый, он удерживал хорошие отношения с равными. Был внимателен: подчиненных награждал и был

боготворим ими. Обхождением очаровывал, нетрудно было воспользоваться его доверчивостью, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный».

Зависть и интриги были чужды Багратиону, он был далек от них, как далеки были от петербургских гостиных поля сражений, на которых он провел большую часть своей жизни.

„ВРЕМЯ СЛЕПОЙ ПРИХОТИ И ХАОСА“

О жизни Багратиона в первые месяцы 1801 года известно мало.

Его имя не упоминается среди имен придворных, окружавших в эти месяцы царя. Нет имени Багратиона и среди тех, кто принимал участие в готовившемся заговоре или знал о нем.

А заговор назревал. Он был вызван всеобщим недовольством в армии и столице самодурством царя и его политикой. Грубые и жестокие выходки Павла I, его капризы и упрямство усугубляли его и без того сложное положение. Своими поступками царь часто ставил в тупик сановников, путал планы дипломатов. Дворяне считали

царствование Павла «временем слепой прихоти и хаоса», офицеры заявляли, что военная служба «стала тяжелой и оскорбительной».

Недовольство царем распространилось не только среди столичного дворянства и гвардейских офицеров: члены императорской фамилии не были уверены в своей безопасности. Все это умело использовала английская дипломатия, обеспокоенная изменениями во внешней политике Павла I, начавшего сближение России с Францией.

Во главе заговора стоял петербургский военный губернатор граф Пален. О заговоре знал наследник престола — великий князь Александр Павлович. В нем участвовали представители столичной знати и гвардейского офицерства. Среди участников заговора были командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал Л. И. Депрерадович, командир лейб-гвардии Преображенского полка генерал П. А. Талызин, генералы Ф. П. Уваров, А. С. Голицын, Л. Л. Беннигсен и другие. Всех этих людей Багратион хорошо знал, часто встречался с ними, но в заговор не был посвящен и никакого участия в нем не принимал.

В понедельник 11 марта 1801 года заговорщики собрались в доме генерала Талызина, жившего вблизи Летнего сада и Михайловского замка.

Около часу ночи они неожиданно вошли в спальню императора. Перепуганный Павел, в одной рубашке, босой, в ночном колпаке и накинутой на плечи куртке, успел спрятаться за ширмой. Его нашли и схватили, ширму опрокинули, лампа, освещавшая спальню, погасла. На возглас царя: «Что же я такого сделал?» — один из гвардейских офицеров ответил: «Четыре года подряд вы нас мучили!» Завязалась борьба, в ходе которой с Павлом расправились: его ударили в висок тяжелой табакеркой и задушили офицерским шарфом.

Народ встретил известие о смерти Павла и о восшествии на престол Александра равнодушно.

Но среди жителей Петербурга известие о смерти Павла вызвало буйную радость. На улицах замелькали безвинно изгнанные из употребления круглые шляпы, жилеты, панталоны, сапоги с отворотами, коляски и кареты запрещенных Павлом образцов. На другой день после смерти Павла лейб-гвардии егерский батальон генерала Багратиона, как и другие воинские части, был приведен к присяге новому императору.

После окончания официального придворного траура великосветские развлечения петербургской знати возобновились и достигли апогея: в столичных гостиных устраивались шумные вечера, балы, танцевальные и музыкальные собрания. Багратион бывал на них со своей женой, но в императорский дворец в 1802 и 1803 годах его приглашали редко.

В первые месяцы царствования Александра I внешне многое изменилось. В столицу возвращались из ссылки невинно пострадавшие, были отменены многие запреты и ограничения, установленные в недавнем прошлом. В Петербурге говорили не только о возврате к «золотому веку» Екатерины II, но даже о предстоявших реформах.

Новый император поддерживал эти иллюзии. Был создан «негласный комитет», в котором велись разговоры о будущих глубоких преобразованиях, а пока петровские коллегии превратили в министерства, и был принят ряд законов, направленных на смягчение жестоких порядков.

Александр I любил и умел очаровывать окружающих. Хитрый и недоверчивый, он скрывался под личиной обаяния и сердечности. В первые годы своего царствования он старался прослыть простым и доступным. По утрам его можно было видеть гуляющим в статском платье в Летнем саду в сопровождении генерал-адъютанта Ф. П. Уварова. Вечерами он иногда катался в кабриолете, запряженном парой лошадей, которыми правил сам. Со-

провождал его в этих поездках только адъютант — чаще всего граф А. Ф. Комаровский. Появляясь в общественных местах без охраны, Александр I ничем не рисковал: ненависть к его отцу служила ему защитой более надежной, чем любая охрана.

Но Александр I, как и его отец, был ревностным поклонником прусской военной системы. «Воспитанный под барабаном», он главное внимание в своей военной деятельности уделял строевым упражнениям и обмундированию солдат и офицеров.

В первые годы царствования нового императора, как отмечал адмирал А. С. Шишков, «все осталось нерушимым, те же по военной службе приказы, ежедневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахт-парады, экзерцир-гаузы, шлагбаумы... одним словом Павлово царствие продолжалось».

Реорганизации, которыми как будто бы усиленно занимались в Петербурге, не содействовали повышению боевой мощи армии. Армия продолжала жить по павловскому уставу 1796 года, и вся преобразовательная деятельность придворного генералитета была поверхностной.

Багратион, как и многие генералы суворовской школы, имевшие большой боевой опыт, к работе по «устройству войск» не привлекались. Имя Суворова пытались забыть. Но суворовские традиции сохранялись в русской армии. Одним из носителей их был генерал Багратион.

Положение Багратиона значительно усложнилось. Новый царь относился к нему с предубеждением и часто ставил под сомнение его военные способности. Об этом он писал впоследствии сестре — великой княгине Екатерине Павловне и неоднократно давал почувствовать это Багратиону. На отношение Александра I к полководцу накладывало свой отпечаток и свойственное императору непостоянство: периоды «благоволения» сменялись открытой неприязнью.

Не пользовался симпатиями у нового царя и генерал от инфантерии М. И. Кутузов. Александр I пытался расположить к себе генерала, назначив его петербургским военным губернатором и инспектором войск в Финляндии. Но, почувствовав в нем скрытую оппозицию своим военным взглядам, император постарался избавиться от Кутузова. Он воспользовался авантюрной историей поручика Шубина, пытавшегося за счет разоблачения несуществующего заговора против царя поправить свои финансовые дела и рассчитаться с долгами. Шубин угодил в Сибирь. Император обвинил военные и городские власти в неспособности справиться с происходившими в столице насилиями и грабежами. Военный губернатор Петербурга М. И. Кутузов, в ведении которого находилась полиция, был освобожден от должности.

В службе генерала Багратиона особых изменений не произошло. Батальон выступал из Петербурга в лагеря не позднее 16 мая и должен был возвращаться не позже 16 августа. Иногда батальон задерживался вместе с другими полками и дольше — для участия в маневрах. Как и при Павле I, маневры были сложными, утомительными и представляли собой эффектные картины, ничего общего не имевшие с настоящими боевыми действиями.

В 1802 году численность батальона увеличилась, вместо трех рот в нем стало четыре. Управление было сосредоточено в руках шефа и штаба. Штаб состоял из командира, адъютанта и аудитора. Как уже отмечалось, до 1805 года Багратион был одновременно шефом и командиром батальона. На его плечи ложились многочисленные обязанности по обучению и воспитанию солдат и офицеров, которых насчитывалось к этому времени пятьсот девяносто шесть человек.

Лейб-гвардии егерский батальон не имел собственных казарм. Он занимал две избы, принадлежавшие ранее Семеновскому гвардейскому полку. Затем к ним был при-

соединен девятикомнатный дом, находившийся рядом и имевший небольшой флигель для кухни. Дом размещался на Преображенской улице (позднее Звенигородская) и принадлежал статскому советнику Хлебникову. Здание до нашего времени не сохранилось, оно располагалось там, где теперь пересекаются улицы Правды и Звенигородская. В 1804 году дом был приобретен военным ведомством. В этих трех тесных и неприспособленных помещениях размещался личный состав лейб-гвардии егерского батальона. Казармы, в которых разместился позднее созданный лейб-гвардии егерский полк, были построены в 1816—1817 годах.

По характеру должности Петру Ивановичу Багратиону приходилось заботиться о заготовке дров и свечей, о ремонтных работах, поддержании чистоты и порядка в казармах. Казна отпускала на все это крайне незначительные суммы. Никакого порядка в этом тогда не существовало — все зависело от оборотистости и предприимчивости командиров. Багратион, воспитанный в суворовских традициях, всегда ставил на первое место заботу о солдатах. Часто тратил он на нужды батальона и свои собственные деньги, делая ради этого долги.

Бесспорной заслугой Багратиона было то, что егеря отличались от других частей Петербургского гарнизона высокой дисциплиной. В эти годы в батальоне не было ни одного случая увольнения или предания суду солдат или офицеров, что часто случалось в других полках.

Много сил и внимания требовали от Багратиона бесконечные строевые упражнения, организация ружейной стрельбы и тактических учений. Но проявить своей инициативы Багратион по-прежнему не мог: боевая учеба солдат, как, впрочем, и их воспитание, находились под жестким контролем придворного генералитета. Положения уставов и артикулов надлежало вдалбливать в головы солдат на многочисленных занятиях. Офицеры долж-

ны были вслух читать солдатам воинские артикулы по праздникам и воскресеньям. Особое внимание обращалось на те главы, где говорилось о страхе божием, о твердости веры и верности государю, о почитании офицеров и послушании рядовых, о штрафах и наказаниях нижних чинов. На богослужениях должны были присутствовать все чины батальона, не исключая офицеров. Начальство пристально следило за тем, чтобы никто из нижних чинов не мог уйти до конца службы: к дверям церкви ставили унтер-офицера с алебардой. За нарушение благочиния устав предписывал подвергать нижние чины строгому наказанию.

Солдатская служба продолжалась двадцать пять лет. После выслуги этого огромного срока солдат мог отправиться домой, если у него были кормильцы, но чаще всего он попадал в инвалидную команду. Часто рекрут, переступивший порог казармы, всю свою остальную жизнь был связан только с армией, которая со временем становилась для него и домом, и семьей. Но жизнь солдата была жизнью бесправного человека. Уставы того времени разрешали солдатам и матросам иметь при себе жен и детей, которые могли жить в воинских слободах или за их пределами, получая паек — муку и крупу. Но это было жалкое существование.

В лейб-гвардии егерском батальоне было сравнительно много женатых нижних чинов. Генералу Багратиону приходилось заниматься вопросами воспитания солдатских детей (в 1803 году их было сорок семь), разбирать ссоры и вникать в заботы солдатских семей, живших в тяжелой нужде.

В мае 1803 года Багратион вместе со своим батальоном участвовал в параде, посвященном столетию Петербурга. Гвардейские и армейские полки при развернутых знаменах под предводительством самого Александра I церемониальным маршем прошли через Петровскую пло-

щадь перед памятником Петру I, отдавая ему воинские почести. На Неве, напротив памятника, стоял стодесятипушечный корабль «Гавриил», на котором был установлен ботик Петра. У ботика выстроился почетный караул из четырех стариков: один из них — бывший морской офицер, остальные — солдаты. Каждому из них было более ста лет, и они помнили Петра I. Вечером город был празднично иллюминирован, особенно эффектно освещались плошками и факелами конная скульптура Петра на площади, домик основателя столицы на Петербургской стороне и Летний дворец на левом берегу Невы.

В марте 1805 года к Багратиону на должность командира батальона был назначен граф Эммануил Францевич Сен-При. Граф Сен-При был французским эмигрантом, потомком древней и знатной фамилии. Он имел хорошее по тем временам образование: окончил инженерную школу и Гейдельбергский университет. Судьба и в дальнейшем часто сводила его с Багратионом: в 1812 году он был начальником штаба 2-й армии, которой командовал Багратион, и впоследствии был одним из немногих, кто участвовал в похоронах полководца.

Багратион и Сен-При были разными людьми и по воспитанию, и по взглядам на военное дело, которому оба посвятили всю свою жизнь. Багратион являлся талантливым полководцем, учеником и продолжателем Суворова, а граф Сен-При, несмотря на значительный боевой опыт и хорошее образование, так и остался придворным генералом. Погиб он в 1814 году в сражении при Реймсе, показав личное мужество и полную военную бездарность. Между Багратионом и Сен-При никогда не было взаимной симпатии. Но назначение Сен-При командиром батальона значительно облегчило служебную деятельность Петра Ивановича. Теперь некоторые вопросы, связанные с бытом и учебой батальона, перешли в ведение графа Сен-При.

Егерский батальон в летние месяцы 1800—1811 годов нес караульную службу в Павловске, который потерял значение главной летней резиденции царей. Роты батальона командировались в Павловск по очереди, сроком на один месяц. Летним комендантом Павловска был назначен Багратион.

Хозяйка Павловска, вдовствующая императрица Мария Федоровна, проводила здесь лето с внуками. Она устраивала воскресные обеды, на которых бывала петербургская знать.

Неизбежные разводы караулов, которые проводились под руководством Багратиона, служили развлечением для царской семьи и ее гостей, дополняя театрализованные праздники, которые нередко устраивались в Павловске.

Назначение Багратиона комендантом Павловска в то время, когда в столице, хотя и почти бесплодно, но заседала комиссия по «устройству войск» и намечались меры по реорганизации армии, свидетельствовало о пренебрежительном отношении императора к суворовской школе.

В условиях надвигавшейся войны с Францией подобное пренебрежение сулило недоброе. Противником России в этой войне была лучшая армия Европы, самая крупная по численности, хорошо организованная и обученная. Во главе ее стоял Наполеон Бонапарт — талантливый полководец, овладевший самыми современными по тому времени методами ведения войны.

Русский же император, как и его отец, все еще верил, что лучшей подготовкой к войне является жестокая муштра солдат на строевом плацу. И все же он вынужден был назначить на самые ответственные посты в армии учеников Суворова. Главнокомандующим армии стал генерал от инфантерии М. И. Кутузов, а начальником ее авангарда — генерал-майор Багратион. Царь резко ограничил права Кутузова, подчинив его австрийскому гофкригсрату,

предательство которого так дорого обошлось России во время суворовских походов.

Прибыв к армии, Кутузов разработал оригинальный план предстоящей военной кампании. План предусматривал решительные действия объединенных сил союзников. Но царь оставил его без внимания и предложил Кутузову строго руководствоваться планом, разработанным австрийцами и утвержденным в Петербурге. Он даже не поинтересовался мнением полководца о нем. План же был порочен в своей основе — он ставил перед войсками нереальные цели, распылял силы, неправильно определял главное направление военных действий.

...На Россию надвигалась военная гроза. Но Александр I и его ближайшее окружение, находившиеся в плену закостеневших прусских взглядов на военное искусство, оказались не в состоянии подготовить армию к событиям, завершившимся битвой при Аустерлице.

„МЫ ПРОИГРАЕМ СРАЖЕНИЕ“

В августе 1805 года из Петербурга на войну торжественно выступила императорская гвардия. В этот солнечный августовский день Царицын луг был ареной красочного и внушительного зрелища. Под звуки музыки и барабанную дробь гвардейские полки с развернутыми знаменами проходили перед императором и его свитой. На солнце грозно сверкало оружие, от мерного топота сотрясалась земля. Четко печатая шаг и сохраняя безукоризненное равнение, гвардейские полки прямо с Царицына луга двинулись на Гатчину и Витебск, а оттуда направились к западным границам Российской империи.

Бравый вид и отличная выправка гвардейцев внушали мысль о непобедимости русского оружия. Во всяком слу-

чае в этом был уверен Александр I, гордо восседавший на коне в окружении генералов и сановников, сверкавших орденами и золотым шитьем мундиров. Но даже среди этой блестящей свиты не все разделяли уверенность царя в легкой победе над французами. Среди петербургской знати не было единого взгляда на европейскую политику России.

Первые годы XIX века в Европе ознаменовались бурными событиями. Наполеон, провозгласивший себя в 1804 году императором Франции, деятельно готовился к борьбе за господство в Европе и во всем мире. На пути к мировому господству ему необходимо было поставить на колени Англию и Россию. Становилось очевидным, что дело идет к новому вооруженному столкновению. Поэтому в 1805 году в петербургских гостиных необычно много говорили о политике и о предстоявшей войне.

Но на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», где обычно писали о королях, императорах и других царствующих особах в самых почтительных выражениях, имя императора Франции появлялось редко. Если же и появлялось, то слово «император» не употребляли. Называлась лишь фамилия — Бонапарте.

Среди сторонников войны были «молодые друзья» Александра I, всесильный в те годы «триумвират»: А. К. Чарторыйский, Н. И. Новосильцев и П. А. Строганов. Их активно поддерживали великий князь Константин Павлович, генерал П. К. Сухтелен, адмирал П. В. Чичагов и многие другие генералы и сановники. Одни из них были связаны личными интересами с Англией, другие искали в войне почестей и славы. Война была популярной и среди офицеров, особенно молодых. Она обещала им продвижение по службе, новые чины и ордена, к тому же на период войны офицеры освобождались от уплаты долгов.

Против войны выступала влиятельная группа сановников, считавших войну с Францией обременительной и опасной для России. Среди противников войны активную роль играли министр финансов граф А. И. Васильев и министр коммерции граф Н. П. Румянцев. Они считали, что Франция, превратившись в империю, перестала быть источником «революционной заразы», а война с ней окончательно расстроит и без того расшатанную экономику России.

Борьба между различными группировками, окружавшими Александра I, закончилась победой сторонников военных действий. В начале 1804 года во главе министерства иностранных дел стал князь Адам Чарторыйский. К середине 1805 года завершилось создание третьей с 1793 года антифранцузской коалиции, в которую вошли Россия, Австрия, Англия, Швеция и Неаполитанское королевство.

В начале лета 1805 года в Петербурге о войне говорили как о деле решенном. 11 июля Александр I отдал распоряжение о выступлении семнадцати полков с постоянных квартир к западным границам России, предписав остальным быть «в готовности к следованию в поход по получении повеления через 24 часа».

В это тревожное время царь много занимался вахтпарадами и смотрами. Отличившимся на плацу он объявлял «свое удовольствие». Вникая в детали различных образцов обмундирования и в тонкости строевых эволюций, царь относился к другим военным вопросам без особого интереса. А они были серьезны и многообразны.

Необходимо было организовать материальное снабжение армии, вооружить ее и обеспечить боеприпасами.

Проведенное объединение комиссариатского и провиантского департаментов под властью генерал-интенданта не привело к улучшению дел. Но вооружение русской армии в начале XIX века не уступало французскому. Рос-

сия имела первоклассную по тому времени артиллерию, пехота располагала гладкоствольными и нарезными кремневыми ружьями. Они заряжались с дула. Дальность стрельбы достигала трехсот шагов, а скорострельность — двух выстрелов в минуту. Существенным недостатком пехотного оружия была его разнокалиберность — в пехоте употреблялись ружья чуть ли не двадцати восьми различных калибров. Ощущалась острая нужда в создании однотипного пехотного оружия, и работа над этим шла с 1803 года. Необходимо было совершенствовать и производство вооружения.

В июле 1805 года Александр I посетил Сестрорецкий оружейный завод, находившийся в тридцати верстах от Петербурга. Завод приходил в упадок. Изготовление оружия здесь обходилось значительно дороже, чем на Тульском оружейном заводе. Изношенность оборудования и тяжелые условия труда рабочих людей привели к сокращению производства. Завод в значительной мере переключился на ремонт старых ружей.

По сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», в которых подробно описывалось «высочайшее посещение» Сестрорецкого завода, Александр I «изволил шествовать в мастерские, лазарет» и в «директорский дом к обеденному столу». Главным событием во время посещения Сестрорецкого завода царем был обед, устроенный в его честь директором завода генерал-майором И. И. Дибичем. Судя по всему, обед удался: император наградил директора крупной суммой денег, пожаловал его жене бриллиантовый перстень, старшей дочери директора подарил осыпанную бриллиантами золотую цепочку, а младшей — «брильянтовый перстень великой цены». Что же касается мастеровых, подмастерьев и рабочих людей, чьим трудом непосредственно создавалось оружие, то царь «пожаловать соизволил» им по рублю. Особую заботу проявил Александр I о церкви завода: он пожаловал ей тысячу

рублей, драгоценную утварь и богатые одежды для священнослужителей. К этому и свелись итоги посещения императором Сестрорецкого завода.

Среди лиц из ближайшего окружения царя, которые занимались военными вопросами, было мало людей, имевших боевой опыт и компетентных в военном деле. А. А. Аракчеев, Х. А. Ливен, П. М. Волконский, П. М. Долгорукий и другие придворные генералы не участвовали или почти не участвовали в боях. Среди генералов, имевших некоторый боевой опыт, Александр I отдавал преимущество иностранцам вроде Л. Л. Беннигсена и Ф. Ф. Буксгевдена, воспитанных в духе прусской военной доктрины.

1 сентября 1805 года император подписал указ о проведении рекрутского набора, в котором говорилось о «безопасности империи», достоинстве ее, святости союзов, «желании водворить в Европе на прочных основаниях мир» и принятом решении «двинуть ныне части войск наших за границу».

25 августа 1805 года Подольская армия под командой генерала от инфантерии М. И. Кутузова, находившаяся на западных границах, выступила на соединение с австрийскими союзниками. Вслед за армией Кутузова из района Бреста двинулась армия генерала Буксгевдена.

Парадным шагом, как этого требовал командовавший гвардией великий князь Константин Павлович, шли гвардейские полки на войну. Пристрастие великого князя к плац-парадным упражнениям дорого обошлось гвардии: пройдя путь в полторы тысячи верст от Петербурга до Ольмюца, полки потеряли выбывшими из-за болезней свыше двух тысяч человек. Лейб-гвардии егерский батальон шел в авангарде гвардейских полков, им командовал граф Сен-При. Шеф батальона генерал Багратион в это время находился уже в Подольской армии.

Багратион командовал первой колонной Подольской армии, состоявшей из егерского, гренадерского и мушкетерского полков.

В 1805 году русская армия не имела постоянных крупных соединений. Из различных полков и команд создавались временные соединения, которые называли армиями и корпусами. Кроме того, для марша или для сражения создавались колонны, включавшие в себя различные рода войск. В Подольской армии, например, было создано шесть колонн. Все эти соединения носили временный характер и отличались плохой организацией. Состав их часто менялся, и это отрицательно сказывалось на взаимодействии частей во время боя.

Марш Подольской армии проходил в тяжелых условиях.

Австрийцы под командованием генерала Мака вступили в военные действия, не дождавшись соединения сил союзников. Наполеон же во главе своей двухсоттысячной армии стремительно направился навстречу австрийской армии, чтобы разбить ее.

Русские войска поспешили на выручку, совершая переходы по сорок — шестьдесят верст в сутки. Солдаты шли пешком и ехали на подводах по ухабистым и разбитым дорогам, которые ранней дождливой осенью превратились в потоки грязи. Но ошибка австрийцев дорого обошлась всем противникам Бонапарта: армия Мака была окружена под Ульмом в октябре 1805 года и капитулировала прежде, чем подошли русские.

Багратиону предстояло сражаться теперь под руководством М. И. Кутузова. Петр Иванович уже воевал с ним под Очаковом и Измаилом. С 1798 года по 1800 год он служил под непосредственным начальством М. И. Кутузова: полк Багратиона входил в состав Литовской инспекции, которую возглавлял в те годы знаменитый русский полководец. Когда в сентябре 1800 года генерал-

майор Иевлич 3-й, сменивший Багратиона на посту шефа 6-го егерского полка, пытался обвинить своего предшественника в недостатках, имевшихся якобы в полку (а при жестоких порядках, установленных Павлом I, такие обвинения были опасны), Кутузов ответил на этот рапорт так: «Рапорт от Вашего Превосходительства от 1-го сего месяца я получил, по которому испрашивал я господина и кавалера князя Багратиона об упоминаемых в том рапорте недостатках, на что и представлена мне от него квитанция, данная ему от майора Белокопытова, который тогда оставался старший, в том что полк принят без всяких недостатков и в совершенной исправности, сверх же сего объявил мне генерал Багратион, что он снесся с Вашим Превосходительством о могущих еще быть недостатках и все оные удовлетворить обещается, а поэтому я ожидаю от Вашего Превосходительства вторичного уведомления и до того времени по сему делу никакого производства делать не буду».

Часто встречался Багратион с Кутузовым и в период петербургской службы. Нет сомнений, что Багратион неоднократно бывал в доме М. И. Кутузова на Гагаринской набережной (ныне набережная Кутузова) в 1801—1802 годах. В эти годы Михаил Илларионович занимал должность военного губернатора столицы, и в его доме с фасадом, характерным для русского раннего классицизма, украшенным портиком из четырех колонн тосканского ордера, размещалась губернаторская канцелярия. Багратиона и Кутузова связывали взаимное доверие и уважение. Встретившись теперь в военных условиях, они быстро установили взаимопонимание и взаимодействие.

А война с Наполеоном разворачивалась не по тем планам, которые были разработаны в Вене и утверждены в Петербурге. Положение армии Кутузова, шедшей на соединение с австрийцами, резко ухудшилось. Покончив с австрийцами, Бонапарт нацелился на армию Кутузова,

рассчитывая разгромить ее до подхода армии Буксгевдена. Кутузов должен был принять единственно правильное решение: отвести свою армию на соединение с войсками Буксгевдена, чтобы не допустить разгрома русских армий поодиночке.

В то время как на полях сражений развертывались эти драматические события, в Петербурге все еще видели войну в розовом свете. Сообщения с театра военных действий доходили туда с большим опозданием. Когда армия Кутузова отходила в октябре с тяжелыми боями от Браунау к Ольмюцу, «Санкт-Петербургские ведомости» еще писали о прибытии русских войск в Ламберг в первой половине сентября. Газета бодро сообщала, что «все войско состоит из молодых, крепких, весьма хорошо обученных людей, и все хорошо обмундированы».

Еще далеко не все понимали, что именно теперь прусская муштра и стремление изгнать суворовский дух из армии принесли свои горькие плоды. Русская армия в целом была обучена в духе устаревшей линейной тактики, ее организация и управление не отличались гибкостью, снабжение войск было организовано плохо.

Но в армии были живы и суворовские традиции. Кутузов был прямым их продолжателем. Под его руководством русская армия блестяще осуществила отход от Браунау к Ольмюцу, в результате которого произошло объединение русских армий.

Багратион во время этого марша возглавлял арьергард армии Кутузова. Задача его была трудна и ответственна. Французы стремились любой ценой не допустить соединения армий Кутузова и Буксгевдена. Непрерывно завязывались тяжелые арьергардные бои, и отряд Багратиона достойно обеспечивал отход основных сил.

Известие о капитуляции австрийцев было получено в Петербурге лишь в ноябре 1805 года. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили об этом широкой публике.

В этой же газете печатались донесения Кутузова. В одном из них Кутузов писал: «...отступая от Штренберга к Этингену, арьергард наш под командою князя Багратиона... в преследовании атакован был сильным неприятельским корпусом под командою маршала Мюрата... и сей отпор, сделанный неприятелю, честь делает российским войскам». Через неделю «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали подробности Шенграбенского дела.

Героем Шенграбенского дела был Багратион. В начале ноября 1805 года французские войска вступили в Вену, форсировали Дунай и пошли на Цнайм. Кутузов, вынужденный отступать, приказал Багратиону задержать французов в районе города Галлобрун. Приказ Кутузова означал для отряда Багратиона верную гибель. Против шеститысячного арьергарда наступал тридцатитысячный корпус Мюрата. Кутузов прекрасно понимал обреченность своего арьергарда, но другого выхода у него не было. Он доносил императору: «Хотя я и видел неминуемую гибель, которому подвергался корпус Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием оного армию».

Сражение под Шенграбеном — вблизи Галлобруна, ставшее гордостью русской военной истории, произошло 4 ноября 1805 года. Оно началось в пять часов утра и закончилось в одиннадцать вечера. В этом сражении Багратион показал себя не только умелым военачальником, но еще раз продемонстрировал свою удивительную храбрость. В трудные минуты боя он сам повел в атаку егерский полк, шефом которого когда-то был.

И Багратион сумел сделать то, что казалось невероятным. С шеститысячным отрядом он не только задержал тридцатитысячный корпус Мюрата и обеспечил тем самым отход русской армии, но и, сохранив свой отряд, присоединился к ней.

Кутузов в донесении о сражении под Шенграбеном указывал, что Багратион привел с собою пленных — одного подполковника, двух офицеров, пятьдесят рядовых — и захватил французское знамя.

Сражение под Шенграбеном произвело огромное впечатление на русскую армию и ее союзников. В Петербурге о Багратионе вновь заговорили как об одном из самых выдающихся генералов, достойном ученике великого Суворова. Кутузов отмечал исключительную роль Багратиона, «отличившегося на каждом шагу при ретираде в 50 миль», называл его своим «отличным помощником». По представлению Кутузова Багратион был произведен в генерал-лейтенанты.

11 ноября армии Кутузова и Буксгевдена соединились. Кутузов был назначен командующим объединенными армиями, но это назначение было формальным. Фактически командовали Александр I и австрийский император Франц. О полководческих «талантах» Александра I мы уже говорили. Через полгода после описываемых событий сам Александр I охарактеризовал Франца как «дурного, плешивого, тщедушного, без воли, лишенного всякой энергии и расслабленного телом и умом... трусливого до такой степени, что боится ездить верхом и приказывает вести лошадь на поводу». Таким показал себя Франц в ходе Аустерлицкого сражения.

Как свидетельствовал в своем донесении русский посол в Вене граф А. К. Разумовский, император Франц через шесть недель после Аустерлицкого сражения говорил ему: «Конечно, вас удивит, что до сегодняшнего дня я еще не знаю плана Аустерлицкого сражения».

Сам же Александр был полностью под влиянием своих молодых и «воинственных» генерал-адъютантов, среди которых особо отличался князь П. П. Долгорукий. Князь был убежден и убеждал всех, что Наполеон боится генерального сражения и думает лишь об отступлении.

План Кутузова отойти в Карпаты, втянуть туда за собой Наполеона и там перейти в контрнаступление был отвергнут. Императоры вопреки здравой логике настаивали на генеральном сражении. В основу плана сражения была положена диспозиция, разработанная австрийским генералом Веройтером.

Накануне Аустерлицкого сражения на совещание, на котором Веройтер докладывал свою диспозицию, Багратион не явился, а Кутузов во время доклада Ф. Веройтера демонстративно спал.

А. П. Ермолов в своих записках вспоминал, что в эту ночь к нему в полк «был прислан офицер с диспозицией на нескольких листах, наполненной трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышенностей и так запутанною, что ни понимать, ни помнить не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочесть многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столь же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании. Одно ясно было, что завтра мы атакуем неприятеля».

Когда под утро диспозицию привезли к Багратиону, то, ознакомившись с ней, он сказал прикомандированным к нему австрийским офицерам: «Мы проиграем сражение». Войска выступили до рассвета, чтобы занять места в соответствии с этой диспозицией, «более похожей на топографическое описание».

К утру 20 ноября боевые порядки союзников оказались перепутанными, и войска не сумели еще подготовиться к бою, когда менее чем в двух верстах от себя увидели стоявшую в боевом порядке французскую армию. По мнению австрийских «стратегов», она должна была отступить.

Союзники потерпели поражение. Александр I бежал с поля боя в сопровождении лейб-медика Я. В. Виллие,

берейтора, фельдъегеря и двух казаков. Он растерял всех своих генералов и флигель-адъютантов, и, проплутав часть ночи, попал в деревню, где уже находился... также бежавший с поля боя австрийский император!

Но русские офицеры и солдаты в этом неподготовленном сражении проявили героизм.

Среди героев Аустерлица был Багратион, действовавший на самых трудных участках. Кутузов писал в рапорте Александру I, что Багратион в этом сражении «удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлице в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии».

Известие о поражении под Аустерлицем было настолько ошеломляющим, что в Петербурге его попытались замолчать. «Санкт-Петербургские ведомости» в декабре 1805 года продолжали по инерции публиковать сообщения о событиях, предшествовавших Аустерлицкому сражению. 3 декабря газета писала о том, что 19 ноября Александр I прибыл в Ольмюц и «тотчас по прибытии своем получил известие, что 17 числа российский генерал князь Багратион одержал знаменитую победу над встретившейся с ним между Веной и Цнаймом колонной маршала Сульта». В той же газете сообщалось, что 24 ноября в Галиче Александр I, простившись с австрийским императором, «изволил при вожделенном здравии отправиться в Петербург». О том, что произошло между этими днями, газета хранила молчание.

Но слухи о поражении под Аустерлицем быстро достигли петербургских гостиных. Они опередили Александра I, который вернулся в столицу декабрьским утром. По безлюдным улицам подъехал он к Казанскому собору, сделав там остановку. Вечером столица по случаю приезда царя была иллюминирована. Но это не могло отвлечь внимания народа от поражения. Царь был вынужден делать вид, что он не замечает всеобщего недовольства.

Его осуждали все, даже в ближайшем окружении. Противники войны напоминали о своих предупреждениях, сторонники говорили, что война велась не так, как следовало бы.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна отправляла Александру письма, наполненные назиданиями и советами. В апреле 1806 года она с горечью подчеркивала: «Слава наших войск потерпела самое ужасное поражение, уверенность в непобедимости, приобретенная в царствование покойной императрицы, поддерживаемая в царствование покойного императора Суворовым, разрушена, и никогда потерянное сражение не имело более ужасных последствий».

Между тем официальное сообщение об Аустерлицком сражении все еще не было опубликовано. А слухи о поражении распространялись все шире: в столицу стали возвращаться участники сражения, появились в Петербурге и французские бюллетени, рассказывавшие о разгроме союзников. Только в первых числах февраля 1806 года «Санкт-Петербургские ведомости» упомянули об Аустерлицком сражении, но сделали это очень осторожно и неопределенно.

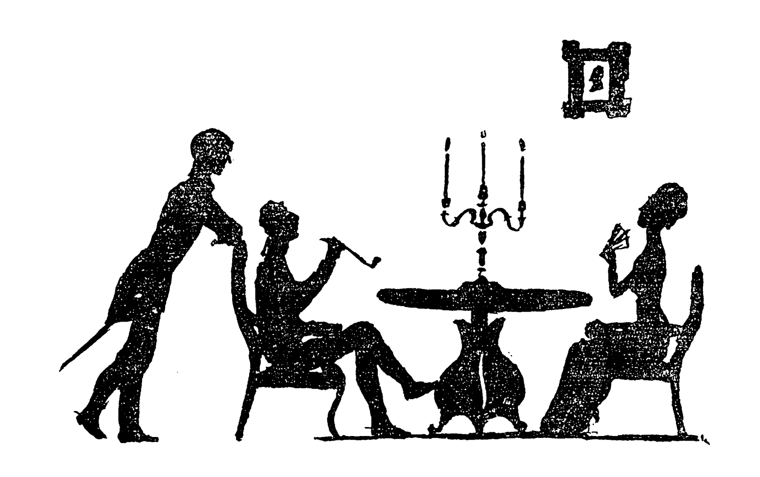
Александр I был весьма озабочен неблагоприятным впечатлением, произведенным поражением, и критикой военных действий русского командования, которая раздавалась в петербургских гостиных. Он потребовал от Кутузова две реляции о сражении под Аустерлицем: одну для собственного сведения, а другую для широкой публики. Эта вторая реляция, писал император Кутузову, необходима для того, чтобы «скорее отвратить публику от фальшивых заключений».

Реляция Кутузова была опубликована 16 февраля 1806 года, почти через три месяца после сражения. В ней рассказывалось лишь о героизме российских войск, которые «показали новые опыты мужества и неустрашимо-

сти». В другой реляции, написанной полководцем для царя полтора месяца спустя, Кутузов излагал «беспристрастную истину о деяниях высших и низших чинов, кои в день Остерлицкого сражения покрыли себя бесславием».

Александр I стремился свалить вину за аустерлицкое поражение на своих военачальников. В армии прошла целая полоса увольнений и наказаний. М. И. Кутузов был отстранен от командования армией и назначен киевским военным губернатором. Генералы И. Я. Пршибышевский и Лошаков, которые вместе со своими солдатами и офицерами попали в плен, были отданы под суд и разжалованы. Наказанию были подвергнуты и целые воинские части: офицеры Новгородского полка должны были носить шпаги без темляков (темляк — петля из вышитой ленты с кистью на эфесе шпаги. — *Авт.*), а солдатам было прибавлено по пять лет службы. В то же время подчеркивался героизм большинства солдат и отдельных командиров. Среди них называли и Багратиона. В первой половине января 1806 года генерал вернулся в Петербург.

СЛАВА АРМИИ

Генерал Багратион поселился на Дворцовой набережной в доме княгини А. П. Гагариной. Дом этот находился недалеко от Мраморного дворца и одной стороной выходил на Миллионную улицу. Он был построен во второй половине XVIII века знаменитым архитектором Д. Кваренги и сменил нескольких владельцев.

Возвращение Багратиона в Петербург вызвало большой интерес. Герою Шенграбена и Аустерлица оказывалось подчеркнутое внимание.

Вечерами в квартире Багратиона на Дворцовой набережной собиралось многочисленное общество. У него бывали влиятельные сановники и военная молодежь. Часто

на этих вечерах появлялись Чарторыйский, Новосильцев, братья Долгорукие, Голицын, Энгельгардт и другие. Круг посетителей Багратиона был достаточно широк. Но среди них особое внимание петербургского общества привлекали министры и генерал-адъютанты, во многом определявшие политику России. Бывал у Багратиона и великий князь Константин Павлович, живший по соседству, в Мраморном дворце.

Министр иностранных дел князь Адам Чарторыйский не пользовался симпатиями петербургской аристократии, но продолжал сохранять сильное влияние на царя даже после того, как в начале 1807 года вынужден был уйти в отставку с поста министра иностранных дел.

С февраля 1806 года в квартире Багратиона стал частым гостем князь Петр Петрович Долгорукий, вернувшийся из Берлина, куда его посылали после Аустерлица для укрепления русско-прусского союза. Высокий и стройный князь казался баловнем судьбы — в двадцать лет он уже имел чин генерал-майора, был близок к императору и даже жил в Зимнем дворце. Молодой генерал отличался большой самоуверенностью и заносчивостью. Но его имя называли среди главных виновников аустерлицкого поражения, и в этом была значительная доля истины. Ведь именно он был послан Александром I перед сражением к Наполеону для выяснения обстановки. И именно его так удивительно легко и ловко провел Наполеон. После встречи с ним князь Долгорукий убедил царя, что французский император боится предстоящего сражения и намерен любой ценой его избежать, а следовательно, утверждал Долгорукий, сражение под Аустерлицем необходимо дать. Мнение легкомысленного и заносчивого юнца оказалось для Александра I убедительнее, чем соображения опытного полководца Кутузова. Оно сыграло не последнюю роль в роковом решении русского царя и австрийского императора, пославших свои армии в Аустерлицкое сраже-

ние. Долгорукий враждебно относился к Чарторыйскому; у них были разные взгляды на многое.

Большинство гостей Багратиона томило одно желание — создать впечатление своей невиновности в позорном аустерлицком поражении.

Гостеприимный хозяин на этих вечерах часто предавался воспоминаниям о славных суворовских походах. Это давало повод всем присутствовавшим резко критиковать австрийских союзников, которых в Петербурге считали главными виновниками аустерлицкого поражения.

Эмоциональный Багратион, рассказывая о предательстве австрийцев, оставлял свою трубку, вскакивал с дивана и начинал ходить по гостиной, жестикулируя и повышая голос. Багратион вспоминал о военном совете, который проводил Суворов в Муттенской долине во время швейцарского похода. Он приводил по памяти слова великого полководца о действиях австрийцев: «Это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, рассчитанное предательство нас, столько крови своей проливающих за спасение Австрии».

Петр Иванович вспоминал эти суворовские слова и возмущенно добавлял, что «придет конец обманам, называющимся высокой дипломатикою».

У Багратиона собиралось мужское общество, без дам. Исключение составляла М. А. Нарышкина, которая изредка приезжала на вечера вместе со своей сестрой С. А. Нарышкиной. Багратион был близко знаком с ней через ее брата, князя Б. А. Четвертинского, служившего у него адъютантом во время Аустерлицкого сражения. Князь Борис Четвертинский, как и некоторые другие молодые офицеры, был непременным участником вечеров у Багратиона.

Молодежь тянулась к прославленному генералу, о котором Денис Давыдов писал, что «в душе его был отголо-

сок на все удалые порывы юношей, жадных к боевым приключениям». «Молодые друзья» императора, бывавшие у Багратиона, и их сторонники видели в рассказах о прежнем предательстве австрийцев лишнее доказательство того, что причиной неудач нынешней военной кампании были только их ошибки, а не просчеты царя и его окружения. «Молодые друзья» использовали все возможности для сохранения своего влияния на царя, в том числе и через появлявшуюся на вечерах близкую царю М. А. Нарышкину.

Вечера у Багратиона попали в поле зрения иностранных дипломатов. В конце февраля 1806 года о них доносил своему правительству баварский посланник Ольри, который с беспокойством следил за действиями противников Франции. В начале 1806 года антифранцузские настроения в столице были широко распространены. Их активно поддерживали придворные круги, заинтересованные в продолжении войны с Францией. В этих кругах особенно чтили Багратиона, как героя войны 1805 года. Ольри в своих донесениях называл его «славой и идолом армии». Вместе с тем Ольри отмечал, что в петербургских гостиных нередко можно было услышать и похвалы Наполеону. «Поэтому, — добавлял он, — за шляпками а ля Багратион последовали шляпы а ля Наполеон, как ни старалась полиция умерить эту моду».

Борьба сторонников и противников войны находила свое выражение в интригах различных групп придворных, которые пытались подчинить императора своему влиянию.

Но Багратион не занимался политикой. Его пылкие рассказы о прошедших боях и суворовских походах не преследовали никаких дипломатических целей.

Среди его слушателей, собиравшихся от семи до девяти часов вечера в квартире на Дворцовой набережной, наряду с «влиятельными особами» находился и старый суворовский солдат, сержант Яков Михайлович Старков.

К концу своей жизни он дослужился до чина полковника. Вечерами Старков записывал рассказы Багратиона, а по утрам приходил работать в его кабинет, объединяя записи в единое целое. По обыкновению, в кабинет заходил и сам Петр Иванович. Он садился на диван, пил утренний кофе и слушал записанное Старковым накануне. Эти записи Старков использовал в своей книге «Рассказы старого воина о Суворове». Книга была издана в Москве в 1847 году.

В начале 1806 года слава Багратиона была в зените. Александр I не мог не считаться с этим. В конце января 1806 года князь Багратион ужинал в Зимнем дворце и вновь занял место среди высокопоставленных особ, часто приглашавшихся к столу.

Еще в конце 1805 года М. И. Кутузов в представлении царю об отличившихся в Аустерлицком сражении испрашивал для Багратиона «похвального ему рескрипта». 9 февраля 1806 года этот рескрипт был опубликован в «Санкт-Петербургских ведомостях». Там говорилось: «Господин генерал-лейтенант князь Багратион! Доказанные на опыте отличное мужество и благоразумные распоряжения ваши в течение всей нынешней кампании против войск французских, а равно и в сражении, бывшем в день минувшего ноября при Остерлице, где вы удерживали сильное стремление неприятеля и вывели командуемый вами корпус с места сражения к Остерлицу в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии, обращая на себя внимание и особенную признательность, поставляет меня в обязанность ознаменовать сим отличные ваши подвиги».

Еще в ноябре 1805 года Багратион был награжден орденом Георгия 2-го класса. Багратион не имел орденов Георгия 4-го и 3-го классов, и награждение сразу орденом Георгия 2-го класса было событием необычайным. Эта награда была завоевана в жестоких боях. Она не имела ни-

чего общего с теми наградами, которые Александр I стал щедро раздавать в апреле.

В конце марта 1806 года из похода вернулась императорская гвардия. 9 апреля состоялось ее торжественное вступление в столицу. Торжественным маршем гвардия прошла от Московской заставы до Зимнего дворца. На Дворцовой площади всем гвардейским генералам и офицерам подряд были пожалованы ордена. Щедрой раздачей орденов Александр I пытался смягчить горечь поражения. Награжденных подобным образом метко называли «кавалерами аустерлицкого поражения».

Для Багратиона вновь началась светская жизнь с ее докучливыми обязанностями и развлечениями. Среди вереницы внешне сверкающих, но пустых дней, которыми был заполнен февраль 1806 года, выделялся день посещения Медико-хирургической академии, расположенной на далекой окраине столицы — на Выборгской стороне. В первых числах февраля Петр Иванович со свитой императора принял участие в церемонии открытия первой в России терапевтической клиники.

Для Багратиона посещение Медико-хирургической академии не было просто выполнением придворной обязанности. Ученик Суворова прекрасно понимал, что успех сражения определяют солдаты. Забота о здоровье солдат всегда была для Багратиона одной из важнейших заповедей, полученных от великого учителя. Медицинскому обеспечению армии Багратион уделял большое внимание.

В начале XIX века потери от болезней в армиях воюющих стран в два-три раза превышали потери убитыми в бою и умершими от ран. Поэтому в приказах и распоряжениях Багратион постоянно уделял внимание охране здоровья солдат. Он строго взыскивал с военачальников, пренебрежительно относившихся к этому, периодически инспектировал лазареты и госпитали.

Во второй половине февраля 1806 года Петр Иванович выехал из Петербурга в Москву.

В Москве в это время наблюдалась своеобразная вспышка военного патриотизма. Представление об этом дает отрывок из письма старого дипломата Я. И. Булгакова, посланного сыну из Москвы 12 марта 1806 года: «К нам наехало много гостей из Петербурга: обер-камергер Нарышкин для построения театра, князь Багратион, государевы адъютанты Долгорукие и множество других военных. Их здесь угощают, всякий день обеды, ужины, балы, театры, концерты. 7 марта давал Багратиону праздник прекрасной князь В. А. Хованской. Я тебе его опишу, ибо иного говорить нечего. Столовая была расписана трофеями, посреди стены портрет Багратиона, под ним связка оружья, знамен и проч., около ея несколько девиц, одетых в цвета его мундира и в касках а ля Багратион (сделанных на Кузнецком мосту): сие есть последняя мода. Сколь скоро вошли в зал, заиграла музыка. Княжна Наталья пела ему стихи, прерываемые хором. После прочие девицы, две княжны Валуевы, Нелидинская и пр., поднесли ему лавровый венок и, взяв за руки, подвели к стене, которая отворилась, т. е. опустились занавеса. В сем покое сделан был театр, представляющий лес. На конце написан храм славы, перед храмом статуя Суворова. Из-за нее вышел гений и преподнес Багратиону стихи, а он, приняв их и прочтя, поклонился статуе и положил свой лавровый венец при ногах статуи. После начался бал». Таких балов и церемоний с чествованием Багратиона в Москве и Петербурге в 1806 и 1807 годах было множество.

Но блеск и шум балов и праздников не могли заглушить горечь семейных неприятностей.

В 1806 году жена Багратиона жила в Вене, затем перебралась в Дрезден. Она вела легкомысленный образ жизни, вызывая сплетни и пересуды. А. Я. Булгаков

в своем письме из Петербурга к брату, жившему в Вене и передававшему слухи о княгине Багратион, с восторгом смаковал их: «Ай да Багратион! Вообрази, что об этом ничего не знали! Пиши об этом почаще подобные весточки!»

В русской армии начались очередные преобразования. Организация армии была несколько улучшена. Резкая критика прусской военной системы, развернувшаяся в армии после проигранной кампании, заставила императора и его ближайшее окружение пойти на некоторый пересмотр принципов подготовки войск. Возрос авторитет генералов и офицеров суворовской школы. Войска стали обучаться действиям в колоннах и в рассыпном строю. В 1806 году были созданы постоянные воинские соединения, «инспекции» преобразовали в дивизии.

В мае 1806 года лейб-гвардии егерский батальон был развернут в полк, состоявший из двух батальонов по четыре роты в каждом. Лейб-гвардии егерский полк вошел в состав дивизии, командовать которой был назначен великий князь Константин Павлович. По словам Дениса Давыдова, он «имел физиономию, поражающую всех оригинальностью и отсутствием приятного выражения». Великий князь был груб и невежествен. Он отличался, как мягко выразился в своих воспоминаниях Денис Давыдов, «явным недостатком мужества». И тем не менее, как и его брат, Константин Павлович считал себя выдающимся полководцем. Военная судьба Багратиона часто сталкивала его с великим князем, который, очевидно по тем же соображениям, что и его отец, считал Петра Ивановича образцовым командиром и представлял ему известную самостоятельность.

Для Багратиона это имело важное значение: переформирование батальона в полк ставило перед ним много сложных задач. Полк получил пополнение людьми из Новгородского, Нарвского и Псковского гарнизонов, и ге-

нералу пришлось потратить много сил, чтобы превратить роты и батальоны полка в хорошо организованные боеспособные подразделения. Багратион уделял много внимания воинскому обучению солдат и офицеров, используя свой боевой опыт. В этой работе он опирался на своих испытанных в деле солдат и офицеров.

В повседневных служебных заботах Петр Иванович находил удовлетворение, и это позволяло ему легче переносить невзгоды своей жизни. Лейб-гвардии егерский полк со всеми его сложностями и заботами стал ему ближе, чем квартира на Дворцовой набережной. Дома его ожидало только одиночество, которое не могли скрасить шумные беседы многочисленных гостей, собиравшихся у него по вечерам.

Лето 1806 года Багратион провел в Павловске, продолжая исполнять обязанности коменданта этой летней царской резиденции. С тем чтобы как-нибудь упорядочить свой быт в Павловске, Петр Иванович решил приобрести там дачу. В 1806 году он купил у князя А. Б. Куракина участок с деревянным домом и службами. Участок был расположен между Парадным полем и Белой Березой, чудесными уголками Павловского парка, в которых яркие зеленые поляны сменялись тенистыми рощами или густым лесом. Одновременно с участком А. Б. Куракина Багратион приобрел смежный участок, принадлежавший князю М. П. Голицыну и вытянутый в сторону Старой Сильвии. Здесь также были дом и различные службы, в том числе конюшни и сараи. Эти покупки требовали денег, которых у Петра Ивановича, как всегда, недоставало. Долги его росли.

Между тем к середине 1806 года русско-французские отношения вновь обострились. Посланный в мае в Париж тайный советник П. Я. Убри вел переговоры о заключении мира. В то же время Александр I, опасаясь дальнейшего усиления Наполеона, тайно сносился с Пруссией,

думая о создании новой антифранцузской коалиции. Когда Убри 20 июля 1806 года подписал в Париже с генералом Кларком мирный русско-французский договор и вернулся в Петербург, Александр I отказался его ратифицировать, обвинив Убри в превышении полномочий. В Петербурге все чаще говорили о неизбежности новой войны.

В конце 1806 года состоялась знаменательная встреча Багратиона с Денисом Давыдовым. Денис Васильевич Давыдов был личностью незаурядной. Подвиги, совершенные им на полях сражений, широко прославили его имя. Слава его перешагнула пределы России: о нем писали в европейских газетах. В кабинете знаменитого английского писателя Вальтера Скотта, посвятившего немало романов воинской доблести и рыцарству, висел его портрет.

Сын военного, Денис Давыдов с детских лет мечтал о военной карьере. Решающее значение в его судьбе имела встреча с А. В. Суворовым, которая произошла в детские годы Давыдова. Великий полководец тогда сказал о нем: «Этот человек будет военным». И Денис Васильевич Давыдов тридцать лет своей жизни посвятил военному делу.

Вторая его страсть — поэзия — пагубно отразилась на его карьере. Вольнолюбивые стихи и басни, написанные гвардейским поручиком Давыдовым, стоили ему перевода из столичной гвардии в Белорусский гусарский полк, расквартированный в Киевской губернии. И хотя Давыдову удалось вернуться в столичный гарнизон, военная карьера его была испорчена. Он хотел попасть в действующую армию — его долго туда не пускали. Долго обходили чинами и наградами, к которым он неоднократно представлялся за боевые отличия. Когда ему, уже прославленному герою Отечественной войны, в 1814 году присвоили звание генерал-майора, царь предпринял попытку лишить его этого звания, якобы присвоенного по ошибке.

Но его военной судьбе могли позавидовать многие, щедро увешенные орденами и достигшие генеральских чинов. Он прошел суровую боевую школу. Его характер сформировался в боях. Давыдов писал: «Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика». Он прославился как один из наиболее выдающихся героев Отечественной войны 1812 года, как командир одного из первых партизанских войсковых отрядов русской армии. Впоследствии он стал известен как военный историк.

Багратион сыграл решающую роль в судьбе Дениса Давыдова. С его помощью Денис Давыдов попал в действующую армию, вместе с ним прошел через многие сражения. Багратион своим отношением к Давыдову показал, что ему безразлично мнение сильных мира сего: настойчивая поддержка опального Дениса Давыдова вызывала раздражение императора и его окружения.

Первая встреча Давыдова с Багратионом состоялась в 1804 году. Однако тогда это знакомство только завязывалось. Давыдов вспоминал: «Багратион знаком был со мной только мимоходом: здравствуй, прощай, и все тут!» Новая встреча произошла в доме Д. Л. Нарышкина на Фонтанке, недалеко от Аничкова моста.

Хозяин дворца Дмитрий Львович Нарышкин был всего на год старше Багратиона. За его безукоризненными манерами и учтивостью скрывались бесхарактерность, сластолюбие, любовь к роскоши и расточительность. Дом его славился приемами, балами и различными празднествами. Почти каждый вечер к подъезду дворца съезжались роскошные экипажи. Из них выходили министры и генералы, сановники и вельможи. Дворец Нарышкина посещал царь. По вечерам перед ярко освещенными окнами толпились любопытные, которых оттесняли полицейские. Еще в 1795 году Дмитрий Львович женился на красавице Марии Антоновне Четвертинской. Балы и маскарады в особняке на Фонтанке стали еще великолепнее.

Брат Марии Антоновны — князь Борис Антонович Четвертинский принадлежал к той части молодежи, которая с обожанием смотрела на Багратиона и мечтала о службе с ним. Четвертинский был и близким другом Дениса Давыдова. Друзья много говорили о надвигавшейся войне и мечтали попасть в действующую армию.

Победы Наполеона над прусской армией послужили своеобразной увертюрой к военной кампании 1806—1807 годов. Они вызвали серьезное беспокойство в Петербурге. Возникла опасность вторжения французов в Россию. В конце ноября в столице был опубликован царский манифест с официальным объявлением войны Франции. За ним последовал манифест о создании народного ополчения. Предполагалось собрать в ополчение свыше шестисот тысяч человек. Синод предписал духовенству внушать прихожанам мысль о необходимости помогать ополчению, жертвуя всем во имя победы над Наполеоном. По воскресеньям и в праздничные дни в соборах и церквах Петербурга духовные пастыри перечисляли в своих проповедях многочисленные прегрешения «антихриста» Наполеона и призывали все кары небесные и земные на его голову. В воззваниях Синода, которые громогласно зачитывались во всех столичных церквах, указывалось, что «Наполеон дерзает в исступлении злобы своей угрожать свыше покровительствуемой России вторжением в ее пределы». Поносся Наполеона, церковники красноречиво доказывали, «что он тварь, совестью сожженная и достойная презрения».

В здании Городской думы на Невском проспекте в начале декабря 1806 года в течение восьми дней работала комиссия по рассмотрению вопросов о французах и уроженцах земель, находившихся под властью Наполеона. По решению комиссии все эти лица (за исключением эмигрантов, принявших русское подданство) в десятидневный срок были высланы за пределы России.

В то же время в столицу съехалось немало французских эмигрантов-роялистов, мечтавших о свержении Наполеона и о восстановлении династии Бурбонов. Они подогревали антинаполеоновские настроения в петербургских гостиных, поддерживали воинственные речи молодежи, призывавшей кровью смыть позор Аустерлица и громко рассуждавшей о своих грядущих подвигах.

Обстановка в столице в ноябре и первой половине декабря 1806 года была мрачной и тревожной: о возможности нашествия Наполеона говорили как о реальном деле. Настроение усугублялось пасмурной и нездоровой погодой. Солнце не показывалось целыми неделями. Иногда с моря дул пронзительный ветер, снег таял, обнажая кучи мусора на столичных мостовых. Смертность в городе возрастала, и по Невскому проспекту чаще тянулись похоронные дроги, направляясь в сторону Александро-Невской лавры.

В один из таких хмурых декабрьских дней 1806 года Багратион был вызван в Зимний дворец.

Когда генерал вошел в царский кабинет, Александр I объявил ему, что он назначается начальником авангарда действующей русской армии. Багратион попросил разрешения взять с собой нескольких офицеров по своему выбору. Царь не возразил. В тот же день Петр Иванович заехал к Нарышкиной и сказал ей о явившейся возможности. Марья Антоновна знала о дружбе брата с Денисом Давыдовым и о желании их отправиться на войну вместе. С этим она и обратилась к Багратиону. Генерал любезно согласился. Так осуществилась заветная мечта Дениса Давыдова — попасть в действующую армию. От Марьи Антоновны Давыдов и узнал о своем назначении. Не веря своему счастью, он сразу же помчался на Дворцовую набережную, в дом Гагариной. Он застал генерала одетым к отъезду в армию. Вещи уже уложили в экипажи, в гостиной Багратиона находились его адъютанты князь Го-

лицын, граф Грабовский и провожавший своего шефа командир лейб-гвардии егерского полка граф Сен-При. Растерявшийся Давыдов постеснялся спросить у Багратиона о своем назначении, а генерал в сутолоке отъезда ничего ему не сказал. Давыдов проводил Петра Ивановича до экипажа, терзаясь сомнениями.

Через несколько дней Давыдов получил официальное извещение о своем назначении адъютантом Багратиона и повеление следовать в действующую армию. Багратион в это время в своем экипаже быстро удалялся от Петербурга, направляясь к театру военных действий.

„ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ НЕ ВЫХОДИЛ ИЗ БОЯ“

К тому времени, когда генерал Багратион появился в действующей армии, военные события приобрели острый характер. Против Наполеона на этот раз выступала четвертая по счету коалиция, в которую входили Россия, Пруссия, Англия, Швеция и Саксония. Главной силой коалиции были Россия и Пруссия. Но следует отметить жалкую и постыдную роль, которую сыграла Пруссия в войне 1806 года.

Уже само вступление Пруссии в антифранцузскую коалицию вызвало сомнение в искренности и надежности этого союзника. До сентября 1806 года прусский король

Фридрих-Вильгельм вел двойную игру, уверяя в своей преданности и Александра I и Наполеона.

В сентябре 1806 года он предъявил французам ультиматум и привел свою армию в боевую готовность. Это вызвало восторг прусской военщины. Самоуверенное прусское офицерство заранее праздновало победу над Наполеоном. В Пруссии царило ликование: в театрах, в кофейнях, в трактирах пели национальный гимн, на улицах поздравляли друг друга. Прусские войска парадным строем маршировали на площадях, а военный совет из генералов и министров непрерывно заседал, делал перерывы лишь для того, чтобы присутствовать на разводах.

Прусские генералы и офицеры жили воспоминаниями о победах Фридриха II. Прусская армия, наполовину состоявшая из иностранных наемников, по-прежнему обучалась линейной тактике под ударами палок капралов. Она была громоздкой, трудно управляемой, вооруженной устаревшим оружием.

Расплата за отсталость и самонадеянность наступила быстро. Наполеон вновь показал свое превосходство, быстроту и решительность. 2 октября 1806 года он сразу дал два сражения прусским войскам под Иеной и Ауэрштедтом и разгромил их. В течение трех недель страна была завоевана. Наполеон вступил в Берлин.

Чванливая воинственность прусского офицерства под ударами французской армии сменилась позорной трусостью. Гарнизоны без боя сдавались французам один за другим. За несколько недель сдались восемь крепостей, личный состав которых насчитывал почти шестьдесят тысяч человек. Прусский король сбежал в восточные районы своей страны и униженно писал Наполеону в Берлин: «Крайне желаю, чтобы Ваше Величество были достаточно приняты и угощены в моем дворце. Я старался принять для того все зависящие от меня меры, не знаю, успел ли я?»

Разгром Пруссии был глубоко знаменательным. Это был разгром целой военной системы, которую русские цари Павел и Александр I считали идеальной и внедряли в русскую армию.

В октябре Наполеон двинул свою стопятидесятитысячную армию к русским границам. Навстречу ему выступил шестидесятитысячный корпус генерала Беннигсена. Прусский король подчинил ему уцелевший от разгрома корпус Лестока. Кроме того, против Наполеона был направлен сорокатысячный русский корпус генерала Буксгевдена. Война началась.

Но в Петербурге не могли решить, кому быть главнокомандующим русской армии. Генералы Беннигсен и Буксгевден, корпуса которых должны были совместно действовать против французов, по словам А. П. Ермолова, «не будучи приятелями прежде, встретились совершенными злодеями».

Александр I после долгих колебаний вызвал из орловской деревни шестидесятидевятилетнего фельдмаршала М. Ф. Каменского. В Петербурге его встретили как спасителя отечества. Престарелый фельдмаршал, в чудачествах подражавший Суворову, поселился в девятом нумере на третьем этаже Северной гостиницы. Улица перед гостиницей была забита дрожками и каретами чиновников и вельмож. Одни толпились у крутой и тесной лестницы, которая вела к девятому нумеру, другим удалось пробиться в небольшой коридор перед дверями апартаментов, и лишь избранные попадали в апартаменты нового главнокомандующего. Одни из них считали не лишним засвидетельствовать свое почтение будущему «спасителю отечества», другие пытались пристроить в его свиту своих сыновей. В честь Каменского устраивали пышные приемы, в царских дворцах и в гостиных петербургской знати его заранее чествовали как героя. Каменский уверял, что он слышал голос, призывавший его на «святое дело».

22 ноября он выехал из Петербурга и в начале декабря на тележке — в подражание Суворову — подъехал к главной квартире русской армии около города Пултуска. Перед отъездом его видел Денис Давыдов, рискнувший приехать к Каменскому в четыре часа утра и надеявшийся с помощью фельдмаршала оказаться в действующей армии. Он увидел перед собой маленького старичка «в халате с повязанной белой тряпицей на голове». Давыдов отметил, что фельдмаршал, несмотря на столь ранний час, был «свежий и бодрый». Но бодрости у Каменского хватило ненадолго. Уже по дороге к армии желание совершить «святое дело» у него пропало, и он настойчиво просил императора заменить его. Из Вильны Каменский писал императору: «Я лишился почти последнего зрения, ни одного города на карте отыскать не могу». Из Пултуска он доносил в Петербург: «...стар я для армии, ничего не вижу, ездить верхом почти не могу, но не от лени, как другие».

Фельдмаршал командовал армией всего только неделю, но запутал все дела и без того бывшие не в лучшем состоянии. Наконец Каменский приказал отступать к границе и, бросив армию, уехал в Гродно. После отъезда старшим по чину в армии остался генерал Буксгевден. Генерал Беннигсен, не желая подчиниться ему, предпринимал хитроумные маневры, чтобы не допустить объединения корпусов. В завязавшейся битве под Пултуском русские войска под командованием Беннигсена одержали победу. Донесение Беннигсена, приукрасившего события, вызвало в Петербурге ликование. 25 декабря в столице состоялось благодарственное молебствие с пушечной стрельбой «по случаю одержанной... совершенной победы над многочисленными французскими силами, которыми командовали под предводительством самого Бонапарте фельдмаршалы...». Беннигсен стал кумиром петербургских гостиных, его именовали «победителем Наполеона».

После того как Каменский бросил армию, царь опять оказался перед проблемой назначения главнокомандующего. Русский император не видел среди русских генералов достойных кандидатов. Он преклонялся перед иностранными авторитетами и считал наиболее подходящими для роли главнокомандующего генералов Буксгевдена и Беннигсена. Царь склонялся в пользу Буксгевдена, который был старшим по чину, и уже совсем было принял решение о его назначении, но, получив донесение о победе Беннигсена, назначил главнокомандующим его, предложив Буксгевдену покинуть армию.

Петр Иванович Багратион оказался под командованием генерала Беннигсена, бездарного в военном деле и с большими способностями к интригам. Новый главнокомандующий окружил себя преданными людьми. Главное стремление его было направлено на то, чтобы поддержать в Петербурге уверенность в его, Беннигсена, выдающихся полководческих способностях.

До сих пор Багратион воевал под командованием таких полководцев, как Суворов и Кутузов, авторитет которых был для него непререкаем. Беннигсену он не верил как полководцу и не уважал его как человека.

Беннигсен был типичным придворным генералом того времени. В военном деле он исповедовал взгляды прусской военщины времен Фридриха II. Он был честолюбив и во имя карьеры готов на все. Беннигсен не мог не вызвать неприязни у Багратиона. Генерал-лейтенант Ф. В. Сакен, служивший в армии Беннигсена, в феврале 1806 года, говоря в своем дневнике о Багратионе, с полным основанием отметил, что «образ жизни, какой здесь ведут, ему совсем не нравится, интрига царит среди всех этих господ».

Денис Давыдов писал о главной квартире генерала Беннигсена: «...англичане, шведы, пруссаки, русские военные и гражданские чиновники, тунеядцы и интрига-

ны — словом, это был рынок политических и военных спекулянтов, обанкрутившихся в своих надеждах, планах и замыслах». Это описание относится уже к концу войны, к июлю 1807 года. Но познакомиться с главной квартирой Беннигсена, в которой «тунеядцы и интриганы» еще только вынашивали «свои надежды, планы и замыслы», он смог уже в начале 1806 года.

В январе 1806 года Давыдов прибыл в авангард Багратиона. Началась его пятилетняя служба при военачальнике, которым он всю жизнь восхищался. В своих записках будущий герой-партизан оставил характерные зарисовки образа Багратиона тех лет — человека и полководца. Давыдов писал о Багратионе: «Я во время военных действий не видел его иначе, как одетым днем и ночью. Сон его был весьма коротким — три, много четыре часа в сутки и то с пробудкой, ибо каждый приезжий должен будить его, если привезенные известия того стоили. В то время одежда его была сюртук мундирный со звездой Георгия 2-го класса, бурка на плечах и на бедре шпага, которую носил он в Италии при Суворове, на голове картуз из серой смушки и в руках нагайка». Давыдов восхищался военным дарованием Багратиона, писал об изумительном умении его вести арьергардные бои, организуя отход, не вдаваясь в общую битву и в то же время давая частый отпор противнику, который он неоднократно подкреплял сильным и почти всеобщим действием артиллерии. Среди полководческих качеств Багратиона Давыдов отмечал хладнокровие, глазомер, чудесную сметливость и сноровку, которыми князь Багратион так щедро был одарен природой. Все эти качества Багратион проявил и в кампании 1807 года.

19 января 1807 года разъезд Елизаветинского полка, входившего в авангард Багратиона, захватил в плен французского офицера с секретным пакетом, адресованным командиру французского корпуса Бернадотту. В пакете

был план Наполеона — «отрезать левый фланг русской армии и уничтожить его». Ознакомившись с планом и послав его Беннигсену, Багратион по собственной инициативе пошел на соединение с главными силами русской армии. Русская армия с арьергардными боями, которыми руководил Багратион, отошла к Прейсиш-Эйлау.

27 января 1807 года под Прейсиш-Эйлау состоялось ожесточенное сражение. Оно развернулось на холмистой равнине с небольшими озерами, покрытыми непрочным льдом, и болотцами, запорошенными легким снежком. Сражение началось оглушительной артиллерийской канонадой. А затем войска сошлись в штыковой схватке, в которой с обеих сторон участвовало двадцать тысяч человек. Это было страшное зрелище... Когда французы, преследуемые русской пехотой и конницей, стали отходить, Наполеон бросил в дело знаменитую конницу Мюрата. Завязался тяжелый кавалерийский бой. Вспоминая об этой битве, Денис Давыдов писал, что «штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта». Чаша весов истории склонялась то в одну сторону, то в другую.

Когда опустились зимние сумерки, сражение закончилось. Кровавое зарево от горевших окрестных селений осветило груды трупов, разбитые и исковерканные фуры, пороховые ящики и лафеты. Потери с обеих сторон были огромны — около сорока тысяч человек убитых и искалеченных. Это было первое крупное сражение, которое Наполеон не смог выиграть. Давыдов в своих записках отмечал, что «французская армия, как расстрелянный корабль с обломанными мачтами и изуродованными парусами, колыхалась еще грозная, но не способная уже сделать один шаг вперед ни для битвы, ни для преследования».

Этим сражением закончилась осенне-зимняя кампания 1806—1807 годов. Наполеону не удалось добиться решаю-

щего поражения русской армии. В этом была заслуга прежде всего русских офицеров и солдат, проявивших в ходе всей кампании удивительную храбрость. Голодные и разутые, погибавшие сотнями и тысячами, солдаты восхищали своей отвагой даже врагов. В этой кампании отлично проявили себя наиболее талантливые русские генералы и офицеры.

Среди них особо следует отметить генерал-майора Александра Ивановича Кутайсова — сына той самой графини Кутайсовой, которая была посаженой матерью на свадьбе Багратиона. Десяти лет от рождения он был записан унтер-офицером в гвардию, а в пятнадцать лет стал гвардейским полковником, не имея четких представлений о военном деле. Но, талантливый и любознательный, молодой Кутайсов имел склонность к математическим наукам, с интересом изучал артиллерийское дело и в совершенстве овладел им. Уже в 1806 году молодой генерал-майор (ему это звание присвоили в двадцать два года) проявил на поле боя хорошие военные познания, храбрость и решительность. В битве при Прейсиш-Эйлау Кутайсов был начальником артиллерии правого крыла русской армии и по собственной инициативе провел удачный маневр подчиненными ему тридцатью шестью оружиями. Огнем их он разгромил французские части, сосредоточенные в укрытии для атаки на левый фланг русских. За сражение при Прейсиш-Эйлау Кутайсов получил орден Святого Георгия 3-го класса, а за участие в кампании в Восточной Пруссии был награжден золотой шпагой, осыпанной алмазами, с надписью «За храбрость».

В Отечественной войне 1812 года Кутайсов командовал артиллерией 1-й армии и под его началом находилось более чем пятьсот орудий. Он героически погиб в Бородинском сражении. Гибель его была следствием безрассудной храбрости. Ему тогда было двадцать восемь лет. Отвага молодости взяла верх над рассудком. Кутайсов

предпочитал находиться в том месте боя, где была наибольшая опасность, а не там, где требовали интересы дела. Ермолов писал о гибели Кутайсова: «Ни одним близким горестна потеря его: одаренный полезными способностями, мог он впоследствии оказать Отечеству великие услуги». Таких талантливых и мужественных командиров в русской армии в кампанию 1806—1807 годов было немало.

Но звездой первой величины был генерал Багратион. Заслуги его были велики. Он умело осуществлял руководство арьергардными боями, которые особенно характерны для этой военной кампании. Кстати сказать, это были первые в истории русского военного искусства арьергардные бои в зимних условиях.

Менее всего заслуг в этой кампании было у главнокомандующего русской армии генерала Беннигсена, хотя он и пытался доказать обратное. В своих донесениях в Петербург он значительно преувеличивал достигнутые успехи, старательно подчеркивал свою роль. Донося о сражении под Пулутском, он указывал, что французскими войсками, противостоявшими ему, руководил лично Наполеон, хотя предводительствовал ими маршал Ланн. По свидетельству Растопчина, после завершения войны Беннигсен приказал выбить медаль со своим изображением. На обратной стороне медали была сделана надпись «Победителю непобедимого».

Не отличался генерал Беннигсен и личной храбростью. В самый трудный и решительный момент сражения при Прейсиш-Эйлау он на длительное время покинул поле боя, решив отправиться навстречу подходившему корпусу Лестока. Маркс и Энгельс в своем очерке о Беннигсене отмечали, что во время кампании 1806—1807 годов «все его поведение представляло удивительное сочетание безрассудной опрометчивости и беспомощной нерешительности».

После сражения при Прейсиш-Эйлау Беннигсен, не подсчитав еще потери и трофеи, поспешил послать в Петербург с победным донесением флигель-адъютанта Савицкого.

Беннигсен доносил, что захвачено в бою двенадцать французских знамен. Когда же трофеи доставили в Петербург, то захваченных знамен оказалось пять. На вопрос царя, где же остальные, Беннигсен ответил, что, очевидно, они «проданы солдатами в Кенигсберге на рынке». Впрочем, и пять французских знамен, взятых в кровопролитной битве, были почетными трофеями. Их торжественно возили по улицам столицы кавалергарды в сопровождении трубачей.

Отход русских войск после одержанной при Прейсиш-Эйлау победы, так красочно расписанной Беннигсеном, вызвал в Петербурге недоумение, а затем и недовольство. Чтобы пресечь неприятные слухи в столице и попросить подкрепления, Беннигсен в начале февраля 1807 года отправил в Петербург Багратиона.

В Петербурге Багратион вновь остановился в доме княгини Гагариной на Дворцовой набережной. Он прожил в столице в этот свой приезд не более двух недель. Его дни были заполнены многочисленными делами, которые не оставляли ни минуты свободного времени. Он был принят в Зимнем дворце и по приказанию Беннигсена доложил о сражении при Прейсиш-Эйлау. Вечерами его приглашали на ужин в царский дворец, иногда он отправлялся к кому-либо из сановников, наперебой зазывавших Багратиона к себе, желая из первых рук узнать о военных событиях.

Багратион должен был уделить значительное внимание и своему егерскому полку. Полк готовился к выступлению, и генерал провел всестороннюю проверку. Походным маршем полк отправился в середине февраля из Петербурга на театр военных действий. А вслед за ним

выехал из столицы и Петр Иванович, который в конце февраля был уже в действующей армии.

Во второй половине мая 1807 года русские войска вновь перешли к наступательным действиям. 24 и 25 мая авангард под командой Багратиона провел удачные бои, потеснив французов. Но удачи Багратиона оказались исключением. 27 мая французы начали наступление. Багратион, возглавив арьергард, в тяжелых условиях прикрывал отход русских войск к Фридланду.

Сражение под Фридландом 2 июня стало решающим. Русских было двадцать пять тысяч, а французов — двенадцать, позиции русских были предпочтительнее. Беннигсен не сумел воспользоваться этим преимуществом, и к пяти часам дня французов было уже восемьдесят тысяч. Несмотря на героизм русских воинов, умелые и мужественные действия Багратиона и некоторых других командиров, сражение было проиграно, и остатки русских войск покатились за Неман.

Сообщения о военных действиях поступали в Петербург по разным каналам. Императрицу Марию Федоровну ставил в известность о всем происходящем в действующей армии князь А. Б. Куракин. В июне 1807 года он отправил ей письмо с описанием переправы русской армии через Неман. Он рассказывал, что четыре плохих парома не могли обеспечить переправу множества людей. Весь прусский берег был загроможден русскими ранеными, доставленными сюда на повозках или кое-как добравшимися пешком. Многим из них даже не сделали перевязки, хотя раны их были опасными. Целыми днями раненые лежали под открытым небом без всякой защиты от дневного зноя и ночного холода. Но и после переправы им не оказали медицинской помощи. Куракин разговаривал на улицах Юрбурга с полковником и офицерами Главного штаба, лежавшими на телегах. Им все еще не были сделаны перевязки, хотя они получили опасные ранения.

Все, с кем приходилось разговаривать Куракину, возмущались плохой организацией медицинской помощи — на всех раненых, скопившихся на переправе, было всего два хирурга, но еще больше возмущались бездарностью Беннигсена. «Все единодушно обвиняют Беннигсена в том, что он проиграл битву при Фридланде и погубил лучшие войска вследствие своих дурных распоряжений, несообразных с самыми основными правилами военного искусства», — писал Куракин.

Эти сообщения вызывали в Петербурге тревогу и беспокойство. В столице рассказывали о бурной сцене между императором и великим князем Константином Павловичем, приехавшим из действующей армии в Главную квартиру. Великий князь требовал от царя немедленного заключения мира. Он говорил, что продолжение войны равносильно тому, чтобы дать каждому солдату и офицеру по пистолету и приказать им застрелиться. Константин Павлович в запальчивости кричал, что хлопот будет меньше, а результат один — неизбежная гибель. Рассерженный император приказал великому князю вернуться в действующую армию. Об этом в Петербурге рассказывали с оглядкой, доверительно, только избранным. Зато повсюду громко говорили о героизме русской армии, проявленном ею в последних сражениях.

Рассказывали о мужестве генерала Багратиона, вновь отличившегося под Фридландом. Багратион более шестнадцати часов не выходил из боя. Он совершил один из подвигов, которыми была полна вся его боевая деятельность. Но подвиг Багратиона не мог изменить общих результатов сражения, как не могли его изменить мужество и героизм русских солдат и офицеров. Английский посол Гутчинсон, находившийся во время битвы при русской армии, доносил в Лондон, что русские «победили бы, если бы только одно мужество могло доставить победу».

После Фридланда царь отстранил Беннигсена от командования армией. Но он остался верен себе: вместо Беннигсена был назначен не менее бездарный генерал Буксгевден. Война шла к позорному концу, Петр Иванович испытывал чувство острой неудовлетворенности.

В Петербурге его никто не ждал. Но во время войны Багратион все же писал письма из действующей армии в столицу.

Среди них особый интерес представляет письмо, попосланное им в Петербург вдовствующей императрице Марии Федоровне 20 мая 1807 года. Оно показывает Багратиона с неожиданной стороны. Он пишет... о своих рисунках. Багратион сообщает императрице о том, что он уже высылал рисунки Екатерине Павловне и вот теперь высылает свой новый рисунок самой Марии Федоровне. Петр Иванович даже выразил в письме надежду, что «труд слабого искусства» его «перейдет в позднейшее потомство».

Предсказание Багратиона не сбылось, «труд слабого искусства... в позднейшее потомство» не перешел: никаких рисунков Багратиона пока не найдено, как не найдено и других документов, свидетельствующих о том, что он занимался рисованием. И тем не менее письмо Багратиона представляет большой интерес. Позднейшие историки часто изображают П. И. Багратиона как необразованного солдата, далекого от вопросов культуры и искусства. Действительно, образования в каком-либо учебном заведении Петр Иванович не получил. В этом его биография не отличалась от биографий большинства дворянских детей. Он пополнял свои знания в походах и боях. В 1899 году в одном из своих писем Аракчееву в Петербург Багратион обронил между прочим фразу о том, что он «худо воспитан».

Ермолов в своих записках говорил о Багратионе: «С самых молодых лет без наставников, совершенно без состоя-

ния князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одаренный от природы, он все военные понятия приобрел в опыте, но нередко его мнение было основательным».

Сохранилось не так уж мало документов, подписанных Багратионом. Меньше в нашем распоряжении документов, написанных Багратионом собственноручно. В основном они представляют собой приказы и донесения полководца. Среди писем, написанных им, большинство носят служебный характер.

В 1901 году ученый-астроном В. Энгельгардт, всю свою жизнь собиравший материалы о швейцарском походе Суворова, писал из Дрездена А. Петрушевскому — известному автору книг о великом полководце, что в одной из статей, опубликованной в 1876 году в Германии, имеется ссылка на «мемуары Багратиона». Энгельгардт энергично занялся их поисками. Но в феврале 1902 года он снова писал Петрушевскому: «На счет мемуаров Багратиона должно существовать недоразумение. Таких мемуаров никогда не существовало. Тут или ошибка в имени, или записки какого-либо третьего лица о Багратионе были приняты за записки самого Багратиона».

Но «мемуары Багратиона», на которые ссылались немецкие авторы, нашлись. Нашли их не за границей, а в России, в имении помещика Ломоносова, одного из потомков того самого подполковника Ломоносова, который командовал сводным гренадерским батальоном в авангарде Багратиона во время суворовских походов. «Мемуары Багратиона» оказались «Журналом авангарда его сиятельства господина и кавалера князя Багратиона исходящим по оному разным бумагам». Бумаги эти были донесениями и приказами Багратиона за период с 9 апреля по 28 сентября 1799 года. Подлинность рукописи была установлена в 1902 году специалистами из Академии наук и Генерального штаба. Ее передали в Суворовский музей,

и сегодня ее можно увидеть в экспозиции Государственного военно-исторического музея А. В. Суворова в Ленинграде.

Эти документы, написанные под диктовку Багратиона и собственноручно исправленные им, как и другие, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что Петр Иванович, как и многие его современники, не был в ладах с грамматикой своего времени.

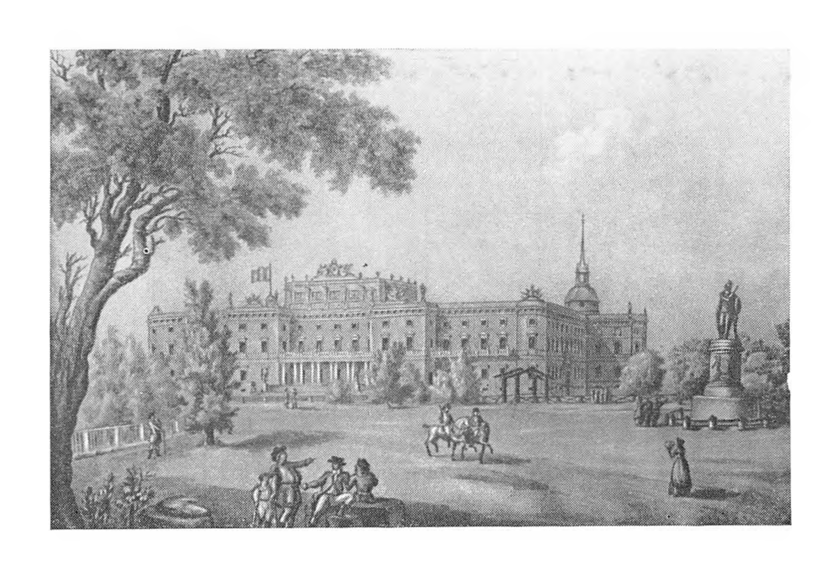
Но увлечение рисованием позволяет предположить известную разносторонность его интересов. Надо полагать, что рисовал он неплохо, иначе вряд ли он рискнул бы послать свои рисунки Марии Федоровне, которая слыла строгой ценительницей искусства.

В июне 1807 года царь поручил генералу Багратиону договориться с французами о перемирии. Перемирие было заключено, и в результате последовавших переговоров Александра I с Наполеоном 7 июля 1807 года в Тильзите был подписан мир.

В июле 1807 года, на другой день после возвращения императора в Петербург, в Казанском соборе состоялся торжественный молебен. Вечером жителям столицы было предписано устроить иллюминацию. Но, как отмечают современники, никогда еще не было иллюминации столь жалкой: редкие плошки скупо мерцали вдоль улиц, скорее подчеркивая горечь поражения, чем торжество заключенного мира.

Война была проиграна. Победительницей стала буржуазная Франция. Проигравшими оказались феодально-абсолютистские монархии Европы.

Это была победа буржуазной армии с ее талантливыми полководцами, поднявшимися на волне французской революции, и передовым по тому времени военным искусством.

Михайловский замок и памятник Суворову.

Акварель работы неизвестного художника. Начало XIX века.

П. И. Багратион.

Миниатюра работы неизвестного художника. Начало XIX века.

Екатерина Павловна Багратион.

Портрет работы В. Л. Боровиковского. Начало XIX века.

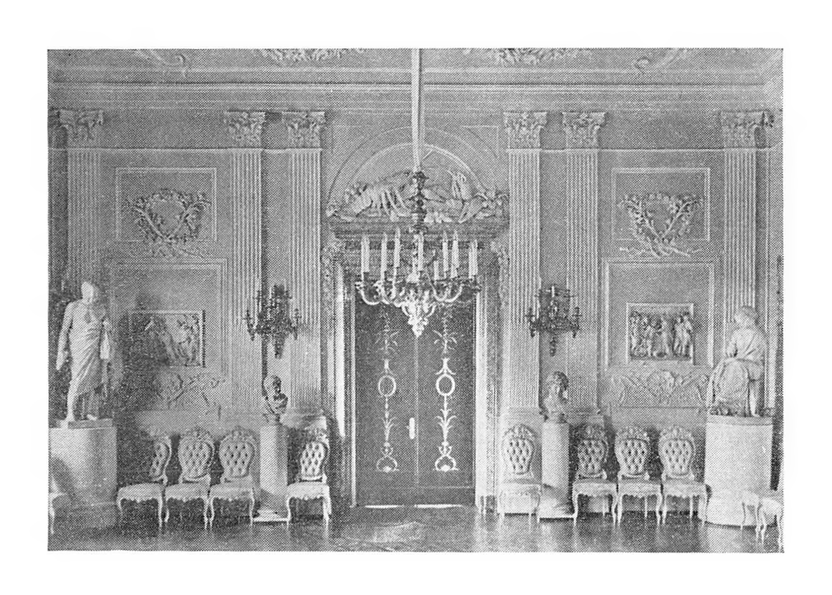

Катерина Васильевна Скавронская (Литта).

Гравюра с портрета Виже-Лебрен. Первая половина XIX века.

Гатчинский дворец.

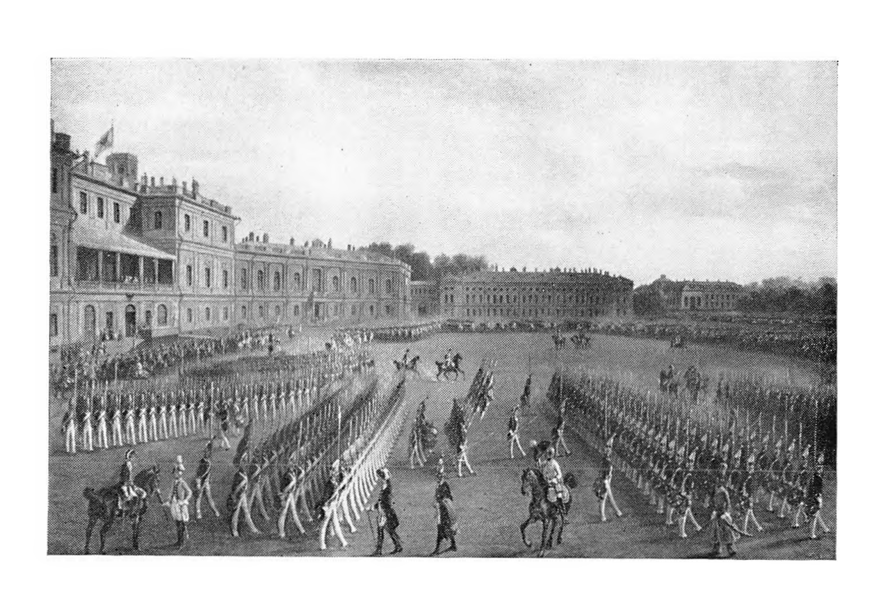
Гравюра И. Ухтомского по рисунку С. Ф. Щедрина. Конец XVIII века.

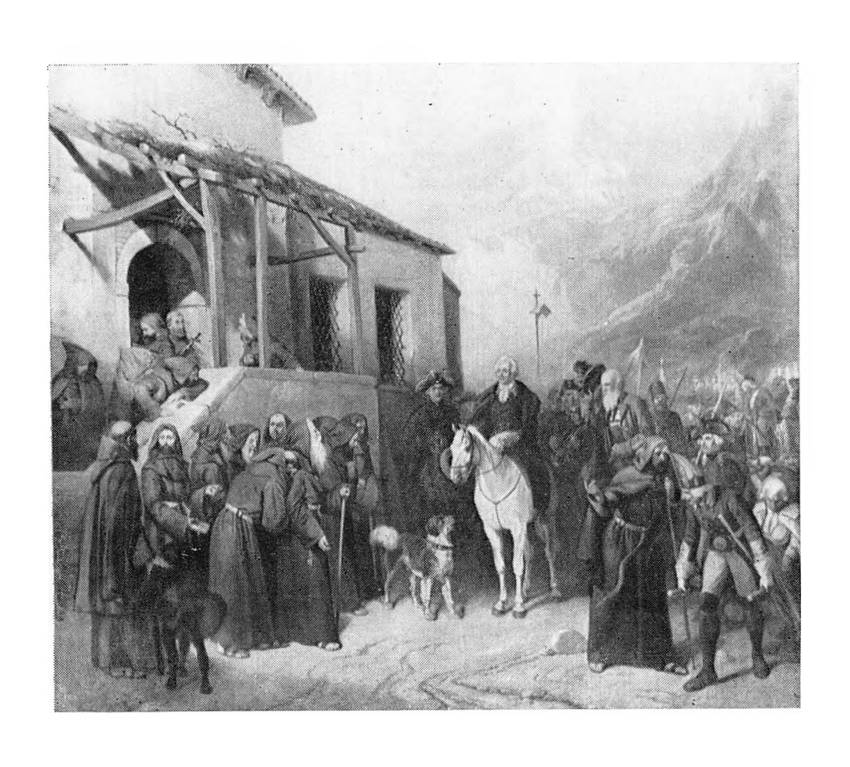
Белый зал в Гатчинском дворце.
Фотография. Начало XX века.

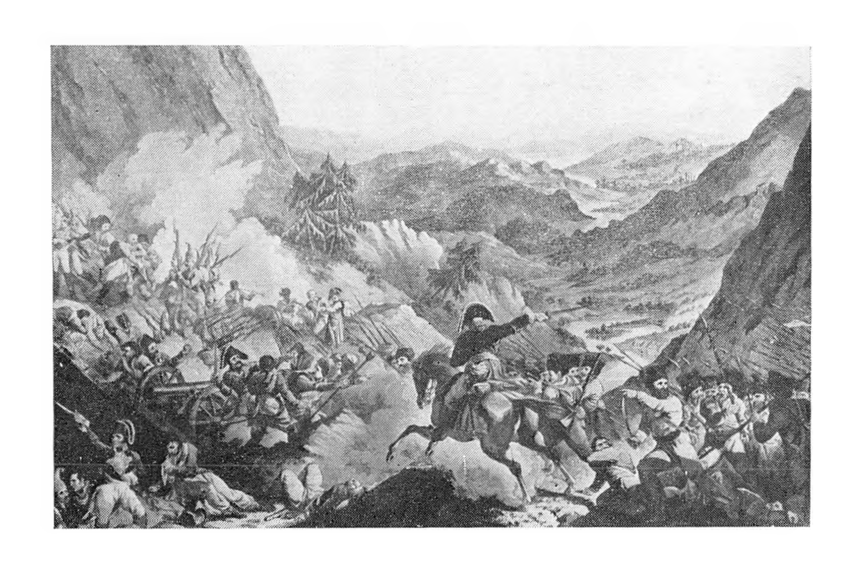
Чесменская (Золотая) галерея в Гатчинском дворце.
Фотография. Начало XX века.

Парад в Гатчине.
Картина И. Г. Шварца. 1845.

Суворов на Сен-Готарде. Справа — Багратион.
Картина П. И. Шарлеманя.

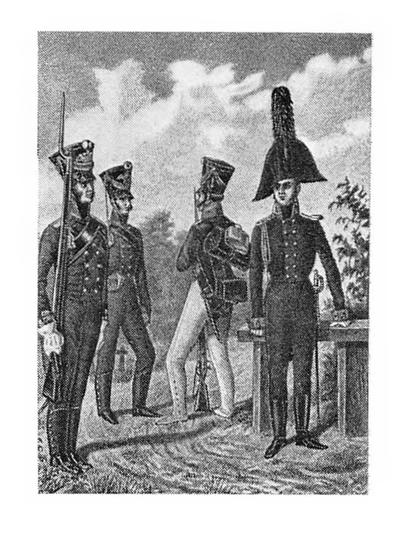

Багратион во главе казаков атакует французов во время швейцарского похода.

Гравюра И. Вандрамини по рисунку Портера. 1805.

Штаб-офицер, унтер-офицер и рядовые лейб-гвардии егерского полка. 1808—1809.

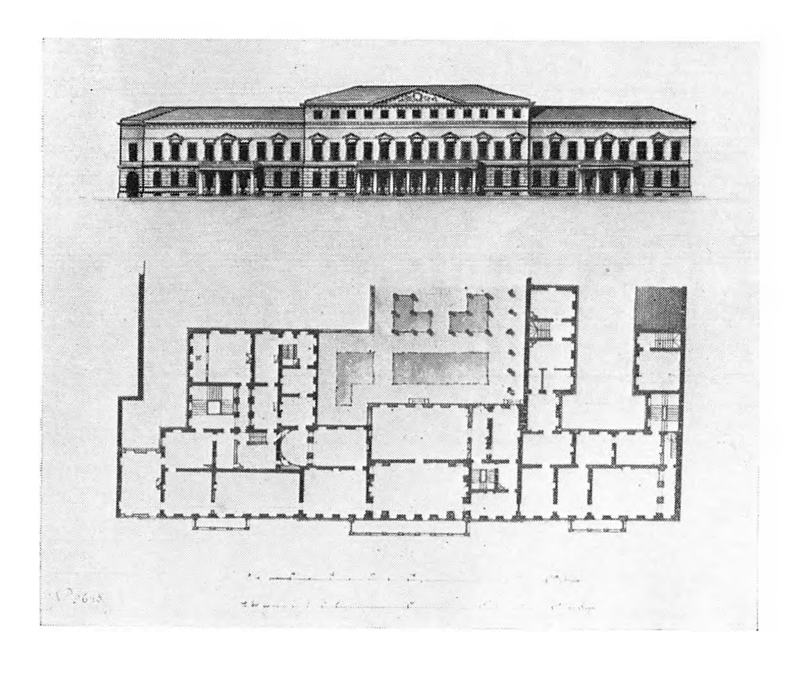
Литография Б. А. Чемерзина. XIX век.

Штаб-офицер, писарь и унтер-офицер лейб-гвардии егерского полка. 1802—1804.

Литография Б. А. Чемерзина. XIX век.

Дом княгини А. П. Гагариной на Дворцовой набережной.
Рисунок Д. Кваренги. XVIII век.

Современный вид бывшего дома Гагариной.
Фотография 1979.

Граф Ф. Э. Сен-При.
Портрет работы Д. Доу.

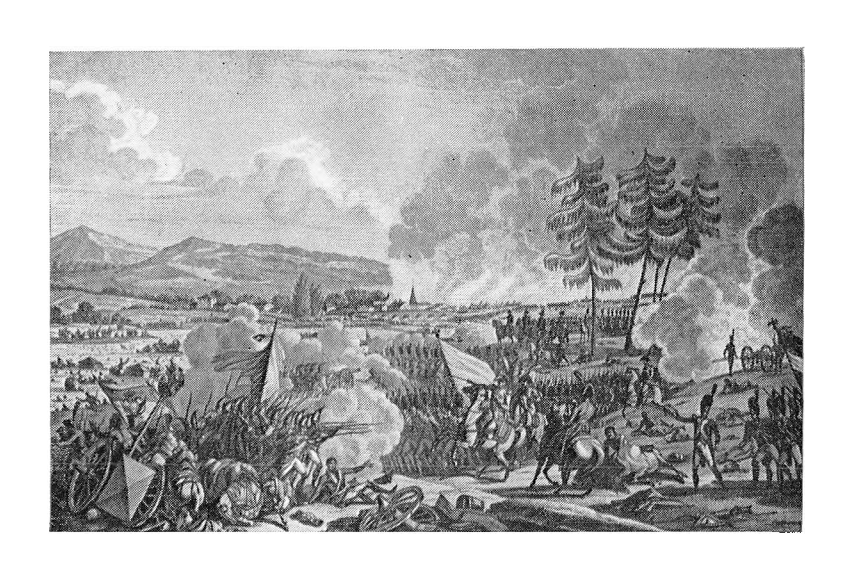
М. И. Кутузов.

Портрет работы Л. Сен-Обена. 1808—1813.

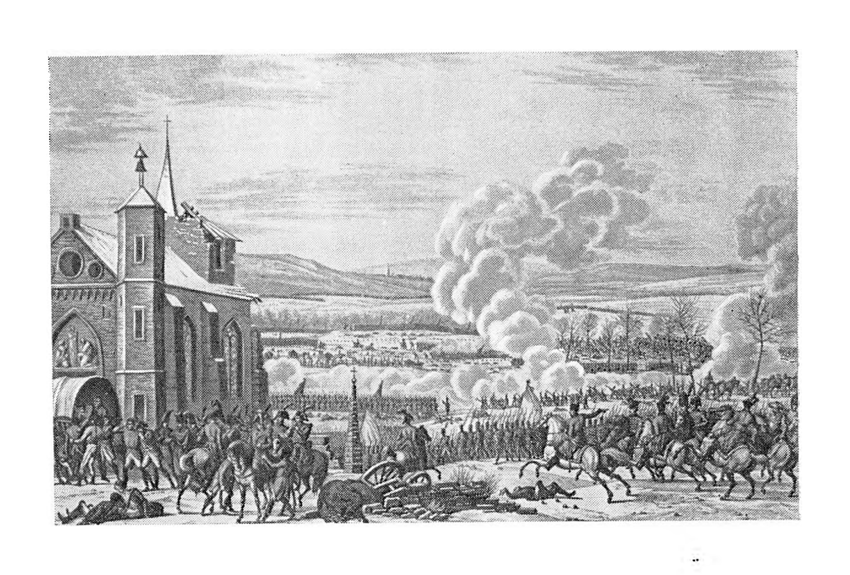
П. И. Багратион.

Акварель М. И. Гартинга. Начало XIX века.

Сражение под Прейсиш-Эйлау.

Гравюра Э. Бовине с картины Эвебаха. XIX век.

Сражение под Фридландом.
Гравюра Пижо с картины Эвебаха. XIX век

Генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен.

Портрет работы Л. Сен-Обена. 1808—1813

Великий князь Константин Павлович.

Карикатура В. И. Апраксина. 1810.

Но в русской армии наряду с Беннигсеном, Буксгевденом и им подобными были и талантливые отечественные полководцы. Это были Кутузов, Багратион и другие ученики и последователи Суворова. Их военное мастерство и личное мужество не могли вопреки руководству изменить положение, но деятельность их заложила основы исторической победы русской армии в 1812 году. На полях сражений эти полководцы продолжали следовать передовым традициям русского военного искусства, развивали их. Генерал Багратион показал замечательные образцы ведения авангардных и арьергардных боев и снова проявил личное мужество, презрение к смерти. Генерал А. П. Ермолов в своих записках говорил о Багратионе: «Войска арьергарда возвращены в дивизии, коим они принадлежали. Мы все, служившие под командой князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлениями искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал им менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить не помнить о том подчиненных. Солдатами он был любим чрезвычайно».

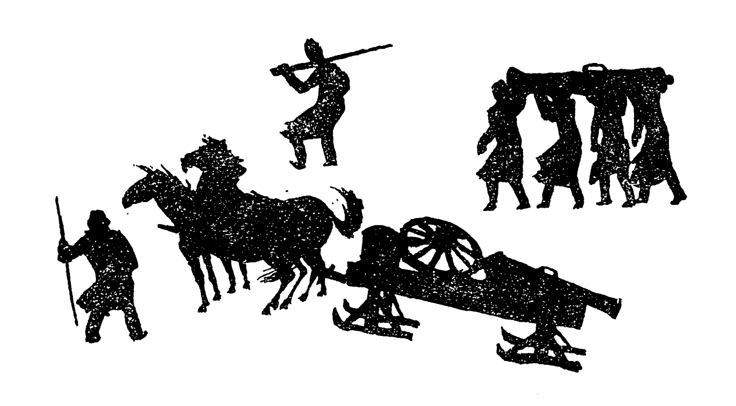
Лейб-гвардии егерский полк, вернувшийся из похода в июле 1807 года, был расквартирован в Гатчине, а в ноябре возвратился на свои зимние квартиры в Петербург. Багратион занимался приведением полка в порядок после похода: он заказывал седла для лошадей, различные предметы обмундирования и амуниции. Это было хлопотливым и нелегким делом. Централизованного снабжения в то время в русской армии не существовало, и шеф полка должен был сам искать подрядчиков для изготовления необходимого имущества, заключать с ними договоры и оплачивать выполненную работу. В сентябре 1807 года под руководством Багратиона лейб-гвардии егерский полк был вновь реорганизован: по новым штатам в состав

полка вводился еще один, третий батальон. В ноябре полк переобмундировали, новая форма его в отличие от старой формы прусского образца больше смахивала на французскую. Петр Иванович уделял много внимания строевым занятиям и боевому обучению своего полка.

Вторую половину 1807 года Багратион провел в столице и в пригородных резиденциях царской фамилии. В Петербурге он вновь поселился на Дворцовой набережной в доме Гагариной. Жена его по-прежнему жила в Вене. Попытки Петра Ивановича убедить ее вернуться домой оказались тщетными. Княгиня Багратион отклонила все просьбы мужа, ссылаясь на ухудшение своего здоровья. Не помогли и настойчивые обращения Петра Ивановича к русскому послу в Вене князю А. Б. Куракину с просьбой оказать содействие в возвращении Екатерины Павловны домой.

Летом и в начале осени 1807 года Багратион значительное время проводил в Павловске. Он затеял перестройку купленного им дома. Петр Иванович поручил работы ярославскому купцу Андрею Полевину, который взялся сделать их в долг. Для генерала это было немаловажным обстоятельством, ибо наличных денег у него не было.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД БАГРАТИОНА

В конце января 1808 года войскам дивизии, частью которой был лейб-гвардии егерский полк Багратиона, было приказано подготовиться к походу. Но сделать это было не так просто. В январе 1808 года, в связи с изменениями в форме, в ротах и батальонах пришлось открывать швальни и срочно шить мундиры, а затем и шинели.

Светло-зеленый цвет мундиров и панталон был заменен на темно-зеленый. Генералам и офицерам егерского гвардейского полка было повелено носить золотой эполет на левом плече, а нижним чинам — погоны из оранжевого сукна. Офицерам разрешили обходиться без кос и пудрить волосы лишь для больших парадов и выходов при царском дворе.

Багратион организовал проверку состояния оружия. Из имевшихся 366 штуцеров и 2118 ружей 45 штуцеров и 430 ружей оказались негодными и подлежали замене. Значительная часть неисправного оружия ремонтировалась в полку.

Много хлопот было и с подготовкой к выступлению обоза, в котором по штату полагалось иметь 34 повозки и 119 лошадей. Нужно было потратить немало сил и энергии, чтобы организовать приобретение и ремонт повозок различного назначения (для патронных ящиков, для хлеба, для полковой казны, для больных и т. д.), конской сбруи, седел, попон, удил железных, медных луженых котлов с крышками и другого оборудования и амуниции.

В январе 1808 года Багратион передал все эти хозяйственные заботы командиру полка графу Сен-При. В сопровождении адъютанта капитана А. П. Офросимова, подпоручика князя А. К. Багратиона (дальнего родственника Петра Ивановича) и аудитора Тверитинова (аудитор — должностное лицо военного суда, на которого часто возлагалось выполнение различных административно-хозяйственных заданий), он выехал к театру военных действий против шведов.

Багратион оставил столицу, переполненную слухами и недовольством. Среди значительной части петербургской знати, недовольной сближением с французами, война не пользовалась популярностью. Говорили, что война больше всего выгодна Наполеону. В этом была большая доля правды: Наполеон был заинтересован в войне России со Швецией, надеясь, что война свяжет Россию и перессорит ее с соседями. Но была и другая точка зрения — отмечали, что война эта решала очень важные для России проблемы: обеспечивала безопасность Петербурга и контроль над важным в стратегическом отношении Финским заливом.

Неудачи русского оружия в войнах 1805—1807 годов

не прошли бесследно. Сильно пострадал престиж Александра I и его ближайших советников. Условия Тильзитского мира вызывали серьезное недовольство среди дворянства и купечества. Все чаще в военных и политических неудачах последних лет обвиняли самого царя.

В столице ходили слухи о возможности нового дворцового переворота. В феврале 1808 года французский посол Коленкур писал на родину: «Все жалуются, но никто не недоволен настолько, чтобы нужно было бояться катастрофы. Воспоминание об императоре Павле и страх перед великим князем (Константином Павловичем. — *Авт.)* охраняют жизнь императора лучше, нежели правила и честь русских вельмож и офицеров».

Как уже отмечалось, Александр умел лавировать и скрывать свои истинные намерения. Это нашло свое выражение и в том, что в 1808 году император одновременно приблизил к себе двух совершенно разных людей — М. М. Сперанского и А. А. Аракчеева.

Михаил Михайлович Сперанский был сыном сельского священника. Еще в конце XVIII века он служил скромным секретарем в канцелярии генерал-прокурора Сената. Благодаря своим редким способностям он привлек к себе внимание начальства, быстро пошел в гору и стал директором департамента в министерстве иностранных дел. Он отличился в редактировании законов, быстро и толково выполнял самые сложные задания. К концу 1808 года он был назначен министром юстиции и стал доверенным лицом царя.

Сперанский — представитель либерального дворянства — энергично трудился над проектами преобразований. Сперанский не посягал на устои феодальной монархии, он пытался лишь придать ей конституционный облик, сделать ее более устойчивой.

Граф А. А. Аракчеев был махровым реакционером, мрачная фигура его вызывала страх у современников. Он

признавал лишь деспотическую власть, сосредоточенную в одних руках, и всеми силами стремился к ее укреплению. Сохранилось несколько портретов Аракчеева, в том числе портрет кисти Д. Доу, написанный для Военной галереи Зимнего дворца. Несмотря на стремление художника придать внешности Аракчеева известную привлекательность, поражает неприятное выражение его лица, в котором нетрудно прочесть смесь жестокости и презрения.

Аракчеев производил отталкивающее впечатление: высокий и сутулый, с жилистой шеей, мясистыми ушами, впалыми щеками и нависающим над большим ртом широким носом. Тупой взгляд его серо-зеленоватых глаз гипнотизировал собеседника.

Аракчеев был жесток и безграмотен. В этих качествах он видел достоинства. Его лицемерие и честолюбие могли конкурировать лишь с его жестокостью. Он демонстративно отказывался от наград, но непременно снимал копии с грамот, присланных вместе с наградами. Аракчеев был организатором, отличался трудолюбием, исполнительностью и расчетливостью.

Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель писал об Аракчееве, что он «употреблял с пользой данную от природы суровость, давал преданности вид какой-то откровенности и казался бульдогом, который не смел никогда ласкаться к господину, всегда готов нападать и загрызть тех, кои бы воспротивились его воле; войдя раз в частные отношения с молодым императором, он лучше, чем отца его, успел его обольстить своей грубой мнимо-откровенной покорностью».

Александр I понимал, что в лице Аракчеева он имел помощника, способного жестоко пресекать любое вольнодумство.

Приблизив к себе Сперанского и Аракчеева, царь постепенно свел на нет все начинания первого и предоставил широкое поле деятельности второму. В январе 1808

года он назначил Аракчеева военным министром, уволив «за болезнью» С. К. Вязьмитинова. За этой перестановкой скрывались серьезные изменения в методах военного руководства в Российской империи. В армии установилось единовластие.

В старинном здании на Исаакиевской площади, где размещалось военное министерство, проводились многочисленные заседания и совещания, готовились приказы и распоряжения. В 1808 году начал работать комитет по составлению новых воинских уставов для пехоты, кавалерии и артиллерии. Уже в 1808—1809 годах в действовавший павловский устав полевой пехотной службы были внесены некоторые изменения. В 1809 году в военном министерстве обсуждался вопрос об улучшении общего образования офицеров и был разработан план организации офицерских школ в войсках и крупных штабах. В 1808 году в Петербурге начал выходить «Артиллерийский журнал», в 1810 году — «Военный вестник». В военном министерстве был подготовлен указ, по которому с 1808 года устанавливалась система подготовки резервов через рекрутские депо (центры сбора рекрутов).

Эти и подобные им меры носили прогрессивный характер и сыграли впоследствии положительную роль в ходе войны 1812 года. Но они совмещались со старыми гатчинскими представлениями, от которых не могли отказаться ни Александр I, ни Аракчеев, ни генералы из их ближайшего окружения. В Воинском уставе о пехотной службе, изданном в 1811 году, наряду с новыми положениями по боевой подготовке войск, основанными на опыте прошедших войн, сохранилась характерная для прусской военной школы приверженность к сложным построениям и муштровке. Главным местом для обучения войск по-прежнему считался строевой плац.

Особое внимание уделялось укреплению воинской дисциплины в армии, которая, как казалось Александру I,

была в значительной мере подорвана в результате неудачных войн 1805—1807 годов. В одном из указов 1808 года император подчеркивал, что «строгая дисциплина есть душа военной службы, что малейшее послабление начальника есть первое начало расстройства в целом».

Аракчеев был убежден, что для укрепления дисциплины существует только один путь: жесточайшая муштра и требовательность, наводящая страх на подчиненных.

Багратиону была глубоко чужда аракчеевщина. Основой его военной деятельности было глубокое уважение к человеку — к солдатам и офицерам.

Сохранилась переписка Багратиона с Аракчеевым. Ценность ее в том, что в ряде писем Багратион излагает свои взгляды по отдельным проблемам военного искусства, дает характеристики лицам, окружавшим его.

В важном и ответственном деле реорганизации русской армии после войн 1805—1807 годов Багратион и Аракчеев занимали полярно противоположные позиции. Аракчеев стремился ввести назревшие изменения в рамки гатчинско-прусских взглядов и требований, а Багратион на полях сражений со Швецией, а затем и с Турцией своим боевым опытом утверждал прогрессивное русское военное искусство, продолжая развивать суворовские традиции.

С первых же дней войны со Швецией генерал Багратион был в рядах действующей армии. В ночь на 9 февраля 1808 года русские войска, состоявшие из трех дивизий под общим командованием генерала Буксгевдена, начали наступление против шведов. Наступление велось на трех направлениях. В центре наступала 21-я дивизия под командованием Багратиона. Стояла суровая северная зима. Мороз перехватывал дыхание, свирепствовали февральские снежные метели. Часто войскам приходилось наступать по бездорожью, преодолевая глубокие снежные сугробы и лесные завалы.

В таких сложных условиях руководить боями Багратиону еще не приходилось. К тому же он впервые командовал не сводным отрядом, как это было в прошлом, а дивизией, единым воинским соединением. Багратиону помогла суровая выучка прошлых сражений и особенно альпийского похода, совершенного под руководством Суворова. Наступление дивизии Багратиона развивалось успешно — 1 марта был занят Таммерфорс, а к 6 марта дивизия выполнила свою задачу, выйдя на побережье Ботнического залива. Дивизия показала редкую для того времени быстроту наступления, пройдя двести километров за восемь дней.

Генерал Багратион стремился уничтожить живую силу противника и был намерен продолжить преследование отступающих шведов. Главнокомандующий Финляндской армии генерал от инфантерии Буксгевден в соответствии с требованиями прусской военной доктрины считал, что главной целью военных действий является захват вражеской территории и крепостей. На полях сражений, как и в Петербурге, шла борьба старого с новым. По вине Буксгевдена, запретившего Багратиону преследование отступающего противника, основная группировка шведов сумела, уцелев, отойти к Улеоборгу.

Учитывая непопулярность войны со Швецией, царь не спешил объявлять в Петербурге о начале военных действий. В столице о войне официально сообщили лишь во второй половине марта, когда определились успехи русской армии. В газетах было опубликовано сообщение: «От военного министра о действиях Финляндской армии под главным начальством генерала от инфантерии Буксгевдена».

Жители Петербурга извещались о том, что «Стокгольмский двор отказался соединиться с Россией и Данией, дабы закрыть Балтийское море Англии до совершения морского мира». В сообщении указывалось, что, исто-

щив способы убеждения, русские перешли границу и вели успешные бои. И только через десять дней после сообщения об успехах русской армии был объявлен манифест о войне со Швецией. В манифесте вновь были названы те же самые причины войны, которые указывались в сообщении военного министра. «Явная преклонность короля шведского к державе нам неприязной,— говорилось в манифесте,— новый союз с ней и, наконец, насильственный и неимоверный поступок с посланником нашим в Стокгольме учиненный... сделали войну неизбежной»...

Имелось в виду, что шведский король, узнав о начале военных действий, в нарушение всяких дипломатических правил, приказал арестовать русского посланника в Стокгольме Алопеуса, а вместе с ним и русского консула.

Имя генерала Багратиона часто упоминалось на страницах петербургских газет в сообщениях об успехах русских войск. Правда, с апреля по сентябрь 1808 года в связи с болезнью Багратион уезжал из действующей армии, но, вернувшись, снова оказался в гуще военных событий.

Багратиона назначили командующим войсками, оборонявшими западное побережье Финляндии. Он обеспечил отражение двух попыток противника высадить десант у Або. Как сообщалось в журнале боевых действий, публиковавшемся в прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям», во второй половине сентября сводный отряд под руководством Багратиона «атаковал неприятеля, разбил его совершенно, гнал двадцать верст и, несмотря на сожженное селение Холзин и другие строения, не оставлял поражать неприятеля до самых судов...». На этот раз шведский десант был представлен отборными войсками — королевской гвардией. Сам Густав-Адольф, наблюдавший с борта своей яхты за высадкой гвардейцев, был очевидцем их позорного бегства. Вынужденный вместе с ними бежать на Аланды, король в гневе лишил гвардию знамен и различных привилегий, которыми она пользовалась.

Однако успехи русских войск в целом оказались значительно скромнее, чем предполагали в Петербурге. Война затягивалась. Александр I сменил главнокомандующего армии, поставив вместо генерала Буксгевдена генерала Б. Ф. Кнорринга. Оба они не блистали военными талантами, зато имели влиятельных сторонников в придворных кругах. Но кроме сторонников у них были и противники. Недруги Буксгевдена взяли в придворных интригах верх. Среди его врагов оказался всесильный Аракчеев. Активно участвовал в интригах против Буксгевдена и Кнорринг, который на поле боя отличался пассивностью, граничащей с трусостью.

Кнорринг был педантичным пруссаком, воспитанником того самого графа Миниха, который «завоевал» звание русского генерал-фельдмаршала при дворе Анны Иоанновны и был одним из первых военных деятелей, пытавшихся перестроить русскую армию на прусский манер. Во время войны с Финляндией в царствование Екатерины II Кнорринг был генерал-квартирмейстером русской армии. В военном министерстве он издавна почитался специалистом по финским делам. Это обстоятельство и сыграло решающую роль при назначении его главнокомандующим вместо Буксгевдена.

Новому главнокомандующему был предложен в Петербурге план решительного наступления на шведов. Главный удар предполагалось нанести через Аландские острова на Стокгольм. С этой целью в армии были созданы три корпуса, командовать которыми было поручено генералам П. И. Багратиону, П. И. Шувалову и М. Б. Барклаю де Толли.

План был рискованным: необходимо было в тяжелых условиях преодолеть ледяное пространство Ботнического залива. Обстановка осложнялась недостаточной прочностью льда и сильными ветрами, вызывавшими снежную пургу. Под воздействием постоянных юго-западных

ветров лед в эту зиму взламывался несколько раз. Февральские метели заметали снегом трещины и полыньи.

Против операции, заявляя о невозможности выполнить ее в таких сложных условиях, возражали почти все генералы, в том числе и Кнорринг. Выступали против плана и прибывшие из Петербурга командиры корпусов. Барклай де Толли заявил, что войска не обеспечены необходимым продовольствием и боеприпасами и, для того чтобы сосредоточить их на выгодных рубежах, нужно не менее трех недель. Генерал П. И. Шувалов, поддерживая его, говорил, что наступать в таких условиях — значит погибнуть. И только Багратион не выдвинул никаких возражений и с характерной для него решительностью сказал старшему по службе: «Прикажете — пойдем!»

Багратион должен был нанести главный удар в этой рискованной операции. В кратчайший срок он провел самую тщательную подготовку предстоявшего похода. Легендарный ледовый поход семнадцатитысячного корпуса Багратиона через Ботнический залив вошел в летопись русской боевой славы.

Среди героев этого похода одно из первых мест принадлежит Якову Петровичу Кульневу, командовавшему авангардом у Багратиона. Яркая и своеобразная личность этого «чисто русского свойства воина», как называл Кульнева Денис Давыдов, является важной для характеристики той прогрессивной части офицерства, которая позволила русской армии выстоять против политики опруссачивания и сохранить суворовские традиции. Она была опорой Кутузова и Багратиона, продолжателей дела великого полководца. Жизнь Якова Кульнева была типичной для рядового русского офицера, не имевшего ни богатства, ни связей.

Выходец из бедной дворянской семьи, он окончил Кадетский корпус и своей карьерой был обязан самому себе. Благодаря своему старанию и способностям он не-

плохо освоил артиллерийскую науку и фортификацию, мог изрядно говорить по-французски и по-немецки, любил и хорошо знал историю. Этот гусар-историк в мирных условиях не мог рассчитывать на продвижение по службе и более десяти лет пробыл в чине майора, который он получил за отличия в боях в 1794 году, когда он воевал под командованием Суворова. Вновь приняв участие в войне 1807 года, он сразу же приобрел широкую известность своей храбростью и умелыми действиями. В битве при Фридланде вместе со своим полком он вырвался из окружения и получил за это чин полковника.

Настоящая боевая слава пришла к Кульневу в войне со Швецией. Он отличился в боях на севере Финляндии, где захватил в плен начальника штаба шведской армии генерал-адъютанта графа Левенгельма. Удивительные храбрость и мужество командира сочетались в нем с редкой скромностью и рыцарским благородством. Его называли «беднейшим в мире генералом». Третью часть своего небольшого жалованья он отправлял матери, кроме того, оказывал материальную помощь другим своим родственникам. Он жил скромно: пища его была проста — любил щи и гречневую кашу, одежду носил из грубого солдатского сукна. Своеобразие и простоту обычаев Кульнева в боевых походах Денис Давыдов запечатлел в шутливых стихах:

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке ночевал
И в финском колпаке являлся среди боя.

Очень требовательный и строгий, когда речь шла о делах службы, Кульнев отличался отзывчивостью к людям. Он был внимателен к своим боевым друзьям, постоянно заботился о солдатах, хорошо знал их быт и нужды. Рыцарское отношение Кульнева к пленным сделало популярным его имя среди финнов, шведов и французов.

Денис Давыдов в своих записках о Кульневе отмечал, что он был замечателен «по коренным чувствам русским и по истинно русскому образу мыслей». Давыдов видел «истинно русское» у Кульнева в том, что его поступками всегда руководил не «страх законов», а «страх собственной совести». Преданность Отечеству, рыцарское отношение к людям у Кульнева «почитались делом естественным и обыкновенным».

Путь корпусу Багратиона во время ледового похода через Ботнический залив пролагал авангард Кульнева, преодолевая глубокий снег и трещины на льду, под пронзительным ветром, при пятнадцатиградусном морозе. Перед походом Кульнев обратился к солдатам с кратким приказом, написанным в суворовском духе: «С нами бог! Я перед вами. Князь Багратион за нами!» Корпус Багратиона в начале марта 1809 года полностью очистил Аландский архипелаг, а отряд Кульнева вышел к берегам Швеции, овладев городом Гроссельгам. Кульнев доносил Багратиону: «Благодарение богу — честь и слава Российского воинства на берегах Швеции».

Победы русских войск торжественно отмечались в Петербурге, о них много писали в столичных газетах. В марте 1809 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что генерал-лейтенант князь Багратион «за оказанные отличия во всю кампанию» производится в генералы от инфантерии.

Как уже было сказано, в апреле 1808 года Петр Иванович заболел и вынужден был уехать из действующей армии для лечения на кавказские воды. Багратион, по словам лечившего его врача Я. И. Говорова, не отличался железным здоровьем. «Трудности долговременной службы и разных походов» разрушали его здоровье. Сказывались и последствия ранений, полученных генералом в многочисленных боях. За свою боевую службу он был ранен четырежды, но всегда оставался в строю, ограни-

чиваясь перевязкой на поле боя. Впоследствии эти ранения все чаще напоминали о себе.

В Петербурге Багратиона ожидал поверенный в делах жены В. Ф. Боголюбов, приехавший из Вены и по ее поручению занимавшийся приведением в порядок запутанных финансовых дел.

Боголюбов неоднократно навещал графиню Катерину Васильевну Литта. Он красочно описывал трудности и несчастия княгини Багратион, убеждая мать уплатить долги дочери, расточительно жившей за границей. Виновником всех бед и несчастий Екатерины Павловны в кругу ее родных считали Петра Ивановича, и графиня Литта заявила, что по делам дочери она не будет «иметь никакого дела с князем Багратионом».

В письме в Вену к А. Б. Куракину Боголюбов сообщал в апреле 1808 года: «Для предупреждения же впредь недостатка в деньгах, графиня Катерина Васильевна решилась не отдавать пенсиона, ею платимого, в руки Петра Ивановича. Впрочем, князю Багратиону сего нового пожертвования можно теперь сделать: ибо, получа позволение ехать к Кавказским водам, он получил при сем случае пятнадцать тысяч рублей на дорогу и аренду восемнадцать тысяч рублей. Я знаю от князя Салагова (доверенное лицо П. И. Багратиона.— *Авт.)*, что он намерен прежде своего отъезда к водам остановиться на некоторое время здесь, и я воспользуюсь сим случаем, чтобы с ним лично обо всем переговорить и вместе с ним до отъезда в Вену все на месте положить. Сюды же ждут его из Финляндской армии через неделю, следовательно, я успею с ним сам сие дело кончить».

Арендные деньги, о которых писал Боголюбов, были пожалованы Багратиону специальным императорским рескриптом, опубликованным в «Санкт-Петербургских ведомостях» за неделю до приезда Петра Ивановича в Петербург.

В рескрипте говорилось: «Усердие ваше и ревность к славе отечества, коими вы всегда одушевляетесь, явили ныне вновь опыты военного искусства при покорении Российскому престолу шведской Финляндии и поставляют меня в приятнейшую обязанность изъявить через сие совершенную мою признательность, в ознаменование коей и отличных подвигов ваших повелел я государственному казначею назначить вам аренду, твердо уповая, что, восстановив расстроенное здоровье ваше, посвятите оное паки на служение мне и отечеству и доставите новые и приятные случаи к изъяснению вам благоволения моего, с коим и ныне пребываю благосклонный Александр».

Но благосклонность эта была показной. Публикация рескрипта в значительной мере преследовала ту же цель, что и публикация в Петербурге журнала боевых действий в Финляндии, в котором населению сообщалось о героизме и победах русских войск.

Арендную плату в размере девяти тысяч рублей серебром в год Багратиону выдавали за пожалованные три деревни в Гродненской и Виленской губерниях. Во владение этими деревнями Багратион мог вступить только после смерти их владельцев.

Петр Иванович приехал в Петербург в конце апреля, когда в столице праздновали взятие русскими войсками шведской крепости Свеаборг и завоевание Финляндии. Победу отмечали торжественным молебном и пушечной стрельбой. На Петровской площади перед монументом Петру I состоялся парад войск столичного гарнизона. С наступлением весенних сумерек город был иллюминирован.

Петр Иванович поселился на Мойке, в доме 160. Этот дом находился между Большой Морской (ныне улица Герцена) и Почтамтской (ныне улица Связи) улицами и выходил фасадом на Конногвардейский переулок. В доме

было двадцать четыре комнаты, часть из них хозяин дома статский советник Адоевский сдавал внаем.

Багратион пробыл в Петербурге несколько дней, пытаясь уладить свои семейные и финансовые дела. Ему пришлось нанести визит теще — по второму мужу графине Литта, вступить в неприятные переговоры с Боголюбовым. У Петра Ивановича появилась мысль провести свой отпуск вместе с женой за границей и еще раз попытаться наладить семейную жизнь. Эта мысль встретила резкое противодействие Боголюбова и тещи.

В столичных гостиных продолжали злословить о семейных делах Багратиона. За спиной генерала с удовольствием толковали о легкомысленном образе жизни его жены, а при встрече с ним лицемерно выражали сочувствие в связи с безнадежной болезнью княгини, не позволяющей ей вернуться в Россию.

Петр Иванович сделал все, чтобы помочь Боголюбову уладить денежные затруднения княгини. Булгаков писал своему брату в Вену: «Боголюбов ее дела славно устроил. Деньги уже ей послали. Посоветуйте ей написать к мужу ласковое письмо».

Багратион уехал из Петербурга в начале мая. Вернулся он в столицу в первой половине июля и прожил здесь полтора месяца.

Командира егерского полка графа Сен-При в это время не было в Петербурге: он лечился от ран, полученных в войне 1807 года. Подразделения полка несли службу в разных местах и требовали к себе особого внимания. Один из батальонов находился в составе Финляндской армии и участвовал в войне со шведами. Два других батальона несли в Петербурге гарнизонную службу и поочередно выделяли роты для охраны царского дворца в Павловске.

Багратион обычно посвящал первую половину дня делам полка, вторую — званым вечерам, а иногда ужинам

в императорском дворце. По временам Петр Иванович уезжал на свою дачу в Павловск. Багратиону пришлось вновь войти в долги: он занял у купца П. С. Зеленского пять с половиной тысяч рублей. В конце августа Петр Иванович выехал из столицы в действующую армию.

Один из главных героев войны со шведами генерал Багратион в апреле 1809 года за несколько месяцев до ее победоносного завершения был отозван из армии в Петербург.

Беспримерный поход корпуса Багратиона по льду Ботнического залива принес ему новую славу. «Санкт-Петербургские ведомости» писали о занятии Аландских островов: «Сей опыт снова доказал, что обыкновенные препятствия для предприимчивости, храбрости и решительности российских войск не существуют».

В первых числах мая 1809 года Багратион прибыл в столицу. 12 мая в камер-фурьерском журнале было отмечено, что в этот день в Зимнем дворце «собрались обыкновенно приглашаемые к императорскому обеденному столу знатные придворные обоего пола, в числе оных возвратившийся недавно из Финляндской армии генерал-лейтенант лейб-гвардии егерского полка шеф князь П. Багратион...».

В начале июня в Зимнем дворце состоялась официальная церемония поздравления Багратиона с присвоением ему звания генерала от инфантерии («полного» генерала). Летом 1809 года Петр Иванович, так же как и в 1807 году, был одним из самых известных людей в столице. Его часто приглашали в Зимний и Каменноостровский дворцы, в Павловск и в Царское Село. В его честь писались стихи. Слава Багратиона была в зените.

И в то же время Петра Ивановича держали в стороне от дел, связанных с переустройством армии. Проекты разрабатывала комиссия по составлению военных уставов и уложений. Возглавлял ее гражданский человек, один из

близких к Сперанскому людей, действительный статский советник Михаил Леонтьевич Магницкий. Тот Магницкий, который при ревизии Казанского университета предложил университет закрыть, а здание его уничтожить...

Генерала Багратиона предпочитали приглашать в гостиные. Со своими суворовскими взглядами на военное дело он не устраивал придворный генералитет. Зато как герой многочисленных сражений, он был своеобразным символом героических традиций русской армии, и в этом качестве использовался для поддержания военно-патриотических чувств и настроений.

Петру Ивановичу Багратиону в то время было сорок три года. С выразительным восточным лицом, стройный и подтянутый, в темно-зеленом генеральском мундире с красным воротником, богато украшенным золотым шитьем, в белых лосинах и высоких сапогах со шпорами, он производил на окружающих сильное впечатление. Среди его поклонниц была сестра царя восемнадцатилетняя Екатерина Павловна.

Екатерина Павловна была умна, имела влияние на Александра I, держала себя независимо от матери — властной Марии Федоровны. В Австрию был послан князь Куракин с поручением устроить брак Екатерины Павловны с императором Францем.

В письмах оттуда Куракин бил тревогу по поводу внимания, которое великая княжна оказывала Багратиону. Он сообщал императрице Марии Федоровне в письме, более похожем на донос: «Умоляю Ваше Величество выразить от меня ее Высочеству великой княжне Екатерине мое крайнее огорчение о том, что она до сих пор не почтила меня ни одной строчкой, между тем как Багратион получил от нее, как он мне сам говорил, уже три письма».

Брак Екатерины Павловны с австрийским императором не состоялся. Она была выдана за своего двоюродного

брата принца Ольденбургского, младшего сына незначительного немецкого князя, состоявшего на русской службе в чине генерал-майора. Александр I назначил его генерал-губернатором Новгородской, Тверской и Ярославской губерний и главным директором водных коммуникаций, определив сестре и ее мужу резиденцию в Твери.

Вновь появившийся в столичных гостиных Багратион опять привлек внимание Екатерины Павловны. Лишенный семейного тепла, не склонный по натуре к одиночеству, Багратион не остался равнодушным.

Во второй половине мая 1809 года Петр Иванович переехал на свою дачу в Павловск и вновь приступил к исполнению обязанностей коменданта этой царской резиденции. Боевой генерал снова занимался разводами караулов. В Павловске пестрой и веселой чередой тянулись сельские праздники и прогулки, концерты и балы, театрализованные представления и импровизации. Вечерами на площадке перед дворцом играл военный оркестр. В воскресные дни императрица устраивала торжественные обеды. Непременной участницей всех увеселений была Екатерина Павловна, которая вместе с мужем проводила лето у матери. Она продолжала оказывать внимание Багратиону, как и два года тому назад. Это вызвало неудовольствие в царской семье.

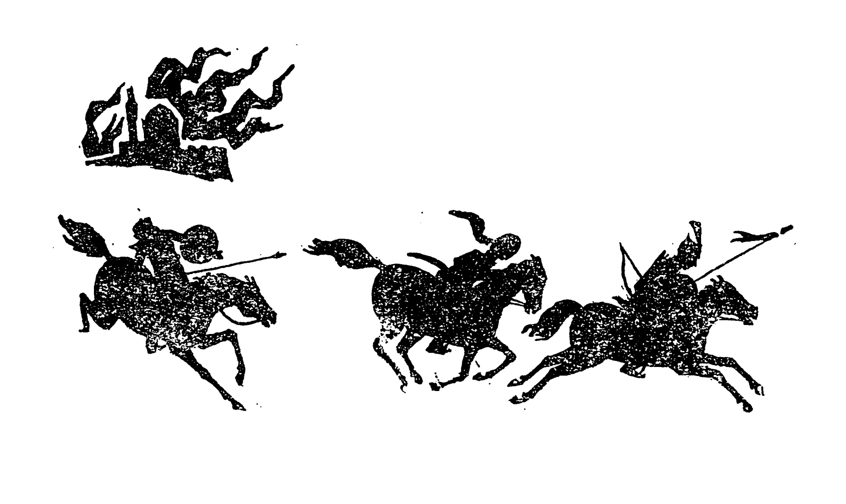
13 июля 1809 года Петр Иванович получил императорский указ: «Признавая нужным нахождение ваше в Молдавской армии, повелеваю вам по получении сего отправиться к оной и явиться там к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу князю Прозоровскому, от коего и имеете ожидать дальнейшего вам назначения». Утверждали, что назначение генерала Багратиона в Молдавскую армию в значительной мере было вызвано желанием императрицы Елизаветы Алексеевны удалить Багратиона из Петербурга. Но, очевидно, это была не единственная причина назначения.

В июле 1809 года перед отъездом Петра Ивановича из Петербурга на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось следующее объявление: «Действительный тайный советник, министр внутренних дел князь Куракин объявляет, что генерал-лейтенантша княгиня Екатерина Павловна Багратион, урожденная графиня Скавронская, по случаю пребывания ее вне государства, предоставила ему управление и распоряжение всем ее имением и всеми делами, по поводу чего все прежде данные от нее на управление доверенности уничтожила, по сему все те, кои имеют какие-либо требования или дела по имению ее, княгини Багратион, ровно и те, которым она состоит должною, благоволят относиться к нему, князю Куракину, от последней публикации в продолжении времени к явке законом постановленного».

Публикация такого заявления была оскорбительна для Багратиона и говорила о полном разрыве отношений со стороны жены.

Петр Иванович покинул Петербург, отправляясь к новому месту службы.

„...НЕПРИЯТЕЛЕМ НЕ ПРЕНЕБРЕГАТЬ...“

25 июля 1809 года Багратион прибыл в Голац и представился главнокомандующему Молдавской армии Прозоровскому.

Еще в конце XVIII века русская армия, во главе которой находились замечательные полководцы П. А. Румянцев и А. В. Суворов, отвоевала у турок северное Причерноморье и прочно закрепилась там. В 1806 году началась новая русско-турецкая война за выход России к Черному морю. Эта война то затихала, то вспыхивала вновь. В 1806 году русские войска почти полностью освободили от господства турок славянские страны Молдавию и Валахию и вышли к Дунаю. В августе 1807 года было за-

ключено Слободзейское перемирие, но в марте 1809 года, получив поддержку от Англии и Австрии, турки возобновили военные действия.

Престарелый генерал-фельдмаршал Прозоровский страдал многочисленными болезнями и не был способен руководить военными действиями. В 1808 году в помощь ему был послан М. И. Кутузов. Но завистливый и ревнивый Прозоровский, не желавший ни с кем делить власть и желанную славу, добился в июле 1809 года устранения Кутузова.

Александр I своим рескриптом разрешил Прозоровскому передать Багратиону командование армией, но в то же время через Аракчеева разъяснил фельдмаршалу, что он может отправиться на лечение, сохранив за собой свой пост. И вновь чувство зависти оказалось сильнее разума — командование армией Прозоровский оставил за собой.

В связи с прибытием Багратиона Прозоровский издал приказ: «Я определяю его начальником главного корпуса армии и предписываю генерал-лейтенанту Эссену 3-му состоять в команде его, а ему, господину генералу от инфантерии князю Багратиону, находиться на гаупт-квартире в рассуждении старости моих лет, а теперь и слабости моего здоровья, от которых я движимого исполнения делать не в состоянии и могу употребить его в надобных случаях для осмотров и пр.».

9 августа 1809 года Прозоровский умер, и главнокомандующим Молдавской армии стал генерал Багратион, о чем он и донес рапортом в Петербург.

А в Петербурге обстановка по-прежнему оставалась напряженной. В столичных гостиных распространялись тревожные слухи. Говорили, что не сегодня-завтра начнется война с Наполеоном. Утверждали, что Наполеон готовит специальную армию для наступления на Петербург. Передавались «достоверные сведения» о крупном

поражении Молдавской армии и даже рассказывали о гибели Багратиона. Слухи рождались в обстановке серьезного недовольства значительной части населения политикой царского правительства.

Следствием Тильзитского мира были серьезные экономические и финансовые затруднения. Расстройство экономики Российской империи, и без того подорванной многочисленными войнами, не только усиливало бедственное положение народа, но и отрицательно сказывалось на интересах правящего класса.

Это вызвало серьезную озабоченность царя, и он пытался активно воздействовать на общественное мнение. В конце августа 1809 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было опубликовано официальное сообщение, в котором недвусмысленно предупреждались «праздные люди, распространявшие для собственных видов ложные слухи».

В конце 1809 года было принято решение издавать в Петербурге новую газету. В связи с этим император в октябре 1809 года писал военному министру Аракчееву: «Главнейшая цель сего издания есть та, чтоб, сообщая публике приличные обстоятельствам времени сведения, заслуживающие ее внимания, содержать всегда умы народные в том направлении, которое наиболее соответствует благонамеренным видам правительства». Это была «Новая петербургская газета», или «Северная пчела».

Главным содержанием официальных сообщений царь считал извещения «об одержанных российскими войсками победах». Распространение этих сведений в городе дополнялось энергичными мерами правительства по пресечению неблагоприятных для него «слухов и небылиц». Недавнее аустерлицкое поражение и военные неудачи последних лет считались неподходящими темами для разговоров. Борьба с «распространением в народе ложных и вредных

слухов по поводу военных событий» была вменена в обязанность Комитета охранения общей безопасности, созданного в 1807 году.

Багратион, приняв командование Молдавской армией, нашел все дела в крайне запутанном положении. Тылы армии были в беспорядке, не хватало самого необходимого — обмундирования, фуража, продовольствия. Солдаты голодали, многие умерли от болезней. Ермолов в своих записках отмечал, что Прозоровский так бездарно вел дела, изнуряя войска, что «вскоре переселившись в вечность, отправил вперед себя армию не менее той, каковую после себя оставил».

Багратион не нашел у Прозоровского никаких планов ведения кампании. В одном из рапортов в Петербург в конце августа 1809 года генерал доносил: «Я старался отыскать общий план военных операций покойного главнокомандующего на нынешнюю кампанию, но в бумагах его я ничего не нашел. С самого моего прибытия к нему в Голацы нашел я его в крайней слабости. Он иногда сообщал мысли мне свои, но только частно по некоторым предметам и обстоятельствам, а никогда не говорил об общем плане для действующей армии».

Генерал-фельдмаршал Прозоровский, как генерал Буксгевден и многие другие генералы, преуспевавшие при царском дворе и пользовавшиеся доверием императора, был приверженцем прусской военной доктрины и окончательной своей целью считал осаду и захват турецких крепостей.

Генерал Багратион не разделял этих взглядов. Оказавшись на посту главнокомандующего Молдавской армии, Багратион считал своей главной задачей уничтожение турецкой армии. Но он понимал, что в Петербурге ждут от него незамедлительных побед. В одном из писем, отправленных Багратиону из Петербурга в первых числах августа, император подчеркивал: «...поспешный переход за

Дунай признан необходимым. Вам известно, сколь по настоящим обстоятельствам каждая минута драгоценна. Надеюсь получить от вас из-за Дуная донесение».

Багратион сделал все возможное, чтобы организовать наступление. Наступление на южном направлении ознаменовалось серией крупных успехов. 17 августа войска Багратиона взяли крепость Мачин, 22 августа — крепость Гирсов, 30 августа — крепость Кюстенжи. Затем войска Багратиона повернули к Рассевату, где находились главные силы турецкой армии. Марш к Рассевату, как доносил Петр Иванович в Петербург, проходил в условиях «безмерной жары», через непроходимые болота, горы и возвышенности, и ежедневно число больных увеличивалось на несколько сот человек. В начале сентября 1809 года под Рассеватом корпуса Платова и Милорадовича под личным руководством Багратиона разгромили турок, которые потеряли четыре тысячи убитыми, шестьсот пленными, семь пушек и три знамени. Потери русских составили тридцать человек убитыми и сто девять ранеными. 13 сентября перед русскими войсками капитулировала крепость Измаил, 21 ноября — крепость Браилов. Эти победы устранили угрозу нашествия турок на Валахию и облегчили положение Сербии.

Багратион в письмах к Аракчееву отмечал особенности войны с турками. Он подчеркивал отличие ее от войны «европейской». Генерал писал об исключительной роли широкого маневра в войне с турками, отмечая, что «азиатские атаки иногда простираются на сто верст». «Правила мои, — писал Петр Иванович, — не дремать никогда и неприятелем не препебрегать».

Трезво оценивая сложившуюся обстановку, Багратион понимал, что силы русской армии на исходе и необходимы срочные меры для приведения ее в порядок. С этой целью он предложил отвести войска на левый берег Дуная, чтобы подготовить их к наступлению и в 1810 году побе-

доносно завершить войну. В создавшейся обстановке этот план был единственно правильным.

Но в далеком Петербурге у императора и его военных советников была иная точка зрения. Ее изложили в императорском рескрипте, который был представлен в последний день октября 1809 года в Зимнем дворце на подпись Александру I. В рескрипте говорилось: «Но сколько происшествие само по себе радостно (имеются в виду победы, одержанные Багратионом. — *Авт.*), столько прискорбно мне вместе с тем получить известие о намерении вашем возвратиться за Дунай... весь плод предыдущих побед, все последствия сделанных на сей стороне усилий я считаю совершенно потерянными, как скоро переход сей совершится». Царь считал, что отход будет иметь непоправимые политико-моральные последствия, подорвет престиж России. Он запрещал Багратиону отводить войска за Дунай и требовал, чтобы были приняты все меры к удержанию занимаемой русской армией территории, если нет никакой возможности наступать и дать турецкому визирю генеральное сражение. В ответ на донесение о бедственном материальном положении войск Александр I предписывал: «Я уполномачиваю в случае необходимости уменьшить порции вполовину».

Но если в Петербурге больше всего заботились о престиже, то у Багратиона была своя точка зрения, основанная на реальной оценке сложившегося положения. Ее он отстаивал, не боясь царского гнева. Генерал отдавал себе отчет в том, что в сложившейся политической обстановке, когда назревала опасность нового вооруженного столкновения с Францией, войну с турками нужно было завершить скорее. Но для этого был один только путь — уничтожение главных сил турецкой армии. Он доносил в середине октября 1809 года в Петербург: «Нет никакой надежды к достижению мира в течение нынешней кампании, поелику она начата очень поздно, то есть с полови-

ны августа, и поелику сама природа совершенно возбороняет здесь зимнюю кампанию».

Надвигавшаяся зима осложнила и без того тяжелое положение Молдавской армии. Армия не имела фуража, а ударившие утренние заморозки уничтожили остатки необходимого для лошадей подножного корма. Немногочисленные продовольственные магазины — склады, имевшиеся в армии, были расположены покойным Прозоровским далеко от наступавших войск. Осенние дожди скоро размыли дороги Молдавии и Валахии и сделали невозможным регулярное снабжение войск.

В письме к Аракчееву в Петербург Багратион настойчиво объяснял: «Я рассуждаю, что в глазах не только турок, но и всей Европы прискорбнее для нас будет, лишась в продолжении зимы без всякого действия военного людей и лошадей».

Упорство и резонность доводов генерала заставили царя уступить. Он вынужден был разрешить отвод войск за Дунай.

Багратион начал деятельную подготовку к весенней кампании 1810 года. Он провел совещание корпусных командиров и на основе высказанных ими мнений разработал оригинальный план, предусматривавший одновременное наступление на трех направлениях с участием кораблей Черноморского флота.

Много времени уделял генерал материальной подготовке наступления, укрепляя тылы армии и добиваясь обеспечения ее всем необходимым. Для этого он не жалел ничего, в том числе и собственных денег. Еще в сентябре 1809 года из лагеря под Силистрией он писал в Петербург Аракчееву: «...цель была моя возбудить армию и сделать ее храброю. Я сам с ними ничего не жалею. Последнею копейкою моих верных пою и кормлю и даю им за отличия».

В том же сентябре 1809 года Петр Иванович вынужден был обратиться с другим письмом — к исполнявшему

обязанности государственного казначея Ф. А. Голубеву. Он просил выплатить ему вперед за два года причитавшиеся арендные деньги, мотивируя свою просьбу «крайней нуждой в деньгах и беспокойством», которое ему приходится терпеть от осаждающих его кредиторов. Багратион поручил получить эти деньги в Петербурге одному из близких ему людей — генерал-лейтенанту князю Семену Ивановичу Салагову. Генерал Салагов, происходивший из грузинских князей, с 1800 по 1812 год занимал в военном министерстве должность генерал-аудитора и был опытным юристом. В течение многих лет он был доверенным лицом Петра Ивановича Багратиона, помогал ему советами, брал иногда на хранение некоторые ценности и документы генерала во время его частых отъездов на театр военных действий. Просьба Багратиона о выдаче денег была удовлетворена. В ноябре 1809 года их получил по доверенности князь Салагов. Почти все они ушли на погашение срочных долгов.

В Молдавии Багратион проявил себя не только талантливым военачальником, но и государственным деятелем. Он правильно оценил сложную обстановку, которая была в тот период на Балканах. Сербский народ под руководством Кара-Георгия поднялся против турецких угнетателей. Багратион переписывался с Кара-Георгием, оказывал сербам помощь деньгами и советами. Он был другом братского болгарского народа. В одном из приказов по Молдавской армии Багратион предписывал оказывать болгарам «всевозможные ласки, дружбу и братскую любовь». Петр Иванович проявлял заботу о нуждах молдавского и валашского народов. С тем чтобы пресечь произвол валашских бояр, он назначил комиссию для расследования их злоупотреблений.

Реакционное боярство посылало в Петербург доносы на Багратиона. Бояре писали о беспорядках, царивших в Молдавской армии. Эти доносы падали на благодатную

почву. Александр I не мог простить Багратиону настойчивости в требованиях отвести армию за Дунай на зимние квартиры. Он больше верил приехавшему в столицу из Константинополя немцу барону Гюбушу, чем своему главнокомандующему. По словам Гюбуша, среди турок шли раздоры, и достаточно было небольшого удара со стороны русских, чтобы Турция капитулировала.

Недовольный действиями Багратиона, император послал в Молдавскую армию своего представителя князя В. С. Трубецкого, которому поручил расследовать поступавшие в Петербург жалобы на главнокомандующего. Среди противников Петра Ивановича оказались и его подчиненные генералы Ланжерон и Милорадович.

Граф Людвиг-Александр Ланжерон, французский эмигрант, поступивший на русскую службу еще при Павле I, командовал в Молдавской армии корпусом. Он был одним из виновников аустерлицкого поражения, его бездарные действия привели к полному разгрому войск, которыми он руководил в этой битве. Александр I требовал тогда, чтобы он подал в отставку. Тем не менее генерал Ланжерон ревниво относился к Багратиону, считая себя большим военным специалистом. Для Ланжерона было характерно высокомерное отношение к русским генералам, он считал, что всем лучшим русская армия обязана иностранцам.

Отношения Петра Ивановича с генералом Михаилом Андреевичем Милорадовичем были еще более сложными. Милорадович принадлежал к числу боевых генералов. Он отличался храбростью, был веселым и остроумным человеком. Как и Багратион, он участвовал в походах 1799 года, и великий Суворов отличал его. В одном из своих донесений из Италии в Петербург в мае 1799 года Суворов писал, что он должен отметить прежде всего Багратиона, как «достойного всяких степеней», а «за ним генерал-майора Милорадовича, подающего о его достоинствах вели-

кую надежду». Среди генералов, участвовавших в суворовском походе, единственным достойным соперником Багратиона, как считал А. А. Ермолов, был Милорадович. Но «великую надежду» Суворова Милорадович так и не оправдал. Пройдя через многие сражения, Милорадович остался только храбрым генералом. Полководца из него не получилось. Ермолов отзывался о Милорадовиче, как о боевом генерале, но называл его «невеждой туповатым в военном ремесле», который «все покрывал дерзостью».

В Молдавской армии Милорадович, как и Ланжерон, командовал корпусом. По представлению Багратиона за отличие в битве под Рассеватом ему было присвоено звание генерала от инфантерии, которое носил и сам Багратион. «Веселый» нрав Милорадовича приводил к серьезным осложнениям в отношениях русского командования с различными группировками валашских бояр, враждовавших между собой. В Бухаресте, где находился штаб Милорадовича, он устраивал пиры, завел роман с дочерью одного из знатных бояр. По воспоминаниям Ермолова, «редкий день не было праздника, который он делал сам и других заставлял делать для забавы своей любезной». Багратион в письмах в столицу отмечал, что Милорадович «был без ума от французских донкишотов», проживавших в Бухаресте, в то время как французский посол Леду явно проводил политику, направленную против русских. Поведение Милорадовича становилось серьезной помехой в деятельности Багратиона.

Приехавший для ревизии в Молдавскую армию князь В. С. Трубецкой доносил в Петербург: «Я имел честь изъявить Вашему Императорскому Величеству опасение, чтобы существующее согласие между князем Багратионом и генералом Милорадовичем не разрушилось. К сожалению, по прибытию моем сюда увидел я, что в опасении своем я не ошибся». Отношения между Багратионом и Милорадо-

вичем к концу 1809 года настолько обострились, что Трубецкой вынужден был отметить в очередном донесении в Петербург: «...дела ныне до такой степени дошли, государь, что князь Багратион желал бы, чтобы генерал Милорадович вызван был в Петербург». В январе 1810 года Милорадович был отозван из Молдавской армии и вскоре назначен киевским военным губернатором.

Но и положение Петра Ивановича было неустойчивым. В Петербурге недовольство Багратионом усиливалось все более. Суворовские методы руководства войсками, свойственные генералу, вызывали гнев императора. Он считал, что Багратион «несколько распустил войска», что он проявляет «излишнюю мягкость».

Завистники и недоброжелатели Петра Ивановича сеяли различные слухи о нем, причем распространяя их не только в Петербурге, но и в Москве. В конце января 1810 года директор московской почты Ф. П. Ключарев доносил в столицу министру полиции А. Д. Балашеву: «...не знаю, правда ли, но очень уверяют, что господину Кутузову поручается турецкая армия, а господин Багратион определяется военным губернатором в Каменец-Подольск. Живущие здесь генералы очень не доброхоты к последнему и не оставляют сообщать невыгодные о нем сведения».

В феврале 1810 года Багратиона отстранили от командования Молдавской армией. Его уволили в отпуск на два месяца. Главнокомандующим Молдавской армии назначили генерала Каменского, а план кампании 1810 года, разработанный Багратионом, похоронили в архивах царской канцелярии.

Отпуск Багратиона продлился значительно больше двух месяцев. Он приехал в Петербург в пасмурный, холодный декабрьский день 1810 года. Петр Иванович снял квартиру в доме 172 по Невскому проспекту. Дом принад-

лежал статскому советнику Д. Фаминцыну и находился недалеко от Литейного проспекта.

Жизнь Багратиона быстро вошла в колею столичных дел, служебных и личных. И если полковые дела не доставляли особого беспокойства, то финансовые дела вызывали у Петра Ивановича серьезные заботы. К его многочисленным долгам прибавился долг подрядчику — ярославскому купцу Андрею Пелевину, который перестраивал для него дачу. В декабре 1810 года генерал дал Андрею Павловичу доверенность следующего содержания: «Имею я в городе Павловске два собственные мои дома, состоящие близ Константиновского дворца, купленные мною, первый дом от кн. Алексея Борисовича Куракина и второй от кн. Михаила Петровича Голицына, которые имею намерение продать желающим, но необходимость моя по службе не позволяет сим заняться, то и прошу вас сию обязанность принять на себя и, ежели кого отыщете желающих, упомянутые дома с землею и всеми принадлежащими к оным службам за известную вам цену продать от имени своего, совершить купчую крепость, где следует расписаться и вырученные за оные дома деньги зачесть за имеющийся на мне долг или за число оных денег оставить за собой и самые домы». Дачу, вместе с имеющейся в ней мебелью, в июле 1811 года купила императрица Мария Федоровна за семь с половиной тысяч рублей, и архитектор А. Н. Воронихин перестроил ее. В чертежах и других документах она долго именовалась «бывшая дача Багратиона». В 1812 году у дома появилось другое наименование, вошедшее в историю русской архитектуры, — Розовый павильон. Внешний облик бывшей дачи Багратиона в основном был сохранен.

Розовый павильон был одним из немногих образцов деревянной русской классической архитектуры и представлял собою большую ценность. Он просуществовал до 1941 года. В годы Великой Отечественной войны фашист-

ские варвары уничтожили этот шедевр русской архитектуры, разобрав постройку на бревна для бункеров. В наши дни Розовый павильон, связанный с именами двух замечательных русских людей — Багратиона и Воронихина, восстанавливается.

Возвращением Багратиона к началу 1811 года в Петербург завершилась целая полоса его жизни.

Позади остались сражения 1808—1809 годов. Это был важный этап: Багратион впервые командовал крупными войсковыми соединениями и имел возможность проверить свои силы в самостоятельных военных операциях; он продолжал дело Суворова, совершенствуя русское воинское искусство и укрепляя тем самым боеспособность русской армии накануне новых суровых испытаний. Впереди был 1812 год.

„ВОЙНА КАЖЕТСЯ НЕИЗБЕЖНОЙ“

В Петербурге отдавали себе отчет в неизбежности новой войны с Наполеоном. Уже в 1810 году князь А. Б. Куракин, ставший к этому времени русским послом в Париже, доносил в столицу: «...не может оставаться сомнения, что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена».

Царское правительство с тревогой смотрело на дерзкие действия французского императора, стремившегося установить свое господство в Европе, а затем и во всем мире. Стремление Наполеона подчинить Россию интересам Франции, вызывало все возрастающее недовольство значительных слоев населения страны. Тильзитский мир

многими современниками воспринимался как национальное унижение. Экономические последствия его пагубно отражались на материальном положении народных масс, они затрагивали кровные интересы дворян — особенно крупных землевладельцев и купечества.

Антифранцузские взгляды становились преобладающими в петербургском обществе. Конечно, в Петербурге были еще сильны голоса, ратовавшие за союз с Францией и предостерегавшие против войны с Наполеоном. Противники войны с французами были даже в царской семье: против нее выступал великий князь Константин Павлович.

Но логика событий вела к разрыву с Францией. В конце 1810 года Александр I утвердил новый таможенный тариф, который создал благоприятные условия для вывоза сельскохозяйственной продукции и ограничил ввоз предметов роскоши. Этот тариф противоречил интересам французской буржуазии и еще более обострил русско-французские отношения. Летом 1811 года разногласия между Россией и Францией достигли особой остроты. В августе 1811 года Наполеон на одном из приемов в Париже в резкой форме публично сказал об этом русскому послу.

В Петербург все чаще доходили слухи о военных приготовлениях Бонапарта. Говорили, что Париж в последние месяцы 1811 года напоминал военный лагерь — во французской столице беспрерывно проводились смотры войск, отправляемых на Рейн. В Петербурге рассказывали, что Восточная Пруссия и Варшавское герцогство наводнены войсками французского императора.

Это соответствовало действительности: к концу 1811 года Наполеон под различными предлогами сосредоточил у западных границ Российской империи почти двухсоттысячную армию. В Восточной Пруссии и в Варшавском герцогстве во множестве создавались продоволь-

ственные магазины, артиллерийские склады, ремонтировались дороги, развертывались госпитали.

В конце декабря советник русского посольства в Париже граф Чернышев доносил в Петербург, что французская гвардия получила повеление быть готовой к выступлению в поход. Это подтверждалось и тем, что в императорской гвардии проверялись ружья, что обычно делали перед началом похода. Более сотни верховых лошадей Наполеона уже отправили в Кассель, а экипажи его были подготовлены в дорогу. Все свидетельствовало о том, что приготовления к вторжению в Россию шли к концу и, по мнению Чернышева, разрыв с Францией должен был наступить в ближайшее время.

В феврале 1812 года Наполеон заключил договор о союзе с прусским королем, а в начале марта такой же договор с Австрией. По этим договорам французский император получал в свое распоряжение прусские и австрийские войска.

С 1810 года и в России развернулись оборонительные работы на западных границах. В соответствии с планами военного министерства строились и укреплялись крепости, создавались запасы продовольствия, оружия и боеприпасов, со второй половины 1811 года проводились рекрутские наборы.

И тем не менее к нашествию полчищ Наполеона царская Россия оказалась неподготовленной. Сказалась слабость русской экономики, подорванной многочисленными войнами первого десятилетия XIX века и континентальной блокадой. Континентальная блокада была направлена против Англии — давнишнего торгового партнера России. По условиям Тильзитского мира Россия должна была принимать в ней участие. Но от прекращения ввоза английских промышленных товаров и вывоза русского сырья некоторые отрасли русской промышленности и земледелия значительно пострадали. Расстройство торговли привело

к подрыву финансовой системы страны. В августе 1811 года баварский посланник Де Брие доносил своему правительству из Петербурга, что «вследствие падения русских бумаг и больших потерь, понесенных русским купечеством в 1810 и в 1811 годах, дело дошло до того, что иностранные банкиры не принимали к уплате векселя первых торговых домов Петербурга и Риги».

Все это неблагоприятно отзывалось и на подготовке России к войне.

Но помимо объективных причин были и субъективные. Военное руководство России, в котором решающую роль играли сам император и его военные советники, такие, как генералы К. Фуль, Г. Штейн, Л. Вольцоген и им подобные, допустили серьезные просчеты в подготовке русской армии. Достаточно сказать, что ко времени вторжения французов в пределы России в Петербурге не было четкого плана ведения войны, а русская армия не имела главнокомандующего.

В канун войны русские войска были расположены так, что с началом военных действий попали в тяжелейшее положение, и потребовался месяц кровопролитных боев, чтобы объединить армии и исправить просчет петербургских стратегов.

Замечательный военачальник генерал Багратион значительную часть этого тревожного для России 1811 года находился не у дел.

Он жил в Петербурге, на Невском проспекте, в доме Фаминцына и бывал в свете. День его начинался с вахтпарада и заканчивался каким-нибудь визитом.

Делать визиты и принимать гостей обязывал Багратиона этикет. Петр Иванович принимал у себя дома со свойственной ему восточной щедростью. Это требовало больших денег. В мае 1811 года Багратион занял под расписку пятьсот червонцев золотом (около десяти тысяч рублей ассигнациями) у грузинского царевича Давида и

семь с половиной тысяч рублей под заемное письмо у генеральши Булатовой. В июне генерал взял девять тысяч взаймы у Энгельгардта.

В начале июня 1811 года Багратион через военного министра Барклая де Толли обратился к императору с просьбой уволить его в отпуск и выдать аванс в девять тысяч рублей в счет положенной ему арендной платы. Он писал Барклаю: «Мне чрезвычайно приятно будет на исходотайствование сих высокомонарших милостей быть обязанным Вашему Превосходительству чувствительнейшей благодарностью». С помощью военного министра Петру Ивановичу удалось добиться удовлетворения своей просьбы.

Получив отпуск, Багратион уехал в село Симы Владимирской губернии, в имение своих родственников и друзей Анны Александровны и Бориса Андреевича Голицыных. В Симах он рассчитывал пробыть лето, надеясь отдохнуть и поправить свое здоровье. Уезжая из Петербурга, генерал, конечно, не мог знать, что ему не суждено вернуться в этот город.

Долго отдыхать Петру Ивановичу не пришлось: в первой половине августа он получил императорский рескрипт о назначении его главнокомандующим Подольской армии. В этом назначении положительную роль сыграл Барклай де Толли.

Вопрос о военачальниках в канун Отечественной войны 1812 года был одним из самых важных, от решения его во многом зависел ее исход. Во главе французской армии стояли талантливые люди. Среди них были выходцы из третьего сословия — крестьян, лавочников и солдат, которым открыла дорогу революция. Своим положением они были обязаны своим дарованиям, а не знатному происхождению и придворным связям, как многие генералы русской армии. Сам Наполеон был крупнейшим полководцем, вокруг имени которого сложился ореол непобедимо-

сти. Его генералы имели громкие победы и огромный боевой опыт.

Среди русских военачальников также было много участников военных действий, но особую ценность представляли генералы, служившие под командованием Суворова. Среди командиров частей и соединений русской армии они составляли примерно четвертую часть.

Но Александр I и его придворные генералы, которым принадлежало военное руководство в канун Отечественной войны 1812 года, не понимали ценности полководческой школы Суворова. В этих условиях назначение Багратиона главнокомандующим армии становилось еще важнее для исхода надвигающихся событий.

...Петр Иванович выехал из имения Голицыных в Москву и, пробыв там несколько дней, не заезжая в Петербург, отправился в Житомир, где находилась Главная квартира Подольской армии.

В начале сентября Багратион сообщил в Петербург о вступлении в должность. С первых же дней пребывания в армии он энергично занялся инспектированием подчиненных ему полков и изучением будущего театра военных действий. В своих донесениях в столицу он дал высокую оценку подготовке проверенных им частей. В то же время генерал высказал серьезную озабоченность состоянием материального обеспечения армии. Он писал в донесении, что в «Волынской, Киевской и Подольской губерниях запасные и расходные магазины почти все чрезмерно рассеяны, а в ином месте хлеба сложены по корчмам и сараям, весьма подвержены опасности от огня». Большое беспокойство у Петра Ивановича вызывали настроения значительной части местных помещиков, имевших тесные связи с герцогством Варшавским и находившимися там французами.

В первые же дни и недели своего пребывания в армии Багратион занялся размещением и охраной продовольственных запасов, принимал меры по усилению пограничного режима на границах с Польшей. Деятельность Багратиона на посту главнокомандующего армии и донесения генерала в Петербург в предвоенные месяцы свидетельствовали о его стратегических способностях, позволивших ему разобраться в сложной обстановке и правильно определить особенности надвигавшейся войны.

Ознакомившись с положением дел на месте, Багратион наметил ряд мер для доведения своей армии «до наилучшей исправности». Отдавая себе отчет в том, что многое на месте не разрешимо, Петр Иванович попытался получить у императора дозволение выехать в Петербург. Через Барклая де Толли он обратился с просьбой о приезде в столицу зимой для личного объяснения в вопросах, «до армии касающихся». Но император запретил Багратиону ехать в Петербург, передав ему, что главнокомандующим в «нынешнее время нельзя от своих мест отлучаться». Багратион разработал план предстоявшей кампании и послал его императору (точная дата создания этого документа неизвестна). План этот является еще одним свидетельством выдающегося военного дарования суворовского генерала. Подчеркивая, что «война кажется неизбежной», он предлагал ряд мер не только военного, но и политического характера. План был проникнут наступательным духом, большое внимание в нем уделялось вопросам материального снабжения войск и подготовки резервов.

План не был принят. Впоследствии военные специалисты, отмечая ряд несомненных достоинств плана, утверждали, что в начале 1812 года он во многом был уже неприемлем, так как Наполеон к этому времени завершил стратегическое развертывание своих сил против России.

Однако нужно иметь в виду, что Багратион не располагал необходимыми сведениями об общем положении дел. А оно было тревожным. Враг находился у границ России, а в Петербурге по-прежнему не имели четкого плана ведения войны. Предлагалось несколько проектов, но ни один из них не удовлетворил Александра I. Как обычно, он предпочитал прислушиваться не к боевым генералам, а к своим военным советникам, среди которых особенно большим влиянием на императора пользовался прусский барон Карл фон Фуль.

Фуль в свое время был приближенным Фридриха II и служил полковником прусского генерального штаба. Подобное прохождение службы, с точки зрения русского царя, было лучшей рекомендацией. В 1806 году он выпросил Фуля у прусского короля и определил его на русскую службу. Фуль быстро сделал карьеру. Он стал не только любимцем Александра I, но и высшим военным авторитетом. Прусский барон преподавал русскому императору основы военного искусства, имея о них самые схоластические представления. Педантичный и надменный, Карл фон Фуль любил читать трактаты о военном искусстве Юлия Цезаря и Фридриха II, но не взял на себя труда, как отмечал близко знавший его Карл Клаузевиц, познакомиться с организацией русской армии. К этому следует добавить, что, прослужив на русской службе много лет, Фуль так и не изучил русского языка, в то время как денщик его — русский солдат — стал сносно говорить по-немецки. Не занимая никаких официальных постов, Фуль сумел дослужиться до чина генерал-лейтенанта русской армии.

Этот военный советник Александра I и оказался автором плана, который был положен в основу размещения сил русской армии накануне войны. На западных границах Российской империи были расположены две армии — Первая под командованием Барклая де Толли и Вторая

под командованием Багратиона (бывшая Подольская). По замыслу Фуля, Первая армия с начала военных действий должна была отойти к Дриссенскому лагерю, а Вторая — выйти в тыл наступавшим на лагерь французам. По мнению Фуля, Дриссенский лагерь, сооруженный по его плану, был неприступной крепостью. На самом деле он являлся для русской армии ловушкой. Образную оценку лагерю и его создателю дал генерал Ф. О. Паулучи, который был в самом начале войны начальником Главного штаба Первой армии. Он говорил, что этот лагерь придуман либо сумасшедшим, либо изменником, которого следует либо посадить в дом умалишенных, либо повесить.

План Фуля представлял собой плод прусского военного мышления: он предусматривал лишь два варианта действий Наполеона — наступление или на северном, или на южном направлении. Он не допускал даже мысли об одновременном наступлении. Русские армии были изолированы друг от друга труднопроходимыми болотами и лесами Полесья, и даже передвижение армии Багратиона севернее Полесья, в район Волоковыска, и сформирование в районе Луцка Третьей армии, которые были осуществлены в мае 1812 года, не меняли положения и сохраняли всю невыгодность русских позиций.

Неудачное стратегическое расположение русских вызывало недоумение и беспокойство Багратиона. Он с тревогой писал об этом в своих письмах в Петербург.

Но в столице Российской империи жизнь шла своим чередом. За новогодними балами и маскарадами, которыми петербургская знать встретила новый 1812 год, наступили будни.

Утро 1 января 1812 года в столице выдалось пасмурным и холодным, при девятиградусном морозе дул пронизывающий ветер, изредка сыпал небольшой снежок. Первые месяцы года были заполнены обычными делами.

В гостиных как о делах первостепенной важности толковали о приезде в Петербург одной из богатейших невест — графини Орловой, о смерти генерала Баувера и похоронах графа Завадовского, о роскошном празднике у графа Лаваля, в котором участвовало более четырехсот приглашенных. Много разговоров в столице вызвал вспыхнувший вечером 7 января пожар в Аничковом дворце. Пожар продолжался до трех часов пополудни 8 января, спасти удалось лишь часть дворца, выходившую на Невский проспект, все остальное сильно пострадало от огня.

В зале Филармонического общества заезжие и местные знаменитости давали концерты, на которые съезжались любители музыки. В Медико-хирургической академии проводился публичный экзамен. Но за обыденностью жизни нетрудно было уловить тревогу.

В Петербурге больше обычного писали и говорили на военные темы. Уже в первом номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1812 год было опубликовано обращение Императорской Академии к «упражняющимся в русской словесности» с предложением принять участие в состязании на лучшее «Похвальное слово» трем выдающимся деятелям России. Двое из них были военными — генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев и генералиссимус А. В. Суворов. В книжных лавках братьев Глазуновых, Абрама Трубицина, Ивана Заикина и других книготорговцев, расположенных на Невском, Садовой и других улицах столицы, появилось много книг на военные темы. Среди них можно было найти «Науку побеждать, творение генералиссимуса графа Суворова-Рымникского с его письмами», «Анекдоты о фельдмаршале графе Петре Александровиче Румянцеве-Задунайском с кратким описанием его жизни», «О подвигах Суворова в Италии и Швейцарии», «Подвиги казаков в Пруссии в 1807 году», «Сло-

во похвальное князю Пожарскому и Козьме Минину» и много других.

На страницах столичных газет чаще стали появляться объявления военного ведомства, которые призывали желающих на выгодных условиях взять подряды на перевоз орудий и снарядов с Александровского Олонецкого завода, бочек с порохом с Охтинского завода, предлагались подряды «на сделание вновь потребных железных пуль по данным образцам» и тому подобные военные заказы.

В марте петербуржцы стали свидетелями торжественных проводов гвардейских полков, выступивших из столицы к западным границам империи. В отличие от 1805 года гвардейские полки, отбывая из столицы, не маршировали от Марсова поля в парадном строю, но в походном порядке направлялись на петербургские заставы прямо из казарм.

В начале 1812 года Александр I утвердил «Учреждение для управления большой действующей армией». Этот документ, разработанный комиссией по составлению воинских уставов и уложений, определял ряд мер по улучшению руководства войсками. Он сыграл положительную роль в подготовке их к войне. Но в «Учреждении» имелись и недостатки: двойное подчинение ряда начальников, отсутствие точного определения прав и обязанностей отдельных должностных лиц и управлений.

Во главе армии должен был находиться главнокомандующий, который определялся как «особа, заменяющая императора». Однако главнокомандующий армии перед войной и в первые два месяца войны все еще не был назначен.

В марте 1812 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появился приказ о том, что «военный министр генерал от инфантерии Барклай де Толли назначается Главнокомандующим Первой Западной армии, оставаясь

и военным министром. Генералы от инфантерии граф Голенищев-Кутузов и князь Багратион утверждаются в званиях главнокомандующих — первый Дунайской, а последний — Второй Западной». Так появились три главнокомандующих армий, а затем и четвертый — генерал А. П. Тормасов, главнокомандующий Третьей резервной армии.

Несмотря на позорные поражения последних лет, царь все еще мечтал о лаврах полководца. В октябре 1811 года в беседе с графом Нессельроде Александр I говорил: «В случае войны я намерен стать во главе армии».

В столице было беспокойно, по-прежнему распространялись слухи о надвигающейся войне, в придворных кругах продолжалась борьба за место у трона.

Среди придворных и чиновников особую ненависть вызывал Сперанский, который был автором указов о придворных чинах и обязательных экзаменах на чин. Эти указы предусматривали меры, необходимые для упорядочения государственной службы, но воспринимались дворянами как неслыханное посягательство на основы самой монархии. В столице распространились анонимные письма, в которых Сперанского обвиняли в государственной измене и в тайных сношениях с французами. В высших придворных кругах все чаще говорили о необходимости избавиться от Сперанского, Александр I понимал, что время игры в конституционные порядки прошло, и уступил требованиям придворной знати. В марте 1812 года он без всяких объяснений, без суда и следствия арестовал Сперанского и выслал его из Петербурга в Нижний Новгород.

Перед своим отъездом из Петербурга Александр I передал управление делами комитету министров, который наделил большими правами. Комитет дважды в неделю заседал в Зимнем дворце. Особая ответственность возлагалась на него за спокойствие и безопасность в столице. Главнокомандующим в столице вместо А. Д. Балаше-

ва, который сопровождал императора в поездке, был назначен князь С. К. Вязьмитинов. Он обязан был докладывать комитету о всех подозрительных лицах и собраниях, о слухах, известиях и происшествиях в столице.

Управление делами военного министерства, в связи с тем что военный министр Барклай де Толли уехал в армию, было поручено генерал-лейтенанту А. И. Горчакову. Большую власть получил генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков, который был назначен председателем комитета министров. По отзывам современников, Салтыков был слабохарактерным человеком. Обычно он избегал определенных решений, не желая брать на себя ответственность. Утверждали, что в служебных делах он был управляем своим письмоводителем, а в домашних им неограниченно распоряжалась графиня. К тому же престарелый фельдмаршал часто болел и, как отмечал желчный Растопчин, «существовал лишь при помощи аптечных средств».

Уладив подобным образом дела в Петербурге, император в начале апреля 1812 года после торжественного молебна в Казанском соборе выехал в Вильно. Его сопровождала большая свита. В ней состояли Константин Павлович и множество генералов, не имевших к тому времени определенных должностей,— Аракчеев, Беннигсен, Фуль, Штейн и другие. В «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщалось, что «император отправился из здешней столицы для обозрения своих войск, собравшихся у Вислы». Министр иностранных дел граф Н. Румянцев в день отъезда царя из Петербурга разъяснил французскому послу Лористону, что цель этой поездки — не допустить случайностей, способных привести к войне.

С приездом царя в Вильно руководство армиями не улучшилось. В соответствии с «Учреждением для управления большой действующей армией» прибытие импера-

тора в Главную квартиру слагало с главнокомандующего власть, если не было специального приказа, отменявшего это положение. Александр такого приказа не издал, но лицемерно называл Барклая де Толли «главным распорядителем войск». Барклай де Толли, в свою очередь, не без оснований утверждал, что он лишь исполнитель повелений императора. Фактически все дела вершил царь, а точнее, его приближенные, среди которых не было согласия. Как и в Петербурге, они продолжали спорить и интриговать. Однако мысль о непригодности плана генерала Фуля стала преобладающей.

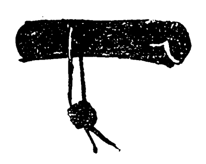
Главное внимание в Вильно царь по-прежнему уделял смотрам войск, балам и приемам, которые беспрерывно устраивались в Главной квартире русской армии. Великий князь Константин Павлович занялся своим любимым делом — целые дни он проводил на строевом плацу, как будто войска готовились не к войне и тяжелым боям, а к параду на Марсовом поле.

Во второй половине апреля 1812 года царь писал фельдмаршалу Салтыкову в Петербург: «У нас все еще смирно. Армия в самом лучшем духе. Артиллерия, которую я успел осмотреть, в наипрекраснейшем состоянии».

Однако оснований для оптимизма было мало. Обстановка на границах становилась все более тревожной, но главнокомандующие русских армий не имели необходимой информации и четких задач.

В предписаниях Барклая де Толли, которые получал Багратион, содержались лишь общие рекомендации («бдительно наблюдать», «при явном нападении встретить противника силой оружия» и т. п.), лишь за девять дней до начала вторжения было получено предписание обороняться при наступлении французов, отступать в случае их превосходства в силах в направлении Новогрудок— Минск — Борисов и требование приступить к укреплению крепости Несвиж.

Багратион в 1812 году, за несколько дней до начала войны, обратился с двумя письмами к царю. В первом письме он резко критиковал стратегическое развертывание русской армии и отмечал серьезные моральные потери, которые принесет тактика отступления. Во втором вновь поставил вопрос о необходимости активных действий. Но письма Багратиона остались без ответа.

„Я СДЕЛАЛ СВОЙ ДОЛГ“

Поздно вечером 11 июня 1812 года первые подразделения французов переправились через Неман. Известие о вторжении пришло в Вильно через сутки. Александр в это время находился в окрестностях этого города в доме генерала Беннигсена на очередном балу.

В Петербург был отправлен курьер с царским рескриптом, в котором сообщалось, что французские войска вошли в пределы Российской империи.

14 июня царь выехал в Свянцяны, оставив Барклая де Толли командовать в Вильно. Но из Свянцян, где император пробыл около недели, последовало царское распоряжение, чтобы корпусные командиры копии всех сво-

их донесений главнокомандующим посылали царю. Царь и сам с первых дней войны стал давать приказы генералам и главнокомандующим минуя военного министра.

Вред подобного «руководства» армиями стал ясен даже в ближайшем царском окружении. По инициативе государственного секретаря А. С. Шишкова царю было подано «верноподданнейшее» письмо, в котором доказывалась необходимость пребывания императора вне армии.

В начале июля император покинул армию, направляясь в Петербург через Москву. Среди сопровождавших его были Аракчеев, Шишков и другие близкие ему люди. Однако при Главной квартире армии остались в качестве соглядатаев генералы, не имевшие определенных должностей, но полные самомнения и амбиции. Среди них был Беннигсен, считавший себя наиболее подходящей кандидатурой на пост главнокомандующего.

16 июня Наполеон занял Вильно и тем самым прервал прямое сообщение между Первой и Второй армиями. Первая армия, покинув непригодный для обороны Дриссенский лагерь, отступила к Витебску, надеясь там соединиться со Второй армией Багратиона. Однако Багратион не был поставлен в известность о сложившейся обстановке и планах действий Первой армии. В первые дни войны в письмах Барклаю де Толли он еще просил царя разрешить диверсию (наступление) через Белосток, Остерлинку на Варшаву. Но, самостоятельно разобравшись в обстановке и разгадав замысел Наполеона, Багратион понял необходимость отступления и в чрезвычайно сложных условиях осуществил его. Некоторое представление об отступлении дает одно из донесений генерала царю, посланное во время марша к Минску. Багратион сообщал, что в Минске он должен будет «дня два или три, смотря по обстоятельствам, остановиться, чтобы дать отдохнуть людям, сделавшим столько маршей в самое жаркое время по дорогам чрезвычайно песчаным — а того бо-

лее лошадям... под обозом и артиллерией состоящим, которые почти не поспевают за людьми от глубоких песчаных дорог».

Во время изнурительного марша, который сопровождался боями, Багратион проявлял постоянную заботу о сохранении здоровья солдат. В одном из приказов по армии, подписанном генералом на марше в конце июня 1812 года, предписывалось, чтобы люди шли утром и вечером, а в жаркое время отдыхали и, занимая биваки, по возможности избегали болотистых и сырых мест. В том же приказе Багратион резко предупреждал о недопустимости самоуправства или бесчинств по отношению к местному населению. В приказе говорилось: «...объявляю, что первый, кто будет найден и обличен в каком-либо насильственном поступке против жителей, будет расстрелян, а начальник роты, эскадрона или сотни разжалуется в рядовые».

Армия Багратиона, 17 июня начавшая отступление, через пять недель вышла к Смоленску на соединение с армией Барклая де Толли, пройдя сотни верст в жаркую погоду под непрекращающимся натиском противника.

Генерал Арман де Коленкур, бывший посол Франции в Петербурге, в своих мемуарах вспоминал заверения Наполеона в том, «что корпусу Багратиона не удастся соединиться с главными силами армии, что он будет захвачен или разгромлен по крайней мере частично, и это произведет впечатление, так как Багратион был одним из старых соратников Суворова».

Против Багратиона действовал французский маршал Даву, один из самых опытных полководцев Наполеона. Но он оказался бессильным перед «правой рукой старика Суворова», как называл Коленкур в своих записках Багратиона.

Багратион не только отступал, но и наносил французам чувствительные удары. В ходе преследования русских

войск французы дважды потерпели поражение в боях под деревнями Мир и Салтановка.

Бой под Салтановкой вел 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. Корпус своими действиями обеспечивал главным силам армии Багратиона переправу через Днепр. Бой был жестоким и кровопролитным. Генерал Раевский доносил Багратиону: «...многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир. В сей день все были герои...» Среди этих героев не последнее место принадлежало и самому Раевскому. В критический момент боя генерал сам повел в штыковую атаку Смоленский пехотный полк. Чтобы воодушевить солдат, он, по сохранившемуся преданию, вывел за руки перед строем наступающего полка двух сыновей — десяти и шестнадцати лет. Старший нес полковое знамя.

Корпус Раевского с честью выполнил возложенную на него задачу и, перейдя через Днепр, присоединился к армии Багратиона.

Имя Николая Николаевича Раевского связано с дорогими именами и важными событиями в истории нашей Родины. Он был женат на внучке М. В. Ломоносова (в Петербурге ему принадлежал дом на Большой Морской улице, где некогда жил великий русский ученый). Близким другом его сыновей был А. С. Пушкин. Два зятя Раевского были арестованы по делу декабристов, а его сыновья привлечены к следствию. Его младшая дочь, Мария Николаевна Волконская, отправилась за своим мужем — декабристом — в Сибирскую ссылку.

Сам Николай Николаевич вошел в историю как прославленный боевой генерал, один из героев Отечественной войны 1812 года. Он относился к тем русским военачальникам, которые воспитывались на суворовских боевых традициях, и принадлежал к числу наиболее ярких представителей прогрессивного направления в русском воен-

ном искусстве. Раевский прошел суровый боевой путь и участвовал в тех же военных кампаниях и сражениях, через которые прошел и Багратион. Раевский был моложе Багратиона на шесть лет, но свою военную службу он начал раньше Петра Ивановича. В пятнадцать лет он уже участвовал в боях, в девятнадцать — командовал казачьим полком. С Багратионом его связывала дружба, закалившаяся в огне боевых испытаний. Впервые они встретились в армии Г. А. Потемкина в годы второй русско-турецкой войны. В военной кампании 1806—1807 годов близко подружились и были верны этой дружбе много лет.

Николай Николаевич не обладал дарованиями полководца. Багратион в сложных боевых условиях испытывал радостное чувство вдохновения, чем опаснее складывалась ситуация, тем веселее и находчивее становился он, тем больше шутил, вызывая своим поведением бодрость и уверенность в своих силах у подчиненных. Раевский в критические минуты лишь действовал по принятому плану, сохраняя невозмутимое спокойствие. Как отмечал Д. Давыдов, Раевский был всегда одинаков «в пылу битв и среди мира». Хладнокровие и храбрость его вызывали удивление. Ермолов, скупой на похвалы, называл его «бестрепетным Раевским». Храбрость Раевского сочеталась с «ясным умом и простой, прекрасной душой», которую так ценил в нем А. С. Пушкин, называвший Николая Николаевича, «человеком без предрассудков, памятником 1812 года...». В подвиг, совершенный армией Багратиона, вышедшей в тяжелых условиях на соединение с армией Барклая де Толли, внес свой немалый вклад и генерал Раевский.

Один из первых исследователей войны 1812 года А. И. Михайловский-Данилевский дал такую оценку отступлению Багратиона: «В пятинедельном борении с двумя французскими армиями, превосходящими его числом, из коих одна преследовала его, в то время как другая

перерезала ему дорогу, успел он достигнуть своей цели — свободного общения с Барклаем де Толли и ускользнул от сил неприятельских, долженствовавших поставить его между двумя огнями и отбросить от главного театра войны. Быстрота маршей и непоколебимая твердость, с которой стремился он к цели единожды им предположенной, ставит его отступление наряду с самыми блистательными военными действиями. Он шел иногда верст по сорок и более, имел беспрестанно позади и впереди себя сильного неприятеля, вез больных, пленных и обозы, от чего армия была иногда растянута на протяжении пятидесяти верст».

В Петербурге в первые недели войны ничего не знали о судьбе армии Багратиона. Впрочем, немногим более знали и о других военных событиях. Сообщения о военных действиях поступали в столицу не только с опозданием, что было естественно в то время, но были очень краткими и неопределенными. Правительство принимало меры, чтобы пресечь распространение неблагоприятных сообщений. Еще перед войной в апреле 1812 года комитет министров постановил, чтобы «издатели всех газет в государстве материал о политическом положении заимствовали единственно из «Санкт-Петербургских ведомостей», которые издаются под ближайшим присмотром». Но «Санкт-Петербургские ведомости» получали очень скудную информацию о положении на театре военных действий.

Лишь в начале июля в газете появилось первое сообщение об армии Багратиона. В нем указывалось, «что князь Багратион продолжает движение, ему предписанное». Затем последовало сообщение о победе, одержанной конницей генерала М. И. Платова под местечком Мир.

В городе много толковали об ожесточенных боях с французами, о героизме русских воинов. Люди толпами собирались у здания военного министерства, ожидая прибытия курьеров из армии. Для успокоения жителей столицы им порой сообщали преувеличенные данные об

успехах русской армии. Сражения под Витебском и Смоленском были представлены как победы, по поводу которых в столичных церквах служили благодарственные молебны. Узнав об этих молебнах, Наполеон заметил, что русское командование пытается обмануть даже самого господа бога. В Петербурге издавались различные листки, посвященные героизму русских воинов. Среди них привлекала внимание лубочная картинка, изображавшая Суворова и Багратиона. Под картинкой было помещено стихотворное обращение Суворова к Багратиону:

Еще при мне бросать ты граны научился
И лавры смело пожинал,
Ко славе ревностно стремился,
И я наперсником своим тебя избрал,
Наследуй в славе мне, герой!
И, часть твоя,
В тебе воскресну я!

Скудость официальных сообщений способствовала распространению слухов о возможности наступления французов на Петербург. На заставах города стали появляться коляски, кареты и обозы дворян, бежавших при известии о наступлении французов на Ригу. Тревогу жителей усилил царский приказ фельдмаршалу Н. И. Салтыкову, полученный еще из Дриссенского лагеря. Император приказывал вывезти из Петербурга в Казань мощи Александра Невского из Лавры, Сенат, Синод, министерские департаменты, часть архивов, драгоценности Эрмитажа, банки, Монетный двор, учебные заведения и Сестрорецкий оружейный завод.

Взятие неприятелем Митавы остро поставило вопрос об обороне столицы. В Петербурге, как и в других городах России, начали создавать ополчение. В июле в доме И. А. Безбородко на Фонтанке состоялось собрание дворян, которое единогласно избрало начальником ополчения генерала от инфантерии М. И. Кутузова. Кутузов, кото-

рый после завершения войны с Турцией был не у дел, принял пост с благодарностью за оказанное ему доверие, развернул энергичную деятельность по созданию и обучению ополчения. Ополченцы были размещены в Измайловских казармах и получили на вооружение десять тысяч ружей из арсенала. Под руководством Кутузова их начали обучать основам военного дела.

Война приближалась к жизненно важным центрам Российской империи, хотя достичь своих целей Наполеон не сумел. План его — не допустить соединения русских армий — провалился. 22 июля в Смоленске Первая и Вторая армии соединились. Это было крупным стратегическим поражением французов. В связи с выходом армии Багратиона к Смоленску Наполеон сказал, что французами «потерян результат начального периода кампании».

К соединению русские армии шли трудными дорогами. Путь Второй армии был труднее, но она пришла к Смоленску закаленной в боях и окрепшей. Начальник штаба Первой армии генерал Ермолов вспоминал об этом событии: «Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Вторая армия явилась совсем в другом духе. Звуки неумолкающей музыки, шум неперестающих песен оживляли бодрость воинов. По духу Второй армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром она не отступая оставила, но прошла торжествуя». П. Х. Граббе, другой участник этих событий, в своих записках отмечал: «Между обеими армиями в нравственном отношении была та разница, что Первая надеялась на себя и на русского бога, Вторая же сверх того и на князя Багратиона». Этот же автор писал, что Багратион «со своей орлиной наружностью, веселым видом, метким для солдат словом, с готовой уже славой, присутствием своим воспламенял солдат».

Багратиону приходилось воевать не только с французами. Не менее трудной и опасной была «война» с Александром I и его советниками. Император полагал, что за сотни километров ему виднее, как должна действовать Вторая армия, чем ее главнокомандующему. Он присылал Багратиону рескрипты, написанные под диктовку своих советников, где навязывал полководцу маршруты движения. Следуя этим предписаниям, Багратион мог бы только погубить армию.

Но он действовал так, как ему подсказывали боевой опыт и разум. Это не нравилось царю. Он и военный министр Барклай де Толли упрекали Багратиона в нерешительности, в нежелании идти на соединение с Первой армией, и даже... в трусости. Багратион знал, что ему не доверяют и действия его подвергают критике. Позже, в конце июля 1812 года, Багратион отмечал в одном из писем в Петербург: «...со мной поступают так не откровенно и так неприятно, что описать всего невозможно». Ему было известно, что его начальник штаба граф Сен-При состоит в частной переписке с царем и информирует его о всем происходящем. «Он переписывается с государем, когда я пишу, то и он пишет, только на французском языке», — с горечью отмечал Петр Иванович.

Переписка Багратиона с Александром I носила сугубо официальный характер. В посланиях царя сквозило плохо скрытое недовольство, к тому же он не считал нужным посвящать Багратиона в свои планы и намерения. Не зная обстановки, Багратион в письмах императору и Барклаю де Толли настойчиво требовал наступательных действий со стороны Первой армии. В свою очередь Барклай де Толли мало знал о положении Второй армии и обвинял Багратиона в медлительности.

Это положило начало тяжелой размолвке между главнокомандующими. Разногласия между Багратионом и Барклаем де Толли получили широкое освещение в исто-

рической литературе. Сохранилось много документов, свидетельствующих о взаимной неприязни, возникшей между ними в эти критические месяцы. Особенно резок был Багратион, который не выбирал выражений в своих письмах Ермолову, Растопчину, Аракчееву и другим. Горячность и резкие высказывания его о Барклае де Толли («трус, медлителен, бестолков и все худые имеет качества»), легковесные фразы о противнике («шапками их закидаем») никоим образом не могут дать представления об истинных взглядах Багратиона. В своих письмах «хвастливый воин», как впоследствии называли Багратиона некоторые историки, дал глубокий анализ начавшейся войны. Он пророчески предсказывал, что «Наполеон найдет в России второй Египет себе». Разобравшись в сложившейся обстановке, Багратион писал: «...ежели уж так пошло — надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь необыкновенная и национальная, и надо поддержать честь свою и славу».

Отечественная война 1812 года занимала среди многочисленных войн XIX века особое место. Она была одной из национально-освободительных войн, которые, по словам В. И. Ленина, были порождены захватническими войнами Наполеона. Это была справедливая война против агрессора, пытавшегося покорить не только Россию, но и весь мир. Еще в 1811 году Наполеон говорил: «Через пять лет я буду господином мира: осталась одна Россия, но я ее раздавлю».

В этой войне речь шла о будущем России: Наполеон пытался отторгнуть от нее часть территории и превратить во второстепенную державу. Против Наполеона выступила не только русская армия, против него поднялся народ. Участник войны 1812 года А. П. Бутенев в своих воспоминаниях писал: «Чем дальше шла армия в глубь страны, тем безлюднее были встречающиеся селения, особенно после Смоленска. Крестьяне отсылали в соседние

леса своих баб и детей, пожитки и скотину, сами же, за исключением лишь дряхлых стариков, вооружались косами и топорами, а потом стали сжигать избы, устраивать засады и нападать на отсталых и бродячих неприятельских солдат». То, что Наполеону казалось ведением войны «не по правилам военного искусства», было свидетельством народного характера Отечественной войны 1812 года.

Багратион правильно понял и оценил сущность начавшейся эпопеи и подкрепил свои выводы практически. После Смоленского сражения он выступил инициатором создания первого войскового партизанского отряда. Он добился у Кутузова, который к тому времени стал главнокомандующим, разрешения Денису Давыдову, своему бывшему адъютанту, организовать партизанский отряд для рейда по тылам противника. Он собственноручно написал для Давыдова инструкцию и отдал ему свою карту Смоленской губернии, где предстояло действовать отряду.

В письмах Багратиона содержится ряд верных суждений по частным, но очень важным моментам хода и ведения войны. Еще в конце июня 1812 года он критиковал устройство и местоположение Дриссенского лагеря, подчеркивая: «...вы не удержитесь и в укрепленном лагере. Он на вас не нападет в лоб, но обойдет». В начале августа в письме в Петербург Петр Иванович подчеркивал: «...надо спешить непременно готовить людей, по крайней мере сто тысяч, с тем, что если он (Наполеон. — *Авт.*) приблизится к столице, народом на него навалиться».

Острая полемика Багратиона с Барклаем де Толли в значительной мере объяснялась общим недовольством, которое вызывала в армии (и не только в армии) нерешительность верховного командования. В полемике играл свою роль и пылкий восточный темперамент Петра Ивановича. Вокруг Багратиона находились люди, подогревавшие его недовольство и вспыльчивость. А. П. Ермолов считал, что причиной обострения взаимоотношений между

Багратионом и Барклаем де Толли был начальник штаба Второй армии граф Сен-При. Впрочем, и сам Ермолов играл не последнюю роль в разжигании страстей.

Багратион же был иногда вспыльчив и резок, в гневе не выбирал выражений, но всегда был искренен и презирал лицемерие. В своем поведении он руководствовался интересами дела. Ермолов писал о Багратионе, что «война Отечественная в его понятии не должна допускать расчетов честолюбия и находила его на все готовым».

Алексей Петрович Ермолов принадлежал к числу близких друзей Багратиона. Впервые они встретились в 1794 году во время польской кампании. Как и Багратион, Ермолов отличился при штурме Праги — предместья Варшавы. За проявленную храбрость шестнадцатилетний Ермолов получил из рук Суворова Георгиевский крест 4-го класса. Ермолов очень гордился этой наградой и ценил ее выше всех других наград и отличий, которых он получил немало за свою долгую жизнь. Через много лет, когда прославленный генерал Ермолов вышел в отставку и стал легендарной фигурой, он появлялся в великосветских гостиных в черном фраке, в петлице которого носил только одну награду — Георгиевский крест, полученный из рук Суворова. Суворовские взгляды на военное дело сближали Ермолова с Багратионом.

Ермолов получил хорошее по тем временам образование: он окончил Благородный пансион при Московском университете, много читал, особенно в годы вынужденного пребывания в Костроме, куда он был выслан однажды. При Павле I остроумие Ермолова, его независимое поведение стоили ему заключения и ссылки в Петропавловскую крепость, где он просидел несколько месяцев. Остроумие и независимость создали ему немало недоброжелателей. Среди них был всесильный Аракчеев. Когда во время одного из смотров генерал от артиллерии Аракчеев сказал, что в артиллерии успех часто зависит от лошадей,

сопровождавший его подполковник артиллерии Ермолов заметил, что в армии вообще успехи часто зависят от скотов. Этого Аракчеев ему долго не мог простить.

В военной кампании 1806—1807 годов Ермолов неоднократно отличался своим мужеством и распорядительностью на поле боя, за это его представляли к наградам, но он их тогда так и не получил. Однако именно с того времени популярность Ермолова в армии широко распространилась. Его удаль и мужество, молодцеватость и внушительная внешность привлекали к нему симпатии. Он был человеком высокого роста, богатырского сложения, с крупными, запоминающимися чертами лица и гривой густых волос. Храбрый генерал, герой Отечественной войны 1812 года, после завершения войны он в течение десяти лет был главнокомандующим в Грузии — фактически наместником русского царя. Ермолов приобрел печальную известность жестокостью в борьбе с горцами, стирая с лица земли непокорные аулы. После воцарения Николая I Ермолов в расцвете сил и способностей вышел в отставку.

Любя и почитая Багратиона, Ермолов относился резко отрицательно к Барклаю де Толли и не скрывал этого.

Он отдавал себе отчет в необходимости отступления, но считал, что оно проводится не так, как нужно. Он обвинял Барклая в том, что тот, действуя нерешительно, отдал инициативу Наполеону. В конце июля и в начале августа Ермолов почти ежедневно требовал от Багратиона, чтобы тот написал императору о неудовлетворительном руководстве военными действиями со стороны военного министра. Характерно письмо Ермолова, которое Багратион получил уже после соединения армий под Смоленском, когда Петр Иванович добровольно подчинил себя Барклаю де Толли, хотя и был старше его чином. В письме говорилось: «Вы соглашаетесь с предложениями министра. Я не хочу сказать, что Вы повинуетесь ему, но

пусть и так, в обстоятельствах, в которых мы находимся, я стану на колени перед скромностями и умеренностями Вашими. По крайней мере то, что Вы пишете к человеку или слишком привязанному к своим мнениям, или слишком надеющемуся на себя, или, наконец, не внемлющему и не разумеющему возможности обстоятельств — пишите, Ваше сиятельство, пишите Государю. Вы исполните обязанность Вашу относительно к нему, Вы себя оправдаете перед Россией. Пишите, Ваше сиятельство, или молчание будет обвинять Вас».

И Багратион, который разделял взгляды Ермолова, посылал императору, некоторым генералам и сановникам письма, в которых резко критиковал Барклая де Толли. Основой этой критики были не личные мотивы, а непонятная тогда даже Багратиону «нерешительность» военного министра, стремление его избежать генерального сражения. Играли свою роль и взаимные упреки, которыми обменивались главнокомандующие, недостаточно четко представлявшие себе общую обстановку на театре военных действий из-за отсутствия быстрой связи.

Но Барклай де Толли понимал все это. В одном из своих писем Багратиону, за несколько дней до воссоединения армий под Смоленском, он подчеркивал: «Мы может статься оба не правы, но польза службы и Государя и Отечества нашего требуют истинного согласия между нами, коим вверено командование армиями».

Когда Барклай де Толли, обрадованный тем, что Вторая армия подходит к Смоленску, прекратил свои упреки и написал любезное письмо, Багратион ответил: «...имею честь ответствовать, что я вашему желанию охотно повинуюсь. Рад был Вас всегда любить и почитать и к Вам был расположен, как самый ближний, но теперь Вы меня более убедили Вашим письмом и более меня к себе привязали. Следовательно, не только мир между нами, но прошу тесную дружбу, и тогда нас никто не победит».

Добровольно подчиняя себя Барклаю де Толли, Багратион показал твердую убежденность в необходимости единоначалия. В рапорте, который он отправил в Петербург 23 июля 1812 года, генерал подчеркивал: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, а и более в настоящем времени, когда дело идет о спасении Отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня».

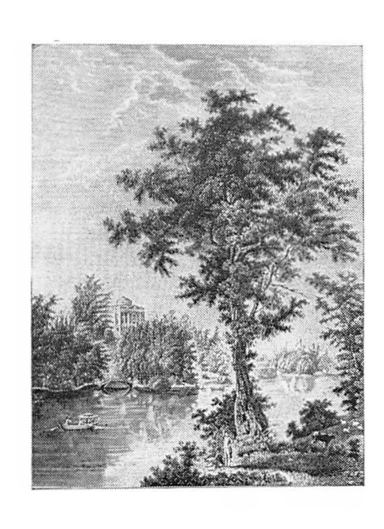
Обстановка складывалась к тому времени таким образом, что тянуть дальше с назначением единого главнокомандующего над всеми русскими армиями было невозможно. К тому же после оставления русскими войсками Смоленска взаимоотношения между Багратионом и Барклаем де Толли вновь обострились.

В тот день, когда русские войска оставляли пылающий Смоленск, в Петербурге, на Дворцовой набережной, в особняке генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова (фасады этого дома обращены на Неву, Марсово поле и в сторону памятника Суворову) происходило событие, имевшее первостепенное значение для исхода Отечественной войны. В большой комнате особняка, выходившей окнами на Неву и служившей кабинетом фельдмаршалу, собрался созданный по указанию императора комитет. Он должен был назвать имя главнокомандующего всей русской армии.

Логикой событий царь был поставлен перед острой необходимостью решить проблему замены Барклая де Толли. Московский губернатор Ф. В. Растопчин писал в своих записках: «Потом я уже узнал, что Кутузову (генерал-адъютанту) было поручено многими выдающимися генералами просить государя о замене Барклая князем Багратионом». О необходимости единоначалия в армии царю говорили и писали многие. Писал ему и Ермолов, который убеждал императора в том, что «необходим начальник

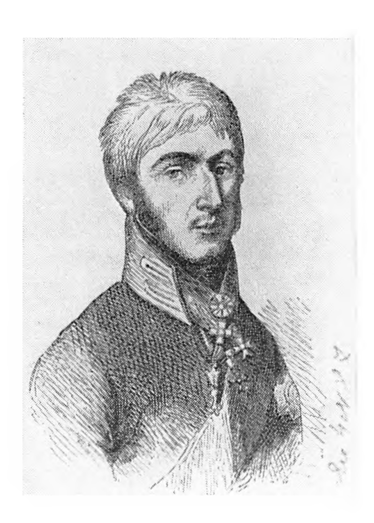
Павловский дворец.

Гравюра И. Ухтомского по рисунку С. Ф. Щедрина.

Розовый павильон в Павловске.

Фотография начала XX века.

П. И. Багратион.

Гравюра работы неизвестного художника. Начало XIX века.

Великая княгиня Екатерина Павловна.

Миниатюра работы художника Беннера. Начало XIX века.

Генерал-майор Я. П. Кульнев.

Портрет работы Л. Сен-Обена. 1808—1813.

Я. П. Кульнев на Аландских островах.

Карикатура В. И. Апраксина. 1808.

Переход по льду через Ботнический залив в марте 1809 г.

Картина Л. Е. Коцебу. Вторая половина XIX века.

А. А. Ермолов.

Портрет работы Д. Доу.

П. И. Багратион.
Портрет работы Л. Сен-Обена. 1812.

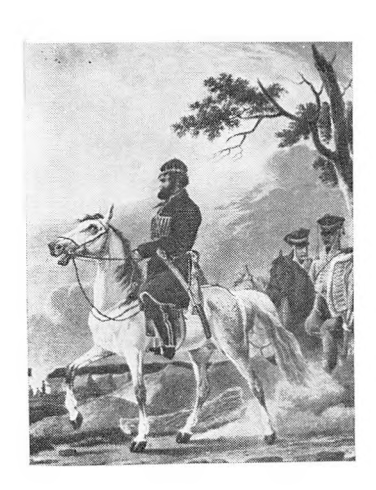
Лубочная картинка «Суворов и Багратион».
1806.

М. Б. Барклай де Толли.
Гравюра по портрету Зефа, писанному с натуры в 1816 году.

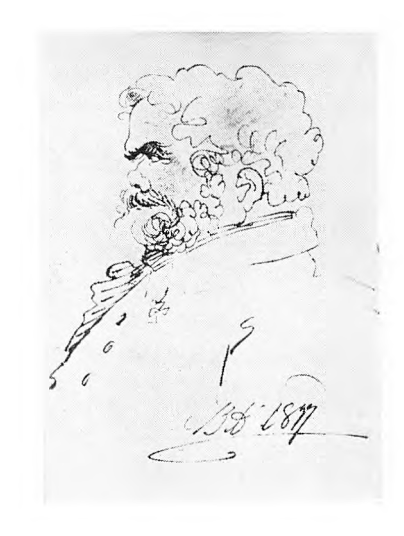

Н. Н. Раевский.
Миниатюра работы неизвестного художника XIX в.

Д. В. Давыдов.

Гравюра М. Дюбурга по рисунку А. О. Орловского. 1814.

Д. В. Давыдов.

Карикатура В. И. Апраксина. 1817.

Французы под Смоленском.

Французская литография начала XIX века.

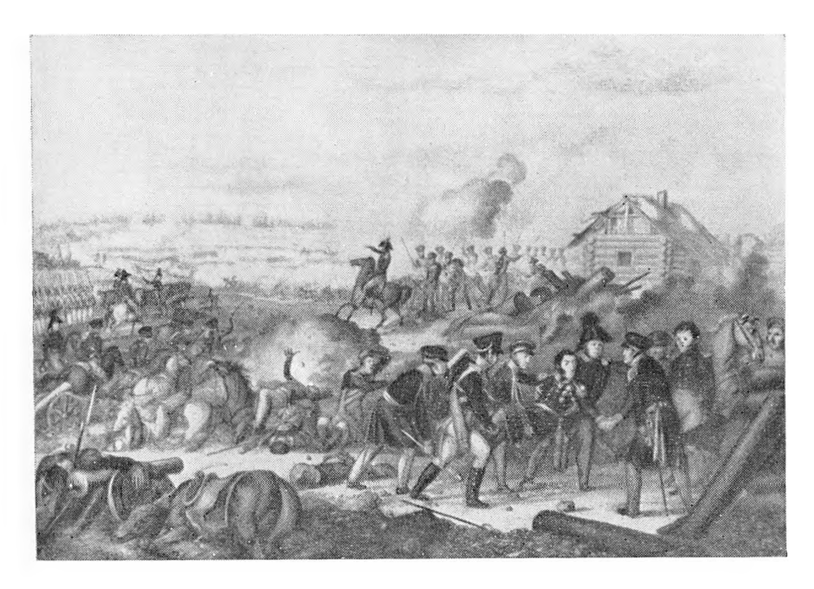
А. И. Кутайсов.

Портрет работы Л. Сен-Обена. 1808 — 1812.

Бой у Шевардинского редута.

Картина работы А. Адама. Первая половина XIX века.

Ранение П. И. Багратиона.

Картина работы И. М. Жерена. 1818.

П. И. Багратион.

Портрет работы В. А. Тропинина. 1816.

Бегство Наполеона из России.
Карикатура И. Теребенева. 1812.

Французы, превращающиеся в зайцев при виде русского казака.
Немецкая карикатура. 1812.

Медаль в память столетия 104-го Устюжанского егерского генерала князя Багратиона полка.
1897.

Бокал с изображением П. И. Багратиона, подаренный К. К. Рокоссовскому.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

1944.

Настольная медаль «П. И. Багратион».
Художник А. В. Харитонов. 1963.

объединенных армий». Когда в Смоленске Багратион добровольно подчинил себя Барклаю де Толли, Ермолов писал императору, что, несмотря на этот великодушный поступок, необходимо официальное решение об установлении единоначалия. Но со свойственной ему уклончивостью царь переложил решение вопроса о назначении главнокомандующего на специально созданный для этой цели комитет.

В состав комитета, кроме Салтыкова, входили три генерала — А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов и С. К. Вязьмитинов и два статских сановника — князь П. В. Лопухин и граф В. П. Кочубей. Члены комитета должны были из генералов русской армии избрать такого, который бы имел «известный опыт в военном искусстве, отличные таланты, общее доверие и старшинство в чине».

Заседание комитета началось в семь часов вечера и продолжалось несколько часов. К избранию кандидатуры главнокомандующего члены комитета подошли обстоятельно и всесторонне. Сначала им были зачитаны донесения главнокомандующих армий и частные письма из войск, в которых содержались оценки некоторых генералов. Затем члены комитета высказали свое мнение, называя различные кандидатуры. Они называли имена Багратиона, Беннигсена, Тормасова, Палена, но так и не пришли к согласию. И только когда было названо имя генерала от инфантерии М. И. Кутузова, споры среди членов комитета прекратились. Кутузов пользовался всенародной славой. Не сговариваясь, почти одновременно его избрали начальником ополчения и в Петербурге, и в Москве. Кутузов один вполне отвечал тем требованиям, которые предъявлялись главнокомандующему. Остановившись на Кутузове, члены комитета поручили генерал-лейтенанту А. И. Горчакову, исполнявшему в столице обязанности военного министра, доложить об этом решении царю.

Миссия Горчакова была не из легких — известно было, что Александр I не любил Кутузова. Генералу Горчакову, приехавшему в Каменноостровский дворец с докладом к царю, пришлось выслушать много неприятного. После продолжительного разговора с императором, как вспоминал дежурный адъютант граф Комаровский, «Горчаков вышел с лицом жарким, как пламя».

Несколько дней царь не принимал решения. Но 8 августа 1812 года ознаменовалось в Каменностровском дворце двумя событиями. Поступило донесение Барклая де Толли об оставлении Смоленска. «Цель наша при защищении развалин смоленских стен, — указывалось в донесении, — состояла в том, чтобы, занимая там неприятеля, приостановить тем намерение его достигнуть Ельни и Дорогобужа... дальнейшее однако ж удержание Смоленска не могло иметь пользы и, напротив того, могло повлечь за собой напрасное жертвование наших храбрых солдат». Одновременно с донесением Барклая де Толли Александр I получил рапорт Багратиона. Главнокомандующий Второй армии выражал свое несогласие с оставлением Смоленска и требовал положить предел нерешительности военного министра.

Становилось очевидным, что тянуть дальше с решением о назначении единого главнокомандующего не допустимо. В тот же день, 8 августа, император вызвал в Каменноостровский дворец генерала от инфантерии М. И. Кутузова и объявил ему о назначении его главнокомандующим всеми русскими армиями.

11 августа Кутузов, провожаемый толпами народа, направился из своего дома на Дворцовой набережной к Казанскому собору. После торжественного молебна новый главнокомандующий выехал к армии.

Приняв командование, Кутузов обнаружил, что подготовленных резервов, о которых так много говорил и писал Ф. В. Растопчин, армия не имеет. Это заставило его

продолжать отступление. Но генеральное сражение с французами было необходимо — его требовало общественное мнение, оно было необходимо для поднятия морального духа армии и народа.

Такое сражение Кутузов решил дать французам под деревней Бородино, находившейся в 124 километрах от Москвы.

22 августа 1812 года русская армия заняла исходные позиции. 23 августа Кутузов сообщил об этом в Петербург (донесение было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях» на четвертый день после Бородинского сражения). Главнокомандующий писал, что «позиция одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства». На левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона.

Как и предвидел русский полководец, Наполеон решил нанести главный удар именно по левому флангу.

Прологом Бородинской битвы было сражение за Шевардинский редут. Оно состоялось 24 августа и закончилось победой русских. Французская армия имела под Бородином 135 тысяч солдат и офицеров и 587 орудий. Русская армия насчитывала 120 тысяч, но имела несколько больше орудий — 640.

Бородинская битва началась 26 августа на рассвете мощной артиллерийской канонадой с обеих сторон. В шесть часов утра войска маршала Даву начали атаки левого фланга русских позиций.

Героизм русских воинов вызвал восхищение даже у Наполеона. Среди героев битвы особо выделялись воины, сражавшиеся на левом фланге, защитой которого непосредственно руководил генерал Багратион. С шести часов утра и до полудня русские отбили семь французских атак. Знаменитые французские полководцы Даву, Мюрат, Ней

и Жюно не смогли добиться успеха. Багратион не только оборонялся, его контратаки не раз ставили французов в критическое положение.

С каждым часом нарастало ожесточение битвы. Находившийся на левом фланге Ф. Н. Глинка так вспоминал об этом: «...ужасна была картина той части поля Бородинского, около деревни Семеновской, где сражение кипело, как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивою смерти... Груды трупов, человеческих и конских, множество действующих и подбитых пушек, разметанное оружие, лужи крови, тучи дыма — вот черты из общей картины поля Бородинского». Сражение было столь ожесточенным, что не оставалось ни одного клочка земли, не покрытого осколками. Багратион заметил, обращаясь к своей свите: «Здесь и трус не найдет себе места».

В двенадцать часов началась восьмая атака французов, в которой против 18 тысяч солдат и 300 орудий, имевшихся в распоряжении Багратиона, Наполеон бросил 45 тысяч солдат и 400 орудий. Это была последняя атака, отражением которой руководил генерал Багратион.

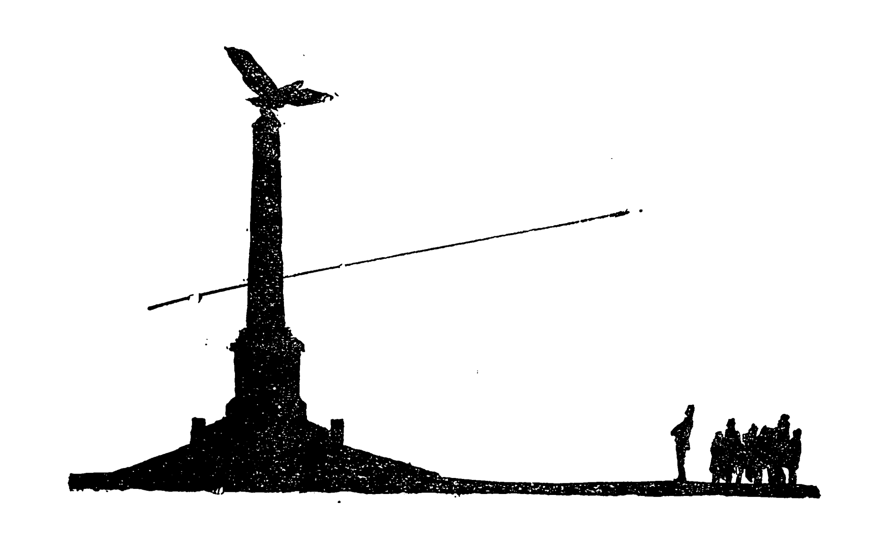
Во время жестокого боя, перешедшего в рукопашную схватку, Багратион приказал командиру 2-й кирасирской дивизии атаковать французов. Разорвавшийся недалеко от Петра Ивановича снаряд ранил его осколками в левую ногу.

Прапорщик-артиллерист А. А. Норовов, находившийся на позициях недалеко от Багратиона, рассказывал впоследствии, что он вдруг увидел приближавшуюся к нему небольшую группу людей, которые поддерживали «полунесомого, но касавшегося одной ногой земли генерала». В смятении он узнал в этом генерале Багратиона, «которым доселе почти сверхъестественно держался наш левый фланг».

Это было пятое ранение Багратиона. Но если четыре раза генерал не выходил из боя, то это ранение оказалось для него роковым. Генерал пытался продолжать командовать, но потерял сознание. Врач Багратиона Яков Иванович Говоров сделал ему перевязку. Затем генерала доставили на перевязочный пункт, где главный медицинский инспектор армии лейб-медик Виллие еще раз осмотрел рану, почистил ее и перевязал. На перевязочном пункте Петр Иванович встретил раненого адъютанта Барклая де Толли барона Левенштерна. Несмотря на тяжелое состояние, в котором он находился, Багратион нашел в себе силы попросить Левенштерна уверить Барклая в своем искреннем уважении.

27 августа 1812 года Багратиона повезли в Москву.

„ПОТОМСТВУ В ПРИМЕР!"

30 августа раненый полководец и сопровождавшие его прибыли в древнюю столицу. Самочувствие Петра Ивановича резко ухудшилось, его мучили боли и лихорадка, у него пропали аппетит и сон.

Московский губернатор граф Растопчин в тот же день посетил Багратиона. В своих записках он вспоминал: «Он был в полном сознании, страдал ужасно, но судьба Москвы не давала ему ни минуты покоя... Кость его ноги была раздроблена повыше щиколотки, но сделать ему немедленную ампутацию не рискнули, так как ему было уже около пятидесяти лет и кровь у него была испорчена. Когда утром того дня, в который Москва впала во власть

неприятеля, я приказал объявить ему, что надо уезжать, он написал мне следующую записку: „Прощай, мой почтенный друг! Я умру не от раны моей, а от Москвы"».

2 сентября в девять часов утра Багратиона отправили по Владимирской дороге в Симы, имение Голицыных. Его везли в четырехместной карете, запряженной шестеркой лошадей. Впереди кареты выслали казачий дозор, чтобы избежать возможных встреч с неприятельскими разъездами.

Боли мучили Багратиона, иногда он терял сознание. Несмотря на это, он продолжал проявлять интерес к происходившим событиям, пытался помочь встречавшимся ему на дороге людям — военным и гражданским. Он посылал своих врачей оказывать помощь раненым офицерам и солдатам. На небольших остановках Петр Иванович отвечал на тревожные расспросы жителей городов и сел, мимо которых он проезжал, давал советы чиновникам.

Когда 4 сентября сопровождавший Багратиона врач Я. И. Говоров предложил генералу ампутировать ногу, Петр Иванович с гневом отказался, заявив, что теперь не время помышлять об операции, которая надолго выведет его из строя и лишит возможности «быть полезным к угнетаемому отечеству». Из-за сильных болей, которые испытывал Петр Иванович, приходилось делать в пути частые остановки.

Наконец 7 сентября Багратион был доставлен в Симы. 8 сентября ему сделали рассечение раны. На другой день ему стало легче, и он говорил с Говоровым о том, что после войны поедет лечиться на кавказские воды. Но вечером при перевязке врачи заметили у него гангрену. Ночью он не спал — вновь мучили боли. На другой день Багратион сказал Говорову: «Мне несносно терпеть то состояние, в котором я с давнего времени нахожусь. Я

ничего в жизни моей не боюсь. Страдать я уже привык. Но моя праздная и бездеятельная жизнь, особенно в теперешнее время, мне самым тяжелым и несносным бременем становится». Это была единственная жалоба полководца.

11 сентября он нашел в себе силы, чтобы вести деловые разговоры со своим адъютантом полковником Брежинским, а также прочитать и подписать бумаги для отправки их в Петербург. В этот день он ничего не ел, отказался от всяких лекарств. Говоров, издавший через три года после смерти генерала в Петербурге книгу «Последние дни князя Петра Ивановича Багратиона», писал в ней: «Я примечал во время сего состояния мрачную тоску, разливавшуюся по лицу его. Глаза постепенно теряли свою живость, губы покрывались синевою, а впалые и увядшие щеки — смертельной бледностью».

Главный медик Второй Западной армии Гангардт, находившийся при Багратионе до последних минут его жизни, отмечал: «Он чувствовал от раны жестокую боль, ужасную тоску и страдал иными мучительными припадками, но не изрек ни малейшего сетования на судьбу и страдания свои, снося их как истинный герой, не ужасаяся смерти, ожидал приближения ее с тем же спокойствием, с которым готов был встретить ее и среди ярости сражения».

12 сентября, на семнадцатые сутки после ранения, Петр Иванович Багратион скончался.

Была ли смерть полководца неизбежной? Историки и медики тщательно изучили документы. Они отметили, что лишь на четырнадцатые сутки врачи извлекли из его раны осколки гранаты, раздробленные частицы кости, обрывки ткани и т. п. При условии своевременного оказания помощи жизнь Багратиона можно было спасти даже при несовершенных средствах, которыми тогда располагали хирурги.

Петр Иванович скончался вдали от родных и друзей. Впрочем, один из них — хозяин села Симы генерал-лейтенант Б. А. Голицын — находился недалеко, в городе Пскове. Там была главная квартира Владимирского ополчения. Но Борис Андреевич был начальником ополчения и не мог отлучиться.

В момент смерти генерала рядом с ним находились люди, связанные с ним по службе и в быту: адъютанты, конвой, врачи, камердинер, слуги, работавшие по вольному найму, и несколько крепостных.

Сразу же после смерти Петра Ивановича в Симы прибыл генерал-лейтенант Сен-При, начальник штаба Второй Западной армии, который лечился от полученной раны недалеко от поместья князей Голицыных. Он оказался старшим среди окружавших покойного и взял на себя руководство погребением. 14 сентября он написал в Петербург рапорт о смерти генерала Багратиона.

В тот же день в Петербурге Александр I подписал рескрипт, в котором, выразив сожаление в связи с ранением Багратиона, пожаловал ему пятьдесят тысяч рублей на лечение. Но через три дня после подписания рескрипта Александр I отмечал в письме к великой княгине Екатерине Павловне, что «отчасти причиной наших неудач» были «крупные ошибки» Багратиона, который «о стратегии и понятия не имеет». Так русский император оценил действия Багратиона, сумевшего в труднейших условиях вывести свою армию к Смоленску. Напомним, что Бонапарт расценивал действия русского полководца как потерю французской армией результатов «начального периода войны».

Накануне того дня, когда царь послал свое письмо сестре, Багратион был уже погребен.

17 сентября при большом стечении народа гроб с телом Багратиона был установлен в склепе церкви имения Голицыных. Гробницу обнесли металлической решеткой.

На бронзовой позолоченной доске сделали надпись: «Князь Петр Иванович Багратион, находясь у друга своего князя Б. А. Голицына в селе, получил высочайшее повеление быть Главнокомандующим 2-й Западной армией. Из села Симы отправился к оной и, будучи ранен в деле при Бородине, прибыл опять в Симу, где и скончался».

* * *

Известие о Бородинском сражении сравнительно быстро дошло до Петербурга и вызвало всеобщее ликование. Решающего сражения ждали и надеялись на его успех. Официальных сообщений еще не было, а молва уже возглашала победу над французами.

Донесение о Бородинском сражении, написанное Кутузовым на другой день после битвы, император получил 30 августа во время обедни в Александро-Невском монастыре. Генерал-лейтенант А. И. Горчаков громко зачитал его. Благодарственный молебен, последовавший за этим, сопровождался пушечной пальбой, извещавшей население столицы об одержанной победе. Люди ликовали, обнимались и целовались на улицах. В этот день в Петербурге была прекрасная, солнечная погода. Толпы народа заполнили Невский проспект — от Адмиралтейства до Александро-Невского монастыря. Император, приветствуемый жителями столицы, несколько раз проехал по Невскому проспекту. Как отмечал один из очевидцев этих событий в письме из Петербурга в Москву, «к вечеру добровольно весь город был освещен».

Через два дня донесение М. И. Кутузова было опубликовано в газетах. Кутузов писал, что Наполеон «пользуясь туманом, четыре часа с рассветом направил все свои силы на левый фланг нашей армии. Сражение было общее и продолжалось до самой ночи, потери с обеих сторон были велики: урон неприятельский, судя по упорным

атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма наш превосходить. Войска Вашего Императорского Величества сражались с неимоверной храбростью». В этом же донесении Кутузов сообщал, что «к сожалению, князь Петр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу». В другом донесении, написанном Кутузовым 29 августа 1812 года и опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» только 11 сентября, то есть уже после падения Москвы, Кутузов подчеркивал, что Бородинская баталия была самой «кровопролитнейшей из всех тех, которые в новейших временах известны».

За Бородинское сражение Кутузову было присвоено звание фельдмаршала, он был награжден ста тысячами рублей, Барклаю де Толли был пожалован орден Георгия 2-го класса.

Между тем слухи, которые опережали официальные донесения, в первых числах сентября приобрели совсем другой характер. В столице заговорили об отступлении армии Кутузова и об оставлении Москвы. Этому мало верили. Одного помещика, бежавшего из Московской губернии и рассказывавшего о вступлении французов в Москву, задержали на заставе как распространителя паники.

Только 7 сентября император получил сообщение от московского губернатора Растопчина о намерении Кутузова оставить Москву. Вечером 9 сентября к царю прибыл с донесением от Кутузова полковник Мишо. Кутузов сообщал об оставлении русскими войсками Москвы. Объясняя причины произошедшего, он писал: «...последствия сего нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал». Однако Кутузов подчеркивал, что «пока армия цела... дотоле потеря Москвы не есть потеря Отечества».

10 сентября в столице собрался комитет министров, который обсуждал донесение Кутузова о сдаче Москвы. Но

никакого решения он вынести не мог и потребовал от Кутузова доставить в Петербург протокол заседания Военного совета, на котором было принято столь важное решение.

Сообщение об оставлении Москвы, дополненное толками о движении Наполеона на Петербург, произвело в столице тяжелое впечатление.

Многие жители покидали город, резко возрос спрос на экипажи, барки и лодки. Растерявшийся царь жил отшельником на Каменном острове вплоть до ноября. Биографы его отмечают, что в эту осень он пристрастился к чтению Библии и уединенным прогулкам в парке. В столице вновь толковали о его неспособности противостоять Наполеону, появились слухи о возможном покушении на императора. 15 сентября, в день коронации, Александр I, опасаясь за свою жизнь, впервые выехал не верхом, а в карете. Никто на императора не покушался, но у Казанского собора его встретила мрачная молчаливая толпа.

Чтобы как-нибудь пресечь слухи, в газетах было опубликовано донесение Кутузова, откуда были изъяты слова о «расстроенном состоянии войск», в котором полководец застал их перед Бородином.

20 сентября «Санкт-Петербургские ведомости» «по высочайшему повелению» опубликовали следующее извещение: «Здесь, в Санкт-Петербурге, берутся некоторые меры к вывозу отсель нужных вещей. Сие отнюдь не для того делается, чтобы какая-нибудь опасность угрожала сей столице». Чиновник для поручений при А. А. Аракчееве В. Р. Марченко, приехавший в Петербург в последние месяцы достопамятного 1812 года, писал: «Петербург нашел я в болезненном каком-то состоянии. Лица мрачные, и на улицах полная тишина... все послы, кроме английского, оставили Россию. Французская труппа распущена. Большой театр сгорел и остался один только маленький,

деревянный. Эрмитаж, библиотеки, ученые кабинеты и дела всех присутственных мест вывезли водой на север, чем воспользовались и служащие, присоединив свои ящики к казенным. Затем все жили по пословице «на мази», кто мог, держал хоть пару лошадей, а прочие имели наготове крытые лодки, которыми были запружены каналы. Закрытие банка и ломбарда, с пресечением доходов с деревень, сделало то, что монетный двор не успевал перечеканивать в монеты приносимых сервизов. О званых обедах и помину не было... Курьеров прямо от шлагбаума направляли по Лиговке во двор Аракчеева, здесь отбирали донесения и держали сутки или двое — не пускали в город, чтобы не болтали».

Только через полтора месяца после смерти Багратиона в императорских приказах, публикуемых в «Санкт-Петербургских ведомостях», в графе «исключаются из списков умершие от полученных ран» было упомянуто его имя.

Смерть Петра Ивановича последовала в тяжелое для страны и для Петербурга время. Каждый день узнавали о гибели или о ранении близких и родных. Погибших было много — и генерал Багратион был одним из них. И тем не менее известие о гибели полководца привлекло всеобщее внимание. В журнале «Сын Отечества» было опубликовано стихотворение Николая Остолопова «При известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона». Автор стихотворения писал:

Гул страшный в воздухе несется,
У воинов и плач и стон,
Из ряду в ряд передается:
Ты мертв, ты мертв, Багратион.

В конце сентября 1812 года из Петербурга в Симы для ознакомления с бумагами Петра Ивановича были посланы чиновники Чикунов и Березовский. Но после смерти

Багратиона эти бумаги уже разбирал граф Сен-При. Прибывшие вновь пересмотрели их и разложили по трем пакетам. В первый поместили письма и рескрипты государей, адресованные Багратиону, во второй — бумаги со счетами и доверенностями, в третий — частную переписку Петра Ивановича. Особый интерес чиновники проявили к частной переписке. О причине этого можно судить по более позднему письму генерал-лейтенанта С. И. Салагова, который долгие годы был доверенным лицом Багратиона. Салагов доносил Александру I о результатах выполнения деликатного «всевысочайшего поручения касательно отыскания записок». Речь шла о двух записках сестры царя Екатерины Павловны, посланных в свое время Петру Ивановичу. Царь боялся, что эти записки могут «скомпрометировать» царскую семью. Салагов, у которого Багратион хранил обычно свою шкатулку с документами, доносил, что, отправляясь в 1811 году в Житомир, Петр Иванович против обыкновения захватил с собой и шкатулку. Салагов писал императору: «Я и по днесь не могу понять, ради каких причин он и тогда хранил записки. Верьте мне, всемилостивый государь, что оные ничего в себе, кроме одной детской игрушки, не составляли». Салагов полагал, что записки, которые так беспокоили царя, были сожжены Багратионом.

Эти розыски были предприняты через несколько лет после смерти Багратиона. В начале же октября 1812 года чиновники забрали в Петербург все найденные бумаги покойного полководца, передав распоряжение царя оставить гроб с телом Петра Ивановича в склепе поместья Симы навечно.

Среди вещей Багратиона нашли четыре портрета, которые он всегда возил с собой. Один из них изображал императрицу Марию Федоровну. Он был исполнен на табакерке, осыпанной бриллиантами и подаренной генералу самой моделью художника. Два других портрета —

А. В. Суворова и княгини Е. П. Багратион, также на табакерках,— были сделаны по заказу Петра Ивановича. Четвертый портрет в золоченом футляре изображал великую княгиню Екатерину Павловну. Эти люди сыграли каждый свою роль в жизни Багратиона и оставили в ней заметный след.

В декабре 1812 года в Петербурге было издано отдельной брошюрой стихотворение «На кончину его сиятельства генерала инфантерии князя П. И. Багратиона». Автор его писал:

Багратиона нет!
Любезный нам его
Сокрылся вид геройский.
Осталось имя нам,
Остались тысячи
Похвальных дел, примеров,
Отечеству заслуг.

...Год, прошедший после смерти Багратиона, был полон крупнейшими событиями. Наполеон, как и предвидел Петр Иванович, «нашел в России гибель себе». Скончался фельдмаршал Кутузов, выполнивший свой долг перед Россией и обессмертивший свое имя. Русские войска победителями вступили в Париж.

Имена героев Отечественной войны 1812 года, и среди них одно из самых славных — имя Багратиона, не были забыты. Наоборот, чем дальше уходил в историю 1812 год, тем чаще в памяти людей вставал образ полководца.

Только три месяца принимал генерал Багратион участие в Отечественной войне 1812 года. Но отдал Родине не только все свои силы и способности. Он отдал и свою жизнь.

Знаменитый русский поэт В. А. Жуковский в поэме «Певец во стане русских воинов» писал о нем:

И ты, Багратион,
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач — во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда внемлет,
Все мнят — с одра восстанет.
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы, он скоро грянет».
А он — навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область славных воспарил
К тебе, отец Суворов.

Эти строки были опубликованы в «Сыне Отечества» в сентябре 1813 года, в первую годовщину со дня гибели генерала Багратиона.

Шли годы... В Петербурге было принято решение о создании портретной галереи героев Отечественной войны. С 1819 по 1828 год английским портретистом Д. Доу и в значительной мере его русскими помощниками А. В. Поляковым и В. А. Голике были написаны более трехсот портретов военачальников русской армии, участников кампании 1812—1814 годов. Был написан и портрет Багратиона. Он и сегодня привлекает внимание посетителей галереи. С холста художника на нас устремлен мужественный и спокойный взгляд человека, которому много пришлось испытать на своем веку и не раз заглядывать смерти в глаза. Полководец изображен в парадном генеральском мундире с золотыми эполетами и с золотым шитьем на красном воротнике мундира.

Во второй половине 1826 года по проекту архитектора Росси в самой середине парадной части Зимнего дворца, между Белым и Большим тронным залами, на месте нескольких небольших комнат, была создана обширная галерея для размещения портретов, написанных Доу. Торжественное открытие ее состоялось 25 декабря 1826 года — в четырнадцатую годовщину изгнания полчищ На-

полеона из России. Сегодня этот триумфальный памятник является гордостью Эрмитажа.

До 1839 года прах генерала Багратиона находился в селе Симы Владимирской губернии. По инициативе друга и сподвижника Багратиона Дениса Давыдова в 1839 году его перенесли под Москву, на место ранения полководца.

В конце июня 1839 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась заметка об этом событии. Автором ее был князь Николай Борисович Голицын. Он писал, что 3 июля вечером в Симах при большом стечении народа, собравшегося со всей округи, из склепа церкви был извлечен гроб с останками Багратиона. Гроб установили в церкви на постаменте, и до 5 июля около него толпился народ, отдавая полководцу почести, 5 июля гроб поставили на богато убранную колесницу с балдахином и в сопровождении Киевского гусарского полка, который был назначен в почетный эскорт, повезли в сторону Москвы. Под звуки траурного марша люди много километров сами везли колесницу. В жаркий и знойный день, несмотря на одуряющую духоту, толпы народа провожали прах полководца двадцать верст, до города Юрьева. Останки генерала были преданы земле на Бородинском поле, на кургане у подножия памятника героям Бородина.

Много лет позже имя Багратиона было присвоено 6-му егерскому полку, командиром которого он был во время суворовских походов. Но присвоение имени героя егерскому полку не означало признания полководческих заслуг генерала Багратиона: о нем по-прежнему писали и говорили, главным образом, как о герое-солдате, храбром и отважном человеке.

В связи с празднованием столетия Бородинской битвы генерал-майор Л. М. Белькович написал очерк о Багратионе, который был опубликован в 1912 году в журнале «Русская старина». Он с горечью отмечал, что в его время в русских военных школах подробно изучали военную

деятельность различных фридрихов, карлов и адольфов и почти не уделяли внимания достижениям замечательных русских полководцев. «Бессмертные итальянский и швейцарский походы обходили молчанием»,— писал он.

* * *

Петр Иванович Багратион был выдающимся полководцем своего времени. Он прекрасно разбирался в особенностях и требованиях современных ему войн. У него был широкий военный кругозор, он понимал связь войны с политикой. Об этом свидетельствуют письма Багратиона, написанные им Александру I накануне Отечественной войны. Как уже отмечалось, Багратион сумел правильно определить характер этой войны. Напомним, что в Молдавии он показал себя не только крупным полководцем, но и выдающимся государственным деятелем. В Отечественной войне 1812 года Багратион проявил крупные стратегические способности, обеспечив выход своей армии к Смоленску. Багратион не только прекрасно разбирался в вопросах тактики, но и внес крупный вклад в ее развитие. Все это позволяет нам говорить о Багратионе как об одном из крупнейших русских полководцев.

Победа русского народа в Отечественной войне 1812 года имела историческое значение. Она не только спасла Россию от иноземного ига. Она нанесла сокрушительный удар по планам мирового господства французской буржуазии, которые пытался осуществить Наполеон. Для истории России победа в Отечественной войне 1812 года значила больше, чем спасение страны от иноземного нашествия. Декабрист А. А. Бестужев справедливо писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной».

В числе героев 1812 года одно из первых мест занимал Петр Иванович Багратион. Его личный вклад в победу русского народа огромен.

В тяжелейших условиях он спас и вывел свою армию на соединение с главными силами русских. Он понимал это, и за месяц до своей смерти писал адмиралу П. В. Чичагову: «Я сделал свой долг, отброшенный от армии, преодолев все преграды, соединился». Он был одним из основных героев Бородинского сражения. Непродолжительная, но яркая деятельность Багратиона во время Отечественной войны 1812 года — это подвиг полководца, навсегда обессмертивший его имя в истории нашей Родины.

На чем же основывалось полководческое искусство Петра Ивановича Багратиона? Прежде всего на природном даровании, позволявшем ему быстро разбираться в обстановке и находить наиболее правильные решения. Это дарование развивалось в ходе практической военной деятельности. Редкий сплав полководческого таланта и боевого опыта, который Багратион приобрел под руководством Суворова и Кутузова, и был его военной подготовкой.

Из 332 военачальников, портреты которых представлены в военной галерее Эрмитажа, только 52 получили систематическое военное образование в существовавших тогда трех Кадетских корпусах. В то же время среди петербургских «стратегов», генералов из свиты Александра I, многие имели солидное военное образование, но на театре военных действий оказались бездарны. И даже такой боевой генерал, как М. А. Милорадович, окончивший курс в Кенигсбергском и Геттингенском университетах, изучавший артиллерийское дело в Страсбурге, а фортификацию в Меце, так и не стал крупным полководцем.

Но о Багратионе автор книги «Поход в Россию» адъютант Наполеона граф де Сегюр писал: «Это был старый суворовский солдат, страшный в сражениях, он не верил

в книги, искал наставлений в личном боевом опыте и слушался только своего вдохновения».

Военное дарование, однако, не исчерпывается способностью принимать правильные решения в сложной обстановке. Полководцу необходимы еще решительность, твердая воля и мужество. Всем этим Багратион обладал в избытке. И наконец, следует отметить еще одну черту Багратиона, в значительной мере определившую его боевые успехи. Требовательный, но справедливый и отзывчивый, он пользовался огромной популярностью в войсках. Об этом писали многие его современники.

Багратион был далек от сословной спеси. Воспитанный Суворовым, он был демократичен; уважение к солдату сочеталось в нем с уважением к трудовому русскому человеку — крепостному крестьянину. Это находило проявление в его приказах. Еще перед войной, в мае 1812 года, Багратион предлагал «внушать помещикам... требовать, чтобы из обязанности к крестьянам и общего всем сострадания к человечеству позаботились бы улучшить образ жизни крестьян своих...».

Высокие боевые качества русских солдат не знали себе равных в мире. Р. Вильсон, английский агент, так оценивал многочисленные походы и сражения русских: «...они привычны ко всем переменам погоды и нуждам, к самой худой и скудной пище, к походам днем и ночью, к трудным работам и тягостям; упорно храбры, удобно возбуждаются к славным подвигам...»

Отмечая патриотизм и преданность русских солдат воинскому долгу, Вильсон подчеркивал, что «Суворов знал сей образ мыслей и, пользуясь оным, достигал с самыми малыми способами блистательных успехов».

Понимание роли солдата в войне было одним из основных принципов суворовского военного искусства. Багратион не только прекрасно понимал это, но и действовал всегда в соответствии с суворовскими принципами. В ус-

ловиях господства в русской армии гатчинской военной системы это было не просто. Забота о солдатах и уважительное отношение Багратиона к ним расценивались Александром I как ослабление воинской дисциплины.

Воспитанник «архирусского генерала», Багратион был горячим русским патриотом. Русский патриотизм был одним из самых ярких качеств Петра Ивановича. Грузин по национальности, Багратион по своему воспитанию, образу мыслей был русским и часто подчеркивал это. В своих письмах он часто употреблял такие выражения, как «я вам сказал, как русский русскому», «Россия — мать наша» и другие. В донесении Александру I в августе 1812 года Багратион писал: «Поистине нет для меня на свете блага, которое бы предпочел благу Отечества».

Передовое русское военное искусство того времени не имело прогрессивной политической и экономической почвы, какую, например, имело французское военное искусство в конце XVIII века. Оно развивалось в острой борьбе с реакцией.

Суворову приходилось не только воевать с турками и французами, но и вести не менее опасную «войну» с Павлом I и гатчинскими «преобразователями» армии. Кутузов воевал с Александром I и его советниками.

Багратион, до 1809 года не занимавший самостоятельного военного положения, не конфликтовал с правящей верхушкой, но стоило ему стать во главе Молдавской армии, как он вступил в конфликт с царем и его окружением, что и повлекло за собой отставку полководца.

* * *

Багратион не оставил после себя прямого потомства. Детей у него не было.

Но род Багратионов продолжался. Жизнь разбросала представителей его по всему свету. Родной брат полковод-

па Роман Иванович Багратион и двоюродный брат Александр Кириллович Багратион служили в русской армии.

В русской армии служил правнук Романа Ивановича генерал Дмитрий Петрович Багратион. После Великой Октябрьской социалистической революции он без колебаний перешел на службу в Красную Армию и был начальником кавалерийской школы. Умер он в начале 1920-х годов.

В предвоенные годы одной из далеких продолжательниц рода Багратионов Вере Петровне Багратион в ознаменование заслуг ее замечательного предка была установлена персональная пенсия. Тогда же в Самарканде жил еще один представитель этого рода — молодой Николай Багратион. Он мечтал стать актером. Во время Великой Отечественной войны он был наводчиком противотанкового орудия и в одном из боев подбил четыре фашистских танка. В первые месяцы войны Николай Багратион был принят в ряды ВКП(б).

Герои 1812 года остались в памяти народной навсегда. Их имена служат нам примерами мужества и героизма, проявленными в борьбе за свободу и независимость Отчизны. Они вдохновляли советских людей на подвиги в годы Великой Отечественной войны, самой тяжелой в истории нашей Родины, войны за свободу и независимость первого в мире социалистического государства. В июле 1941 года Академия наук СССР выпустила в свет сборник документов и материалов об Отечественной войне 1812 года. В послевоенные годы началось серьезное и всестороннее изучение деятельности Багратиона. Вышел в свет сборник документов, посвященный полководцу. Советский военный историк И. И. Ростунов опубликовал исследование о нем. Все это является началом большой работы.

...В 1944 году на московский адрес замечательного советского полководца генерала армии Константина Константиновича Рокоссовского пришла посылка из далекой Канады. В посылке оказался старинный бокал с портретом Петра Ивановича Багратиона. Это был знак восхищения родственников Багратиона подвигами советского полководца. В сопроводительном письме утверждалось, что бокал принадлежал самому Петру Ивановичу. В настоящее время бокал экспонируется в музее А. В. Суворова в Ленинграде среди вещей, принадлежавших Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

Лучшие черты русского передового военного искусства, в развитие которого, как уже было сказано, внес большой вклад и генерал Багратион, унаследованы советским военным искусством. И не случайно одна из крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны, операция 1944 года по освобождению Белоруссии, получила название «Багратион». Знаменательно, что именно в связи с успешным завершением этой операции Константину Константиновичу Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Чем дальше уходят в глубь истории подвиги Багратиона, совершенные им во славу России, тем ярче становится благородный образ прославленного русского полководца. И с восхищением советские люди отдают дань его памяти.

После Великой Отечественной войны город в Калининградской области, бывший Прейсиш-Эйлау, под которым в свое время мужественно сражался Багратион, назван Багратионовском. В Москве одна из улиц и станция метро названы именем полководца. В 1977 году советские ученые, участники океанологической экспедиции на судне «Академик Курчатов», открыли в Южной Атлантике, недалеко от острова Святой Елены, две большие подводные горы, бывшие когда-то островами. Одну из этих подвод-

ных гор они назвали «Багратион». На родине полководца, в городе Кизляре, который сегодня является промышленным центром Дагестанской АССР и славится своими виноградниками и садами, имя Багратиона носят одна из центральных улиц и местный краеведческий музей.

Мы, ленинградцы, помним, что в нашем городе прошла значительная часть пути замечательного русского полководца Петра Ивановича Багратиона и сохранились памятные места, связанные с его жизнью и военной деятельностью во славу России.

ЗДЕСЬ ЖИЛ И БЫВАЛ П. И. БАГРАТИОН

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние дома
1801—1805	Дом графини Е. В. Мусиной-Пушкиной-Брюс	На Дворцовой площади, на месте левого крыла здания Главного штаба	Не **сохранился**
1806—1807	Дом княгини А. П. Гагариной на Дворцовой набережной	Дворцовая набережная, 10—12	**Перестроен**
1806—1811	Дача Багратиона в Павловске	Павловский парк, территория между Парадным полем и районом Белая Береза	Не **сохранилась**
1808	Дом статского советника Адоевского. Набережная Мойки	Конногвардейский переулок, 10	**Перестроен**

Продолжение

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние дома
1810—1811	Дом статского советника Д. Faминцына на Невском проспекте	Невский проспект, 92	Перестроен
1782	Дача Г. А. Потемкина на Петергофской дороге	Проспект Стачек, 128	Перестроена
1800	Крюков канал, дом полковника А. И. Фомина, второй этаж, квартира Д. И. Хвостова	Набережная Крюкова канала, 23	Перестроен
1800—1811	Казармы лейбгвардии егерского полка	На месте пересечения Звенигородской улицы и улицы Правды	Не сохранились
1800—1801	Гатчинский дворец	Гатчина	Частично перестроен
1801—1802	Дом М. И. Кутузова	Набережная Кутузова, 30	Сохранился
1806	Медико - хирургическая академия, Выборгская сторона, Нижегородская улица	Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, улица Лебедева, 6	Частично перестроена

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., Воениздат, 1958, с. 630.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 79—80.

Белькович М. Князь П. И. Багратион. — «Русская старина», 1912, т. 51.

Борисов С. Багратион. М., Воениздат, 1938.

Борисевич А. К столетию со дня смерти незабвенного кн. Багратиона. — «Русский инвалид», 1912, № 204, 208, 209, 211.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., «Наука», 1962.

Бескровный Л. Г. Русская армия XIX века. М., «Наука», 1973.

Баиов А К. Русская армия в царствование Александра I.— «Журнал императорского военно-исторического общества», СПб., 1912, кн. 12.

Багратион В. П. Мой дедушка. — «Огонек», 1941, № 15.

Вейс З. А. и *Громова Н. И.* Исследования к реставрации Розового павильона. 1951—1966 гг. Рукопись. Павловский дворец-музей.

Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., Политиздат, 1945.

Георги И. Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга. СПб., 1974.

Голицын Н. Б. Офицерские записки, или воспоминания о походе 1812—1814 годов. М., 1838.

Голицын Н. Н. Род князей Голицыных, т. 5. СПб., 1892.

Глинка В. М. и *Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., «Аврора», 1974.

Говоров Я. И. Последние дни князя П. И. Багратиона. СПб., 1815.

Давыдов Д. В. Военные записки. М., Госиздат, 1941.

Долгорукий П. Российский родословный сборник. СПб., 1840.

Денисов Ю. Усадьба XVIII века на Петергофской дороге. — «Архитектурное наследство», 1953, № 4.

М. И. Кутузов. Документы, т. 1, 5. М., Воениздат, 1950.

Коленкур А. Мемуары. М., Госполитиздат, 1943.

Клаузевиц К. О войне, т. 1. М., Воениздат, 1937.

История лейб-гвардии егерского полка. СПб., 1896.

Лебедев П. Преобразователи русской армии. — «Русская старина», 1877, т. 28.

Михайловский-Данилевский А. Описание войны 1806 года. СПб., 1844.

Михайловский-Данилевский А. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном. СПб., 1846.

Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны 1812 года, ч. 1—4. СПб., 1840.

Милютин Д. История войны 1799 года. СПб., 1857.

Муравина Ф. Багратион. М., Воениздат, 1944.

Малышева А. и *Логинова Е.* Ранение и смерть генерала Багратиона. — «Советская медицина», 1956, № 6.

Отечественная война 1812 года. Сборник документов. М., Изд-во АН СССР, 1941.

Отечественная война 1812 года и русское общество, т. 1, 5. М., 1912.

Очерки истории Ленинграда, т. 1. Изд-во АН СССР, 1955.
Поликарпов Н. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го пехотного Устюжанского генерала князя Багратиона полка. Вильна, 1897.
Полосин Н. П. И. Багратион. М., Учпедгиз, 1948.
Попов Н. Ранение и смерть Багратиона. — «Вопросы истории», 1975, № 3.
Петров Н. История родов российского дворянства, т. 1. СПб., 1866.
Пушкарев И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1839.
Пыляев М. Старый Петербург. СПб., 1903.
Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847.
Реймерс Г. Петербург при императоре Павле I. — «Русская старина», 1883, т. 39.
Ростунов И. П. И. Багратион. М., Воениздат, 1957.
Равенский Ф. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1880.
Русский биографический словарь, т. 2. СПб., 1900.
Реймс. Адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1809.
Строков А. История военного искусства. М., Воениздат, 1955.
Строков А. История военного искусства. М., Воениздат, 1965.
Синюхаев Г. Генерал от инфантерии князь П. И. Багратион. Петроград, 1915.
Суворов А. Документы, т. 4. М., Воениздат, 1953.
Столетие города Гатчины. Гатчина, 1896.
1812 год. Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1962.
Свиньин П. Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1816.
Столпянский П. Петергофская перспектива. СПб., 1923.
Столетие военного ведомства, т. 1, 4. СПб., 1902—1904.
Шильдер Н. Император Александр I, т. 2. СПб., 1904.
Шильдер Н. Император Павел I. СПб., 1901.
Энциклопедический лексикон, т. 4. СПб., 1835.
Письма и воспоминания современников о П. И. Багратионе и его времени. — «Русская старина», 1867—1868, 1870, т. 1; 1874,

т. 10; 1877, т. 3; 1885, т. 45; 1886, т. 5; 1896, т. 35; 1897, т. 3; 1899, т. 99; 1902, т. 109.

«Русский архив», 1873, т. 1, 7, 12; 1889, т. 64; 1898, т. 1, 2; 1899, т. 3, 4; 1904, т. 4; 1911, т. 1.

«Исторический вестник», 1887, т. 3; 1917, т. 1—3.

«Санкт-Петербургские ведомости», 1782, 1799—1812.

Архив Пушкинского дома, фонды 265 и 344.

Ленинградский областной архив, фонд 513.

Рукописный отдел Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, фонды 124, 143, 856.

ЦВИГА (Москва), фонд Военно-учебного отдела, т. 596, 587, 5886, 2926, 2927, 3690.

ЦГИА (Ленинград), фонды 493, 516, 551, 557, 583, 899, 1018, 1088, 1409.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Константинович Грибанов

«БАГРАТИОН В ПЕТЕРБУРГЕ»

Редактор Л. Е. Кошевая
Художник Ю. П. Китаев
Художественный редактор И. З. Семенцов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор Л. М. Ван-Заам

ИБ № 1127

Сдано в набор 27.04.79. Подписано к печати 24.08.79. М-20195. Формат 70×108$^1/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,80+вкл. Уч.-изд. л. 9.50+1.45=10,95. Тираж 50 000 экз. Заказ № 116. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57

90 коп.